

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 1 (7)

Academic Journal

Series
*Political Science. History. International Relations.
Area Studies. Oriental Studies*

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 1 (7)

Научный журнал

Серия
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Москва
2017

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тошенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаكلةина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Гуцин, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Журавлева, зам. гл. ред., д-р ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Е.С. Мелкумян, зам. гл. ред., д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), Е.Н. Жукова, отв. секретарь, канд. полит. н. (РГГУ), Е.А. Алексеева, отв. секретарь (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.А. Гордеева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), С.В. Гришачев, канд. ист. н. (РГГУ), Е.В. Барышева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), Т.А. Шаكلةина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России)

Ответственные за выпуск: Е.Н. Жукова, канд. полит. н. (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, д-р филос. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Социальное сотрудничество: история и современность

Н.В. Иллерицкая

Социальное сотрудничество в истории России:
версии российской историографии 9

Е.А. Долгова

Конфликт vs сотрудничество в советской науке 1930-х гг.:
статусы, привилегии и партийность 19

П.А. Алипов

А. Мау, Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев:
к вопросу о научной кооперации историков 28

И.Е. Корнеев

Олимпиада-80 в советской пропаганде: сотрудничество
и конфронтация в международной спортивной политике 1975–1989 гг. 39

Стратегии, технологии и модели социального сотрудничества

С.И. Бойко, Ю.А. Полещук

Формирование стратегий сотрудничества в коммуникативном
стиле специалистов в сфере государственного управления 45

Ю.С. Перфильев

Сотрудничество и консолидация региональных политических элит
в современной России: на примере Иркутской области 55

Р.И. Барахоев

Стратегии сотрудничества общества и власти
в условиях делиберативной кибердемократии:
концепция и перспективы ее реализации 63

Актуальные проблемы международного сотрудничества

Б.А. Антонов

О соотношении концептов «зло» и «враг» в речах Р. Рейгана 71

А.С. Панов

Образы Русской Америки в воспоминаниях
капитана Джона Д'Вулфа 81

**Культурные парадигмы практик сотрудничества:
востоковедческий аспект**

<i>Н.А. Филли</i>	
Вопрос о фальсификации президентских выборов 2009 г. в Иране	97
<i>Н.В. Морозова</i>	
Распространение китайского языка как источник «мягкой силы» КНР	106
<i>А.И. Харитонов</i>	
«Мягкая сила» с китайской спецификой	113

**День прав человека и толерантности: проектирование социальных
практик: Материалы научного экспертного круглого стола**

<i>А.П. Логунов</i>	
День прав человека и толерантности: проектирование социальных практик	121
<i>М.А. Штейнман</i>	
Миграция в XXI веке: социокультурные вызовы и социальное сотрудничество	123
<i>Г.М. Михалева</i>	
Миграционная политика в Европейском союзе	129
<i>М.А. Гордеева</i>	
Социальное сотрудничество в области адаптации мигрантов: анализ немецкого и российского опыта	134
<i>С.П. Донцев</i>	
Права человека в социальных практиках Православной церкви: социальное и политическое измерение	139
<i>И.П. Азерникова</i>	
Права человека и туризм: сотрудничество в эпоху глобализма	146
Abstracts	152
Сведения об авторах	160

CONTENTS

Social cooperation: history and modernity

N. Illeritskaya

Social partnership in Russian history.

Versions of Russian historiography 9

E. Dolgova

Conflict *vs* cooperation in Soviet science in the 1930s. Status,
privileges and party membership

19

P. Alipov

A. Mau, N.P. Kondakov and M.I. Rostovtseff. To the issue
of the historians' scholarly cooperation

28

I. Korneev

1980 Summer Olympics in Soviet propaganda. Cooperation
and confrontation in international sports politics: 1975–1989

39

Strategies, technologies and patterns of social cooperation

S. Boyko, J. Poleschuk

Partnership strategies formation in the experts'
communicative style in the sphere of state administration

45

Yu. Perfiliev

Cooperation and consolidation of regional political elites
in modern Russia by example of Irkutsk region

55

R. Barakhoev

Strategies of partnership of the society with the power
under conditions of deliberative cyberdemocracy.

The concept and prospects of its realization

63

Challenges of international cooperation

B. Antonov

Correlating *evil* and *enemy* moral-religious concepts
in the Ronald Reagan's speeches

71

A. Panov

Images of Russian America in captain John D'Wolf' memories

81

Cultural paradigms of cooperation practices. Oriental aspect

<i>N. Filin</i>	
Electoral fraud in the 2009 presidential elections in Iran	97
<i>N. Morozova</i>	
Chinese language spread as a source for Chinese “soft power”	106
<i>A. Kharitonov</i>	
Chinese peculiarities of “soft power”	113

**Day of human rights and tolerance. Designing social practices.
Proceedings of experts round tables**

<i>A. Logunov</i>	
Day of human rights and tolerance. Designing social practices.	121
<i>M. Shteynman</i>	
Migration in the 21 th century. Socio-cultural challenges and social cooperation	123
<i>G. Mikhaleva</i>	
Migration policy in the European Union	129
<i>M. Gordeyeva</i>	
Social cooperation in the adaptation of migrants. An analysis of German and Russian approaches	134
<i>S. Dontsev</i>	
Human rights in social practices of the Orthodox church. Social and political dimension	139
<i>I. Azernikova</i>	
Human rights and tourism. A cooperation in the era of glocalization	146
Abstracts	152
General data about the authors	163

Социальное сотрудничество: история и современность

Н.В. Иллерицкая

Социальное сотрудничество в истории России: версии российской историографии

В статье рассматривается бытование проблемы социального сотрудничества в русской и российской историографии XIX–XXI вв. Автор концентрирует свое внимание на анализе интеллектуальной конструкции «социальное сотрудничество», предложенном «молодым» поколением историко-юридической школы. Автор подчеркивает, что данная модель социального сотрудничества в истории России была общепризнанной в классической историографии. Советская историография ее полностью отвергла, однако современная социальная история России вновь актуализировала эту модель и инкорпорировала ее в практику историописания.

Ключевые слова: социальное сотрудничество, интеллектуальная конструкция, историко-юридическая школа, социальная история.

Тема социального сотрудничества в истории России является одной из наиболее дискуссионных для российской исторической науки на протяжении XIX–XXI вв. Историки представили различные трактовки этой проблемы: конструируя прошлое, они сознательно помещали исследуемый материал на «территорию историка», которая находится на рубеже представлений прошлого и современности.

Для представителей русской классической историографии XIX – начала XX в. не было ничего более позитивного, чем народы с их историческими судьбами. При такой постановке вопроса обращение к средневековой истории было теоретически обоснованным: в седой русской старине были, по мысли исследователей, и города-государства с их общинной организацией, и древнее народовластие, и взаимозависимое сословно организованное общество,

что вместе взятое составляло общественный идеал социального сотрудничества. Крупнейшие русские историки XIX в. искали и находили в прошлом то, что хотели видеть в современном им обществе: древнее самоуправление, вольности и свободы.

В 60–90-е гг. XIX столетия «молодое поколение» ученых историко-юридической школы – А.Д. Градовский, Ф.И. Леонтович и В.И. Сергеевич – создали классические труды, в которых обозначенные проблемы получили интерпретацию, не потерявшую в теоретическом и методологическом плане своего значения для современной науки.

В 1867 г. вышла первая монография В.И. Сергеевича «Вече и князь»¹, оставшаяся классикой до сегодняшнего дня. Исследование Сергеевича впервые дало строго научное изображение вечевого строя как общего уклада жизни древнерусских земель. Народоуправство, или вече, оказалось не только принадлежностью северных торговых республик, но и общераспространенной формой быта всех русских земель. Его повсеместность была выявлена путем рассмотрения как документальных источников, так и общих условий быта. Сергеевич исчерпал все свидетельства летописей о проявлении вечевой жизни в различных землях и на этом основании сделал вывод о повсеместности действия вече в Древней Руси. Таким образом, Сергеевич убедительно доказал исконность вече как первоначальной формы народоуправства (т. е. социально-политического сотрудничества)².

Все население древнерусской волости состояло, по мнению Сергеевича, из равноправных домохозяев, еще не разделенных на сословные чины. Население представляло единообразную массу: каждый свободный «человек» имел дело с государственной властью. Следовательно, в древнерусском обществе возможна была только непосредственная демократия. Власть призванных князей была слаба, поэтому князья вынуждены были искать для себя опору в согласии и сотрудничестве с народом³.

Главным оппонентом В.И. Сергеевича стал А.Д. Градовский, издавший в 1868 г. очерк «Государственный строй древней России»⁴, в котором он сформулировал собственное видение процессов древнерусской истории, причем сделал это с позиций общинно-договорной теории. Градовский утверждал, что элементы непосредственной демократии в Древней Руси выражались не только в вечевом устройстве: вече соответствовало общинному быту. Основы вечевой формы глубоко коренились в общине как единице хозяйственной и организационной. По мнению Градовского, государство только dokonчило дело, начатое социально-политическим

сотрудничеством общин: общины спокойно тянули возложенное на них тягло и стянули Московское государство⁵.

Во второй половине XIX в. проблема «народоправства» получила в российском обществе особый социально-политический смысл: «народоправство» воспринималось как основной способ участия общества в делах страны. Именно поэтому научное решение проблемы «народоправства» включало аспект «земля и народ». Отсюда и повышенное внимание к истории земских соборов XVII–XVIII вв. как к примеру сотрудничества, непосредственного сближения власти с народом.

В 1875 г. В.И. Сергеевич опубликовал свой очерк «Земские соборы в Московском государстве»⁶. Он подчеркивал, что московские государи не смотрели на объединенный ими народ как на пассивную массу, поэтому во всех трудных случаях сами обращались к нему как к живой силе и искали в единении с ним опору для своих действий⁷.

Одним из наиболее сложных вопросов был вопрос о составе земских соборов. По идее, считал Сергеевич, которая выражалась как во взглядах московских государей на собор, так и в сознании самого народа, на земские соборы должна была созываться для совета вся «земля». И это не просто риторическая фраза. Здесь высказывается сознание эпохи. В состав собора входил государь. В принципе должны были призываться все чины, из которых состояло тогда свободное население Московского государства. Поголовно призывались члены государевой думы и постоянные советники царя. Низшие ряды служилых людей, а именно люди по городу Москве и городовые служилые люди, призывались по выбору. Последний разряд составляли разные чины тяглых людей. К этому разряду принадлежали торговые люди, известные под общим названием «посадские», а также крестьяне под именем уездных людей, т. е. то незначительное число крестьян, которые остались свободными. Но это исключение крестьян до определенной степени восполнялось представительством посадских, в большинстве своем все тех же крестьян, т. к. резкого различия между крестьянами и уездными жителями в то время еще не было. Все низшие разряды представлялись своими выборными⁸.

Все официальные протоколы указывают, подчеркивает Сергеевич, что на соборы сзывались люди разных чинов. Но едва ли можно утверждать, что правительство считало необходимым иметь представительство от каждого чина из каждого населенного пункта. Вводя всюду единообразные московские порядки, правительство склонно было думать, что люди одного и того же чина находят-

ся в одинаковых условиях, где бы они ни жили. Потому считалось, что посадские одного города легко могли представлять интересы посадских людей вообще и, в крайнем случае, собор мог состояться, если на нем были представлены только посадские люди города Москвы. Чаще всего народные представители созывались в целях получения от них денежного вспоможения для пополнения казны, для обсуждения вопросов о мире и войне и устроения «земли» вообще. Факт вынесения приговора соборами не подлежит сомнению. Но как возникал сам приговор «земли»? Надо думать, что решение всегда принималось единогласно, что оно являлось результатом соглашения между всеми⁹.

Русские государи нуждались в сотрудничестве с русской «землей» и эту поддержку они получали в форме соборов. Московские государи имели за собой право действовать и помимо соборов. Но наряду с этим они признавали что-то и за народом, в силу чего обращались к нему за содействием. С исторической точки зрения это «что-то», утверждал Сергеевич, есть отголосок порядков княжеской эпохи, когда князь и народ, по особенностям быта того времени, находились в непосредственных отношениях друг к другу¹⁰. История земских соборов показывает, что они созывались в самые критические периоды жизни Московского государства. Наибольшее число соборов выпадает на время, когда Россия должна была бороться с величайшей разрухой, унаследованной от Смутного времени. И можно сделать вывод, что выборные люди были на уровне своего высокого призвания и хорошо понимали потребности своего времени. Деятельность земских соборов Московского государства была полезна как форма общения и сотрудничества государя с «землей».

Когда народ хочет изменить свою социальную жизнь в настоящем, он обращается к исторической памяти и ищет нужные ему образцы в прошлом. Вопросы, которые задаются прошлому, формулируются потребностями текущего момента, и, чтобы ответить на них, профессиональная историческая наука начинает переформатировать прошлое. В этом контексте во второй половине XIX в. в поле центральной проблематики перемещается история сословности в России, в пространстве которой возможно полнее всего отследить социальное сотрудничество как между различными слоями общества, так и между властью и народом. Таким образом, наиболее разработанной и востребованной в исторической науке оказалась «теория закрепощения и раскрепощения сословий», предложенная историко-юридической школой.

Наиболее полно «теория закрепощения и раскрепощения сословий» в «старшем» поколении историко-юридической школы

была представлена Б.Н. Чичериным¹¹. В объяснениях Чичерина выступает антитеза исторического развития России и Западной Европы, парадоксально переворачивающая основной тезис славянофильской концепции. Славянофилы противопоставляли «общинность» русского славянского быта индивидуалистическому началу Западной Европы. Чичерин объявляет общинность «союзным началом» – основным началом западноевропейской истории. Там люди соединялись в прочные союзы – образовывали сословия; эти сословия стояли рядом с государством и представляли общественное начало, ограничивающее королевскую власть и определяющее ее действия. У нас «одинокое, блуждающие лица» продолжали выступать изолированно; у нас вследствие временного характера договоров сословия не могли получить такой определенности, как на Западе. Только договорные начала с князем создавали связь между его дружинниками, объединяя их в служилое сословие. Таким же образом тягло, хозяйственные повинности превратили в сословия наше городское и сельское население. Проводилась мысль, что русское общество строилось на основе социального взаимодействия и взаимосвязи всех его слоев сверху донизу: тягло каждого сословия обеспечивало существование и деятельность всех остальных сословий и функционирование государства в целом.

Принципы построения русского общества в духе социального сотрудничества продолжили разрабатывать представители «молодого» поколения историко-юридической школы. А.Д. Градовский утверждал, что первоначальная история России определялась двумя важными факторами, неизвестными Западной Европе: понятием о единстве территории и бродячим состоянием народонаселения. Бояре и служилые люди, известные под общим названием дружина, обыкновенно следовали за своими князьями и перемещались из волости в волость. Бродило и все население¹².

Отношения между дворянами и правительством и между собой были служебными. Их положение напоминало положение прежних дружинников, которые были связаны со своим князем только лично. Московские дворяне также добывали себе выгодное место и хороший поместный оклад. Поэтому никакой прочной корпорации не могло составить между лицами одинаково несвободными, объединенными только обязанностями¹³. В течение всего XVII столетия законодательство не знало дворянства как местной корпорации. Правительство пользовалось услугами дворянства только в центральной и полковой службе. Вне этой службы дворянин мог быть только в случае, если правительство не имело надобности пользоваться его услугами. Поэтому то движение, ко-

торое начало наблюдаться в XVII в. в дворянстве, представлялось странным. Рядом с тяготением дворянства к Москве замечалось другое движение – от центра к окраине, к провинции. Под влиянием установления поместий должны были развиваться новые экономические интересы и новые социальные связи, которые в будущем обещали расцвести в земских учреждениях. Поэтому А.Д. Градовский утверждал, что сословием, связанным с местностью обитания, дворянство стало только благодаря своим поместьям, пожалованным за службу¹⁴. Истинно местными сословиями, связанными с территорией, считал Градовский, можно назвать только крестьян и горожан.

В 1868 г. А.Д. Градовский развил общинно-волостную теорию¹⁵. Градовский исследовал вопрос об общине в связи с гражданскими правами крестьянства Древней Руси, равно как и с экономическими условиями их жизни. Он пришел к заключению, что община была единственным и необходимым организмом, который обеспечивал и регулировал жизнь крестьян. По мнению Градовского, огромной заслугой общины было то, что в самые тяжелые времена она сохранила и поддержала крестьянина и понятие о государственном единстве. Первым учреждением, получившим власть над крестьянами, была община. Эта общинная власть долгое время сохраняла гражданскую свободу крестьянина, и только на основе общины могло быть осуществлено самоуправление в Древней Руси.

Свои взгляды на общину в 1874 г. сформулировал Ф.И. Леонтович¹⁶. Он поддержал идею Градовского об органическом происхождении общины и утверждал, что роль общины заключается в том, что она собственными творческими силами организует местный, территориальный элемент, устанавливает отношение народа к месту его оседлости и таким образом оформляет понятие народной территории.

По мнению Градовского, сознание свободы и единства русского общества, долго жившее в народе, препятствовало образованию в России сословий, которые, в сущности, противны нашему национальному духу¹⁷. Градовский подчеркивал, что государство по отношению к местным сословиям – крестьянам и горожанам – действовало другими средствами, чем по отношению к дворянству: достаточно было закрепить общину и предоставить ей закрепить отдельных ее членов. Вольный союз Древней Руси постепенно превращался в тяглое, социально связанное общество. Власть мира, издавна существовавшая как продукт народного сознания, получила казенный характер. Не подлежит сомнению, что закрепление касалось всех общин, как владельческих, так и черных. Некоторая

степень самоуправления сохранялась за городами, но она сохранялась скорее в интересах тягла, чем в интересах общины. Каждое сословие собиралось в одно целое, у сословий были общие интересы. Сословное тягло в конце концов стянуло в одно целое Московское государство. Дружина получила оседлость, рознь прежнего кочевого быта сменилась единством. Русский народ сложился¹⁸.

В своем главном труде «Начала русского государственного права» (1875–1883) А.Д. Градовский определил русское общество в качестве объекта специального анализа. Труд Градовского важен тем, что в нем впервые прослеживается история русских сословий в петровские и послепетровские времена. Погрузившись в конкретно-исторический материал, Градовский увидел процесс формирования русского общества гораздо более сложно. Он настаивал, что государственная власть нередко сама создавала сословные различия, т. е. участвовала в конструировании общества. Из всех европейских государств роль правительства в формировании сословий была наиболее видной в России. В этом смысл и специфика устройства российского общества. Этот вывод вошел в теоретический арсенал исторической науки и актуален для нее до сегодняшнего дня.

В развитие темы истории русской сословности в 1887 г. выступил В.И. Сергеевич со статьей «Вольные и невольные слуги московских государей»¹⁹. С его точки зрения попытка углубиться в социальные особенности формирования служилого сословия была чрезвычайно актуальной для науки, поскольку именно это сословие продемонстрировало основную модель конструирования всех московских чинов.

По мнению Сергеевича, московские порядки тесно переплетались с домосковскими. Можно сказать даже более: Московское государство создавалось общественными силами, сложившимися и действовавшими еще в домосковский период. Поэтому в первые века существования Москвы встречаются служилые и несслужилые люди. Но эти два разряда лиц не составляли еще двух сословий. Высший разряд служилых людей составили вольные слуги: по роду службы они были военные слуги, по характеру службы – это вольные слуги. Русское боярство создало свою древнейшую конституцию, которой пользовались вольные слуги московские в самую горячую пору объединения Московского государства – в XIII, XIV и XV вв.; она действовала еще и в XVI в. По ней вольные слуги сами себе выбирают господина и служат ему, пока он им нравится. Князя не могут пренебрегать их советами и мнениями. Вольные слуги судили и управляли в своих вотчинах и жалованных землях; они же – судьи и правители городов и волостей в качестве корм-

ленщиков. Они – поборники Московского государства²⁰. Поэтому Сергеевич утверждал, что именно вольные слуги создали Московское государство. В их интересах свершилось и прикрепление крестьян. Купив свободу служилых людей, правительство охотно согласилось уступить им свободу рабочего населения.

Таким образом, уже к 90-м гг. XIX в. у В.И. Сергеевича сложился круг идей, которые определили его воззрения на сословную историю России в допетровский период. Дальнейшее развитие эти представления получили в его фундаментальном труде «Древности русского права». В наиболее полном виде они были изложены в заключительном, третьем издании этого труда (1908–1909 гг.).

В монографии специально выделен раздел «Население», в котором автор решал наиболее существенные вопросы социальной структуры древнерусского общества. В основу своего анализа В.И. Сергеевич кладет свойственное, с его точки зрения, деление людей на свободных и рабов, а затем уже следит за дальнейшей дифференциацией свободного населения по сословным группам и разрядам. Он писал: «Древняя Русь не знала сословий... До образования единого Московского государства все население русских княжеств ... представляло единообразную массу, разные слои которой отличались один от другого достоинством, а не правами и обязанностями... От князей до последнего свободного всякий мог быть воином, чиновником, иметь поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами.... Люди были “лучше” и “меньше”. Таким образом возникла целая лестница качественных различий одного и того же рода свободных людей. Ступени этой лестницы не были замкнуты...»²¹. Это означает, что Сергеевич полагал, что в Древней Руси существовала социальная общность, а не общество.

Интеллектуальная конструкция «молодого» поколения историко-юридической школы относительно формирования и функционирования российского общества с древнейших времен до XVIII в. вошла в фундаментальное ядро русской исторической науки. Их главная идея, что народоправство, община и сословная организация являются тремя элементами, выстраивающими социальное сотрудничество внутри общества и между обществом и государством, была воспринята академическим сообществом. Как только завершился проект советской историографии, отрицавший этот подход, современная социальная история России уже на новом эмпирическом уровне возродила эти идеи²². Общим местом стало утверждение, что Московское государство было бессословным и бесклассовым: социальные

группы не являлись ни сословиями, ни классами. Главными социальными организациями российского населения являлись общины: крестьянская и городская. Социальная жизнь общины была построена на органическом единстве и солидарности, основанной на соседстве и родстве. Структура этих организаций определяла нормы жизни и поведения ее членов, органы самоуправления и способы контактов с властью. Община как форма социальной организации долго отвечала интересам крестьян и мещан – тех, кого называли народом. Общепризнано, что до периода империи сословия оформлялись в зависимости от наложенного на них тягла и, таким образом, в духе социального сотрудничества конструировалась вся общественная жизнь России, что обосновывали в своих трудах представители «молодого» поколения историко-юридической школы.

Примечания

- ¹ *Сергеевич В.И.* Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867.
- ² Там же. С. 256–272.
- ³ Там же. С. 6.
- ⁴ *Градовский А.Д.* Государственный строй древней России // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 10. С. 101–143; Он же. Сочинения: В 7 т. Т. 7. СПб., 1901. С. 341–383.
- ⁵ *Градовский А.Д.* Сочинения. Т. 7. С. 348, 379–380.
- ⁶ *Сергеевич В.И.* Земские соборы в Московском государстве // Сборник государственных знаний: В 2 т. Т. 2. СПб., 1875. С. 72–112.
- ⁷ Там же. С. 80.
- ⁸ Там же. С. 91.
- ⁹ Там же. С. 100.
- ¹⁰ Там же. С. 110.
- ¹¹ *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 352–354.
- ¹² *Градовский А.Д.* Общественные классы и административное деление России до Петра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 4. С. 85.
- ¹³ Там же. С. 86.
- ¹⁴ Там же. С. 87.
- ¹⁵ *Градовский А.Д.* История местного управления в России: Уезд Московского государства. СПб., 1868. С. 88–90.
- ¹⁶ *Леонтович Ф.И.* Задружно-общинный характер политического быта Древней России // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. № 7. С. 136–145.

- ¹⁷ Градовский А.Д. История местного управления в России... С. 445–446.
- ¹⁸ Там же. С. 698.
- ¹⁹ Сергеевич В.И. Вольные и невольные слуги московских государей // Наблюдатель. 1887. № 1, 2, 3.
- ²⁰ Там же. № 1. С. 58–59; № 2. С. 40–42, 66.
- ²¹ Сергеевич В.И. Древности русского права: В 3 т. Изд. 1-е. Т. 1. СПб., 1890. С. 198; Изд. 3-е. Т. 3. СПб., 1909. С. 200.
- ²² Подробнее см.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: XVIII – начало XX в.: В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. Т. 1. СПб., 2003. С. 522–528.

Конфликт vs сотрудничество в советской науке 1930-х гг.: статусы, привилегии и партийность

В статье ставится задача выявления взаимосвязи между партийной принадлежностью ученых и их положением в статусной номенклатуре научного сообщества в 1930-е гг. В результате анализа статистической документации за 1937 год автор приходит к выводу о том, что взаимосвязь между партийностью научных работников, их карьерным и квалификационным ростом, обретением ими привилегий социально-бытового характера не прослеживалась; не наблюдалось и жесткого государственного запроса на «партийность» ученых. В связи с этим предлагается рассматривать историю взаимодействия власти и научного сообщества в 1930-е гг. с точки зрения не конфликта, а сотрудничества.

Ключевые слова: советская наука, ученые, партийная принадлежность, статусная номенклатура, привилегии.

К середине 1930-х гг. советская наука приобрела статусно-номенклатурные черты. Принципом ее функционирования стало прохождение определенных квалификационных ступеней в науке, позволяющих разделять научных работников на отдельных этапах академической карьеры. Ранжирование ученых логично лежало и в основе распределения социально-экономических благ и привилегий¹.

Разумеется, принцип ранжирования действовал и в 1920-е гг. Хотя официально аспирантура была введена в 1926 г. (сначала в виде экспериментального института практикантов при музеях АН СССР с защитой квалификационных работ, но без присуждения ученой степени²), еще в начале 1920-х вместо упраздненных

© Долгова Е.А., 2017

Грант Президента РФ для поддержки молодых ученых – кандидатов наук, проект МК-5264.2015.6

защит практиковались неофициальные научные диспуты³. Ученые степени (доктора и магистра) и звания (адъюнкта и приват-доцента, с соответствующей иерархией профессорских званий – заслуженный, ординарный, экстраординарный, адъюнкт-профессор и доцент) были отменены еще в 1918 г.⁴, однако документация Центральной комиссии по улучшению быта ученых на протяжении 1920-х гг. делила научных работников на пять (I, II, III, IV, V), а с 1928 г. – на три («А», «Б» и «В») категории, в разной степени обеспеченные объемом социально-экономических благ, а в 1931 г. и вовсе уступила место Комиссии содействия ученым (далее КСУ), окончательно утвердившей принцип ранжированного, а не профсоюзного обеспечения научных работников в соответствии с так называемым списком КСУ, включавшим всего около 2000 фамилий ученых.

Постановлением СНК СССР от 13 января 1934 г. были введены научные степени доктора и кандидата наук и ученые звания, разделившие научных работников в научно-исследовательских учреждениях на действительных членов, старших и младших научных работников; а в вузах – на профессоров, доцентов и ассистентов. Одновременно до 1 января 1936 г. допускалось присвоение ученого звания доцента и профессора без предварительного получения соответствующей ученой степени, но на основании «заслуг» перед наукой (наличие научных работ) или народным хозяйством. Только в постановлении СНК СССР от 20 марта 1937 г. «Об ученых степенях и званиях» указывалось, что звание профессора присваивается лицам, имеющим ученую степень доктора и ведущим основную преподавательскую или руководящую исследовательскую работу в вузах или научно-исследовательских учреждениях.

В соответствии с историографическим клише «репрессированной науки»⁵ логично предположить, что положение в статусной номенклатуре коррелировало с уровнем «политической сознательности» ученого, как минимум проявлявшегося в его членстве в ВКП(б) или ВЛКСМ. Попробуем провести анализ данного индикатора (партийности) научных работников, обратившись к разработочным таблицам списков научных работников научно-исследовательских учреждений, профессоров и доцентов вузов на 1 января 1937 г., отложившимся в Российском государственном архиве экономики (далее – РГАЭ), фонде Центрального управления народнохозяйственного учета (далее – ЦУНХУ).

В табл. 1 представлено соотношение научных работников – членов и кандидатов ВКП(б) и ВЛКСМ против беспартийных в разрезе по научным степеням и ученым званиям.

Таблица 1

Научные работники научно-исследовательских учреждений
и вузов СССР: 1937 г.

Ученые звания	Всего	Ученая степень			
		Не имеет	Доктор наук	Кандидат наук	Не указавшие наличие у/с
Действительные члены учреждений (утвержденные и исполняющие обязанности)	3121	811 ⁶	1317	622	371
Члены и кандидаты ВКП(б)	376	102	138	85	51
Члены и кандидаты ВЛКСМ	11	3	5	1	2
Беспартийные	3012	706	1174	536	318
Старшие научные работники (утвержденные и исполняющие обязанности)	19 165	12 151	389	3360	3265
Члены и кандидаты ВКП(б)	2685	1628	27	516	514
Члены и кандидаты ВЛКСМ	746	459		175	112
Беспартийные	15 734	10 064	362	2669	2639
Младшие научные работники (утвержденные и исполняющие обязанности)	15 286	14 303	12	239	732
Члены и кандидаты ВКП(б)	1559	1435	2	33	89
Члены и кандидаты ВЛКСМ	1407	1337	1	24	45
Беспартийные	12 320	11 531	9	88	598
Профессора (утвержденные и исполняющие обязанности)	5413	2636	1207	572	998
Члены и кандидаты ВКП(б)	640	344	85	68	143
Члены и кандидаты ВЛКСМ	12	9	1		
Беспартийные	4761	2283	1121	502	855
Доценты (утвержденные и исполняющие обязанности)	13 699	9770	69	1432	2428
Члены и кандидаты ВКП(б)	2455	1683	10	328	434
Члены и кандидаты ВЛКСМ	449	318		77	54
Беспартийные	10 795	7769	59	1027	1940
ИТОГО	56 684	39 671	2994	6225	7794

Расчеты, произведенные автором на основе: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 667. Л. 1.

Как показывает табл. 1, соотношение беспартийных научных работников научно-исследовательских учреждений и вузов составляло 82,2% против 17,8% научных работников – членов и кандидатов ВКП(б) – ВЛКСМ⁷, распределение же в соответствии со статусной иерархией выглядело так: в группе действительных членов научно-исследовательских учреждений и профессоров вузов беспартийные составляли соответственно 96,5% и 87,9%, в группе старших научных работников и доцентов – соответственно 82,1% и 78,8%, в группе младших научных работников – 80,6% (по ассистентам сведений нет и в расчетах они не учитывались).

Одновременно этот расчет показывает, что удельный вес партийных и комсомольских кадров был немного выше в научно-образовательной сфере (среди профессоров и доцентов вузов) по сравнению с научно-исследовательскими учреждениями (среди действительных членов и старших научных работников). Если сравнить показатели, то из общего числа профессоров и доцентов вузов беспартийные составляли 81,3%, из общего числа действительных членов и старших научных работников – 84,1%.

Несмотря на некоторое число научных работников, не ответивших в анкете на вопрос о наличии у них ученой степени доктора или кандидата наук (хотя по факту вычисленная погрешность составляет 13,7%), попробуем предположить, влияло ли наличие членского / кандидатского билета на возможность ее присуждения. Однозначно нет: согласно данным, приведенным в табл. 1, среди докторов наук беспартийными были 91% научных работников, среди кандидатов наук – 77,5%.

При этом табл. 1 не фиксирует искусственного торможения должностного карьерного роста в научной организации при наличии присужденной степени доктора или кандидата наук. Для подтверждения этого тезиса будем исходить из допущения, что в соответствии с постановлением СНК СССР от 13 января 1934 г. присуждение докторской степени автоматически влекло за собой получение ученого звания профессора / действительного члена, а присуждение кандидатской – получение ученого звания доцента / старшего научного работника. В первой группе соответствия – профессоров / действительных членов с докторской степенью – доля беспартийных составляла 90,9%; во второй – доцентов / старших научных работников с кандидатской степенью – 77,1%. Величина этого показателя совпадает с величиной вычисленной ранее доли беспартийных внутри указанных статусных групп.

Одновременно следует признать, что табл. 1 показывает искусственное форсирование научной карьеры ученых – членов и

кандидатов ВКП(б) и ВЛКСМ. Так, среди научных работников, не имевших ученой степени, но получивших после 1934 г. ученые звания действительного члена / профессора и старшего научного работника / доцента (в этом случае из расчетов были исключены младшие научные работники), беспартийными были только 46,9%. Эти данные подтверждают высказанное ранее в историографии суждение Л.А. Козловой о том, что двухгодичный «тайм-аут» (с 1934 по 1936 г.) был использован для присуждения ученых званий без защиты диссертаций научным и педагогическим деятелям, проявившим себя за годы советской власти⁸. Я хочу лишь подчеркнуть, что в этой группе – получивших высокий должностной статус не имея соответствующей научной квалификации – была велика и доля беспартийных научных работников.

Анализ данных, представленных в табл. 1, позволяет сделать выводы: 1) об узости партийно-комсомольской прослойки в научном сообществе 1930-х гг.; 2) о некоторой диспропорции распределения партийно-комсомольских научных кадров как среди статусных групп (наибольшее число среди младших научных работников; наименьшее – среди профессоров и действительных членов), так и в кадровом составе научных организаций (научно-образовательных и научно-исследовательских учреждений; 3) о неограниченной возможности присуждения ученых степеней доктора и кандидата наук и получения соответствующих им ученых званий для беспартийных научных работников; 4) о существовании в период 1930-х гг. механизма продвижения партийных и комсомольских научных работников – путем представления к научному званию без защиты диссертации (однако эта мера не применялась исключительно к партийно-комсомольским кадрам – доля беспартийных научных работников в указанной группе составляет более 45%).

Уточнив вопрос взаимосвязи приобретения научных статусов и партийности ученых, обратимся к еще одному любопытному сюжету. Речь идет об удельном весе партийно-комсомольской прослойки среди ученых, включенных в систему привилегий, социально-экономических льгот. Как уже отмечалось, Комиссия содействия ученым при СНК СССР, сменившая в 1931 г. Центральную комиссию по улучшению быта ученых, действовала по принципу ранжированной организации. Существовал так называемый список ученых КСУ, включавший в себя около 2000 фамилий ученых. Они пользовались дополнительным денежным обеспечением, ведомственными больницами, домами отдыха и санаториями, мастерскими по пошиву одежды, получали персональные и академические пенсии, премии и т. д.⁹ Логично предполагать, что в распределении

благ все-таки учитывалась лояльность ученых к власти, выражавшаяся в их партийной принадлежности. Однако статистическая сводка к списку ученых Комиссии содействия ученым при СНК СССР от 1 сентября 1937 г., выявленная в Государственном архиве Российской Федерации (далее ГА РФ), утверждает иное. Данные, приведенные в табл. 2, демонстрируют соотношение партийной и беспартийной прослойки в привилегированной, включенной в систему распределения социально-экономических благ, части научного сообщества.

Таблица 2

Статистическая сводка к Списку ученых Комиссии содействия ученым при СНК СССР: 1937 г.

Науки	Общее число научных работников	Партийных	Беспартийных
Точные и естественные	742	55	687
Медицинские	463	44	419
Инженерно-технические	315	15	300
Сельскохозяйственные	129	11	118
Социально-экономические	333	119	214
Всего по всем наукам	1982	244	1738

Расчеты, произведенные автором на основе: ГА РФ. Ф. 4737. КСУ. Оп. 1. Д. 822. Л. 13.

Как видно из табл. 2, доля партийных ученых в списке КСУ составляла 12,4%, беспартийных – 87,6%. При этом наибольший процент партийных сил приходился на социально-экономические дисциплины (35,7% партийных и 64,3% беспартийных научных работников), другие же дисциплины демонстрировали удивительную картину: из включенных в список КСУ были беспартийными 90,5% представителей медицинских наук, 91,4 – сельскохозяйственных наук, 92,6 – представителей точных и естественных наук, 95,2% – представителей инженерно-технических наук.

Возможно, речь идет о «старых кадрах», о наиболее квалифицированной части научного сообщества, с которыми было действительно трудно конкурировать вновь пришедшим в науку партийным силам. Однако, судя по данным разработочных таблиц ЦУНХУ (табл. 1), состав списка КСУ скорее отражает общее про-

центное соотношение партийных и беспартийных ученых в науке того времени.

Обратимся к еще одному источнику – списку молодых ученых КСУ (их учет велся отдельно). В ГА РФ удалось выявить статистическую сводку к этому списку за 1935 г., она приводится в табл. 3.

Таблица 3

Статистическая сводка к списку молодых ученых Комиссии содействия ученым при СНК СССР: 1935 г.

Науки	Всего	Партийность			Не указано
		Член ВКП(б)	Член ВЛКСМ	Беспартийный	
Точные и естественные	144	19	11	43	71
Медицинские	72	5		17	50
Инженерно-технические	81	7	1	16	57
Сельскохозяйственные	18	2		1	15
Теоретические	20	6	1	1	12
Всего	335	39	14	78	205

Расчеты, произведенные автором на основе: ГА РФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 720.

Табл. 3 показывает большое количество молодых ученых, не заполнивших графу «партийность» в анкетах, поданных в Комиссию содействия ученым. Хотя это почти сводит на нет мои дальнейшие расчеты, наличие этой лакуны само по себе показательно – она говорит о стремлении скрыть отдельные факты биографии молодых научных работников, включенных в систему привилегий. Косвенно это может свидетельствовать об осторожности молодых ученых-соискателей при оформлении документов, либо об осторожности самих членов КСУ, составлявших статистическую сводку для документооборота СНК СССР.

Обратимся к зафиксированному в источнике данным. Доля научных работников, подтвердивших свою принадлежность к ВКП(б)–ВЛКСМ в списке молодых ученых составляла 15,8%. Как и в основном списке, наибольший удельный вес партийных сил приходился на теоретические науки (35% научных работников, сделавших отметку в графе «партийность»), за ними следовали точные и естественные науки (20,8%). Кроме того, мы можем с уверенностью говорить, что

из включенных в список молодых ученых КСУ партийными были почти 10% представителей инженерно-технических наук; 11,1% – сельскохозяйственных наук и 6,9% – медицинских наук. Показатели, на мой взгляд, низкие, но, безусловно, они выше соответствующих показателей основного списка КСУ.

Таким образом, данные табл. 3 и 4 свидетельствуют о том, что включение в список КСУ обуславливалось не столько наличием у научного работника партийного или комсомольского билета, сколько его личным соответствием квалификационным требованиям¹⁰ и, возможно, научной специализацией – в списке обращает на себя внимание количественный удельный вес представителей точных и естественных, медицинских, инженерно-технических наук в противовес социально-экономическим (теоретическим)¹¹. И в этом случае линейной корреляции не выявлено.

Итак, на поставленный вопрос о взаимосвязи между партийностью ученого и его положением в статусной номенклатуре статистические данные дают отрицательный ответ. Говоря иными словами, в 1930-е членство в партии не являлось условием ни для присуждения научной степени доктора или кандидата наук, ни для получения высокого научного звания, ни для доступа научного работника к социально-экономическим привилегиям. Значение скорее имела личная научная репутация ученого, его соответствие квалификационным требованиям, в случае списка КСУ – предположительно, научная специализация, но ни в коем случае не демонстрируемая ученым в виде партийного или комсомольского билета политическая лояльность власти. С другой стороны, документы не показывают и жесткого, административного запроса на партийность ученых со стороны государства – в статистической документации отсутствуют факты ограничений карьерного роста для беспартийных научных работников. Таким образом, немного изменив исследовательский ракурс, взаимодействие власти и научного сообщества в предвоенное время можно рассматривать не с точки зрения конфликта, а с точки зрения сотрудничества.

Примечания

¹ Подробнее о структурирующих, упорядочивающих, объединяющих характеристиках научного сообщества см.: *Бурдые П.* Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдые: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.; СПб.: Ин-т социологии РАН, 2001. С. 19–36.

- ² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1/1926. Д. 63. Л. 9, 66–70.
- ³ О практиках неофициальных диспутов в среде историков, например, см: *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920) // *Российская история*. 2014. № 2. С. 77–90. О примере такого диспута: *Долгова Е.А.* «Начинаю ходатайство о выезде за рубеж...»: о планах П.А. Сорокина в 1922 г. // *Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы* / Отв. ред. П.А. Трибунский. М.: ИРИ РАН, 2016. С. 254–271.
- ⁴ Всем лицам, самостоятельно ведущим занятия в вузах, автоматически присваивалось звание профессоров, остальным – преподавателей (приват-доценты, проработавшие в этой должности не менее трех лет, также получали статус профессоров. Об этом см.: *Иванов К.В.* Новая политика образования в 1917–1922 гг. Реформа высшей школы // *Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (Конец 1880-х – 1930-е гг.)*. М.: НЛЮ, 2012. С. 359–380.
- ⁵ Подвластная наука: Наука и советская власть / Ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. М.: Голос, 2010; *Курепин А.А.* Наука и власть в Ленинграде: 1917–1931 гг. СПб.: Нестор, 2003; *Романовский С.И.* Наука под гнетом российской истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999; *Переченок Ф.Ф.* Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: [Б. и.], 1995; *Репрессированная наука* / Под ред. М.Г. Ярошевского. Т. 1–2. М.: Наука, 1991–1994; и др.
- ⁶ О невысоком количестве защищенных в 1933–1935 гг. докторских и кандидатских диссертаций см.: *Козлова Л.А.* «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 гг. // *Социологический журнал*. 2001. № 2. С. 145–159.
- ⁷ Здесь и далее – расчеты автора.
- ⁸ *Козлова Л.А.* Указ. соч. С. 153.
- ⁹ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации: 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. С. 102–105.
- ¹⁰ В цитируемом документе приводятся подробные сведения об ученых, включенных в списки, по квалификационным категориям: «Ученое звание», «Докторская степень», «Заслуженный деятель наук» (ГА РФ. Ф. 4737. КСУ. Оп. 1. Д. 720, 822). Существуют и подробные именные списки ученых, включенных в систему привилегий КСУ. В рамках статьи эти данные не приводятся.
- ¹¹ Здесь нужно принимать во внимание и количественное распределение ученых по дисциплинам: так, медицинские науки уверенно лидировали по количеству научных работников; сельскохозяйственные науки, напротив, находились на последнем месте. См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 667.

А. Мау, Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев:
к вопросу о научной кооперации историков

В статье рассматриваются содержание и итоги научного взаимодействия трех выдающихся историков рубежа XIX–XX вв.: А. Мау, Н.П. Кондакова и М.И. Ростовцева, ярким плодом которого явились две наиболее ранние из опубликованных работ последнего, посвященные анализу результатов археологических раскопок в Помпеях в 80–90-х гг. девятнадцатого столетия. Подчеркивается творческий характер восприятия М.И. Ростовцевым методологических установок А. Мау и Н.П. Кондакова, что позволило ему умело сочетать в своих собственных исследованиях принципиальную точность в работе с источниками и новаторские подходы к их интерпретации.

Ключевые слова: М.И. Ростовцев, Н.П. Кондаков, А. Мау, Помпеи, иконографический метод, помпеянские стили.

Ставший впоследствии знаменитым на весь мир ученым, действующим профессором Йельского университета, избранный доктором *honoris causa* в Оксфорде, Кембридже, Гарварде и ряде других ведущих высших учебных заведений, председатель Американской исторической ассоциации (1935), русский историк-антиковед М.И. Ростовцев (1870–1952) вряд ли состоялся бы как специалист, не будь в его жизни выдающихся учителей и наставников. Особое место среди них занимают фигуры двух исследователей – А. Мау (1840–1909) и Н.П. Кондакова (1844–1925), каждый из которых внес свой существенный вклад в изучение проблем древней истории и прежде всего вопросов, связанных с эволюцией античного и средневекового искусства. Научное сотрудничество с ними в годы профессионального становления во многом предопределило не только направление одной из магистральных линий интеллектуального

творчества М.И. Ростовцева, но и заложило фундамент методологических принципов, которые он будет последовательно утверждать и отстаивать на протяжении всей своей жизни. Характер и сущность этих влияний, таким образом, выступают в качестве предмета для рассмотрения в рамках настоящей статьи.

С Н.П. Кондаковым судьба свела М.И. Ростовцева в 1890 г., когда он по инициативе отца и по протекции давнего друга последнего – И.В. Помяловского, декана историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, перевелся из Киева в столичный вуз на третий курс обучения¹. В 1890/91 уч. г. Никодим Павлович преподавал здесь историю и теорию классического искусства, дисциплину, не являющуюся для него прямым отражением научных интересов (сам он был специалистом по византийскому и древнерусскому искусству). Тем не менее атмосфера этих лекций и семинарских занятий, проходивших по большей части в университетском музее древностей или же на квартире самого Н.П. Кондакова и получивших в среде их участников полужутливое название «кружка фактопоклонников», навсегда осталась в памяти М.И. Ростовцева². Позднее он признавался: «Впервые об истории искусства и об археологии я услышал от Н.П. в его лекциях – не по его ближайшей специальности – об истории классического искусства»³. Впоследствии чисто академические отношения между ними перерастут в искреннюю дружбу, их семьи будет связывать многолетняя переписка⁴. Как отметит в своих воспоминаниях близкая подруга юности С.М. Ростовцевой (жены Михаила Ивановича) В.Н. Муромцева-Бунина (супруга известного русского писателя И.А. Бунина): «С особенной нежностью всегда говорил он [Н.П. Кондаков – П. А.] о своем ученике М.И. Ростовцеве»⁵.

Однако нас в данном случае личные взаимоотношения двух ученых интересуют лишь косвенным образом. Гораздо более ценным с точки зрения истории науки представляется выяснить, какие методологические предпочтения скрывались за обтекаемым прозвищем участников кружка – «фактопоклонники». Тем более что сам М.И. Ростовцев не себя, ни своего учителя к поклонникам фактов как таковых не причислял. Комментируя тот период своей жизни, он признавал: «Вся эта терминология кажется теперь несколько смешной и старомодной, но в 80-х и 90-х годах это была здоровая реакция против смутных и малообоснованных обобщений, к которым так склонны русские люди»⁶. Чтобы понять не только, против чего выступал молодой исследователь, но и какие идеи он отстаивал, необходимо обратиться непосредственно к его раннему творчеству.

Известно, что первыми серьезными, хотя и ученическими, исследованиями М.И. Ростовцева стали его работы, посвященные археологии и искусству древних Помпеев. И его первый научный доклад о помпеянских художественно-декоративных стилях, сделанный в рамках семинария Н.П. Кондакова, и его выпускное квалификационное сочинение – «Исправить и дополнить городскую помпеянскую хронику Ниссена по новейшим исследованиям и раскопкам», выполненное под руководством все того же Н.П. Кондакова и Ф.Ф. Зелинского и удостоенное решением Совета профессоров Санкт-Петербургского университета золотой медали⁷, со всей очевидностью свидетельствуют о тщательной проработке им этой темы.

Но еще более интерес к искусству древнего города, а также научные подходы, усвоенные М.И. Ростовцевым за время обучения в столице, прослеживаются в его первых опубликованных статьях, представляющих собой археологические отчеты о находках в Помпеях, которые в конце XIX столетия активно исследовались европейскими специалистами, и в частности Августом Мау. Этот выдающийся ученый оказался в жизни М.И. Ростовцева еще одним важнейшим человеком, сотрудничество с которым оставило неизгладимый отпечаток на его последующей научной деятельности. Во многом этому способствовало то обстоятельство, что объекты, доселе изучаемые Михаилом Ивановичем лишь умозрительно, предстали наконец-то перед ним воочию. Молодому исследователю посчастливилось лично, причем дважды, принять участие в научном проекте по раскопкам Помпеев, возглавляемым на тот момент А. Мау. Об этой совместной работе и о том впечатлении, которое произвели на него лекции и особая исследовательская манера немецкого ученого, заключавшаяся в «детальности анализа, строгости и мелочности наблюдения, математической верности реконструкции»⁸, М.И. Ростовцев будет вспоминать и спустя многие годы⁹.

Первую заграничную поездку М.И. Ростовцева биографы относят к концу весны – началу осени 1893 г. Осуществлено путешествие было частью на родительские, частью на собственные средства, заработанные за год преподавания в Царскосельской Николаевской гимназии. Об этом первом научном турне ученого осталось крайне мало сведений. Однако благодаря сохранившейся записной книжке М.И. Ростовцева того времени доподлинно известно, что он посетил Рим (где завязал дружеские и профессиональные связи с сотрудниками римского отделения Германского археологического института), а также Помпеи – тогдашнюю Мекку мировой архео-

логии. Здесь он и познакомился с А. Мау, который не только допустил начинающего исследователя к слушанию своих лекций, но и сразу же привлек его непосредственно к полевой работе. А практическим результатом поездки явилась его первая опубликованная статья – «О новейших раскопках в Помпеях»¹⁰.

15 марта 1895 г. ученый выехал в очередную командировку в Европу, официальной целью которой значилась необходимость подготовки магистерской диссертации. Куратором поездки выступил профессор Петербургского университета Ф.Ф. Зелинский. Путешествие, изначально планировавшееся как годичное, растянулось на целых три года, за которые М.И. Ростовцев успел посетить Константинополь (где поработал в Русском археологическом институте), Афины (где познакомился с Б.В. Фармаковским¹¹), острова Эгейского моря, побережье Малой Азии, материковую Грецию, Италию (снова Рим и работа с А. Мау в Помпеях), Австро-Венгрию, Испанию (вместе с Н.П. Кондаковым – эту поездку ученый позже отмечал особо, так как именно здесь «под крылом» старшего коллеги он на практике «учился смотреть и видеть» памятники искусства¹²), Францию, Тунис, Алжир, Великобританию. Этот многолетний вояж завершился в марте 1898 г., когда исследователь вернулся в Санкт-Петербург с готовым текстом диссертации¹³. Но еще во время поездки, в 1896 г., он успел отослать в столицу свой второй отчет – «Помпеи за 1893–1895 гг.»¹⁴, где описал то новое, что успел обнаружить в период очередного пребывания в знаменитом античном городе.

Собственно, эти две работы о Помпеях (в дальнейшем М.И. Ростовцев перенесет свой интерес археолога на древности Юга России и, прежде всего, античный Пантикапей, более доступный для русского ученого) и стали для него своеобразной пробой пера. Именно в них молодой исследователь впервые обозначил методологические принципы, которые лягут в основание его научного творчества на много десятилетий вперед. Внимательное изучение этих историографических источников позволяет определить и тот путь, который проделал М.И. Ростовцев, оттачивая свой творческий стиль.

Статья «О новейших раскопках в Помпеях» представляет собой классический археологический отчет. Автор с максимально возможной скрупулезностью описывает архитектурные особенности и художественное убранство ряда зданий, найденных в древнем городе начиная с 1882 г., т. е. времени выхода в свет фундаментального труда А. Мау о Помпеях¹⁵. В южной части города (глава I) им тщательно фиксируются остатки большого жилого дома¹⁶, част-

ных бань (мужской и женской)¹⁷, соседствующего с ними в том же квартале «промышленного» сада (сада, где в больших масштабах в коммерческих целях выращивали: в одной его части овощные культуры и цветы, в другой – виноград)¹⁸. Переходя к кварталам, расположенным вдоль так называемой Ноланской улицы (глава II), М.И. Ростовцев снова подчеркивает «промышленный» характер большинства местных сооружений. Заметим, что «промышленный» в понимании русского ученого – это производное от слова «промысел» (некое дело или бизнес, говоря в современных категориях). Речь в данном случае идет о зданиях, использовавшихся в деловых целях: о термополии (древнеримском заведении быстрого питания)¹⁹, лавке виноторговца²⁰, постоялом дворе²¹, конторе писца программ и объявлений²². Однако наряду с ними здесь находились и частные жилые помещения: несколько небольших домов²³ и один роскошный особняк²⁴ – их планировка и внутреннее убранство также в деталях описываются М.И. Ростовцевым. Наконец, последняя часть работы (глава III) посвящена обзору находок, сделанных вне городских границ. Все это – различного рода захоронения: склепы, гробницы и прочие памятники погребального назначения²⁵.

Отличительной особенностью первой опубликованной статьи русского ученого является полное отсутствие каких-либо широких выводов и обобщений. Работа в принципе обрывается на полуслове: описанием последней по времени из обнаруженных в районе Помпеев гробниц. Складывается стойкое впечатление, что М.И. Ростовцев вовсе не стремился представить здесь какую-то стройную теорию или нарисовать полную картину истории этого древнего города. Свои задачи он видел скромнее, вполне в духе Августа Мау, под началом которого он и делал наблюдения, положенные в основу публикации. Много позже в некрологе «Август Мау» он так охарактеризует исследовательский почерк немецкого коллеги: «Город оживал, оживали площади, храмы, театры, бани, дома, оживали не в красочных полудантастических картинах, не в образных фразах, а из сухого детального анализа кладки стен, из разбора наслоений крашеной штукатурки, разбора следов деревянных частей в кладке, сличения размеров той или иной архитектурной части, интерпретации той или иной часто незамеченной или неправильно до него прочитанной надписи...»²⁶. Эти слова в полной мере можно отнести и к самому М.И. Ростовцеву применительно к его первой статье. Сухие изложенные факты, результаты наблюдений автора в течение нескольких летних месяцев 1893 г. должны были говорить сами за себя.

Следует при этом отметить, что, несмотря на весь пиетет, который испытывал молодой ученый по отношению к А. Мау, он в

целом ряде случаев осмелился оспорить отдельные его выводы и предположения, что свидетельствует о его стремлении уже в самом начале научной карьеры проявить самостоятельность суждений и добиться качества исследовательской новизны. Правда, критические замечания М.И. Ростовцева не носят принципиального характера и касаются лишь частных интерпретаций немецким ученым отдельных сюжетов фресок, элементов декора в помпеянских зданиях, а также некоторых архитектурных конструкций. Так, рассматривая одну из жанровых сцен на стене частных бань, где изображено было состязание атлетов, он оспаривает мнение А. Мау относительно одной из фигур: вместо судьи ему здесь видится «лицо, заинтересованное в судьбе побежденного»²⁷. В других случаях его не удовлетворяет произведенная А. Мау реконструкция ряда архитектурных элементов рассматриваемых им помпеянских домов²⁸, надгробных сооружений²⁹ или же топографических особенностей местности, окружавшей город (в частности, направление дороги, начинавшейся у Нуцеринских ворот³⁰).

Таким образом, для М.И. Ростовцева в тот период, когда он трудился над своим отчетом, сущность научной деятельности как таковой и заключалась в уточнении этих деталей. Наиболее значимые и «громкие» выводы, сделанные им в работе, касаются прежде всего корректировки хронологии строительства тех или иных сооружений, определения последовательности возведения отдельных частей домов, а также этапов их многочисленных перестроек и подновлений. На этом фоне выделяется разве что предположение историка относительно даты извержения Везувия, погубившего Помпеи, Геркуланум и Стабии. Он указывает на недавнюю к тому моменту времени находку в Помпеях зрелых плодов одной из разновидностей лаврового дерева, которые поспевают исключительно глубокой осенью (в октябре–ноябре). Между тем тогда считалось общепризнанным (со ссылкой на письма Плиния Младшего), что трагедия произошла в августе 79 г. н. э. Новые данные позволили М.И. Ростовцеву подвергнуть эту версию сомнению³¹.

Тем не менее именно рутинные, «мелкие» замечания молодого ученого заслуживают наибольшего внимания, когда мы говорим о результатах его сотрудничества с А. Мау. Дело в том, что подавляющее большинство его частных выводов, связанных с корректировкой хронологии строительства сооружений в рассматриваемом древнем городе, имеют своей методологической базой так называемую теорию помпеянских художественных стилей, разработанную немецким исследователем и ставшую его главным вкладом в мировое антиковедение. Если ранее все многообразие фресок, найден-

ных в Помпеях, рассматривалось как единый монолит, то А. Мау на основе тщательного анализа «красок, форм, декоративной схемы, орнаментов» удалось выделить четыре сменявших друг друга во времени художественных стилия, выстроив их в хронологическую последовательность «с точностью чуть ли не до 10 лет»³². Именно эта точность позволила М.И. Ростовцеву с уверенностью датировать интересовавшие его памятники.

Критический подход автора и привычку определять периоды постройки здания по художественным стилям, в которых выполнено его убранство, впоследствии отметит и рецензент³³. Действительно, уже в начале статьи молодой историк кратко излагает особенности каждого из помпеянских декоративных стилей³⁴, а затем до самого конца работы производит датировку сооружений, указывая не годы постройки, а стили, в которых создана та или иная часть строения³⁵. Однако далее этого, как уже было сказано, он не идет.

Совершенно по-иному выстраивает М.И. Ростовцев свою вторую статью. Признавая ее прямым продолжением предыдущего исследования³⁶ и высказывая публичную благодарность А. Мау за его помощь «и словом и делом»³⁷, он тем не менее избирает новую траекторию подачи материалов последних раскопок в Помпеях. Если ранее он стремился обозначить все наиболее значимое, найденное в древнем городе за несколько десятилетий, то теперь он сосредотачивает свое внимание исключительно на одном памятнике – так называемом доме Веттиев³⁸. Однако рассматривает его исключительно глубоко и всесторонне, так что объем нового исследования значительно превосходит объем предыдущего опуса. Этот анализ резко отличается от того сухого археологического отчета, каким его видел А. Мау и каким его представлял себе сам М.И. Ростовцев еще несколько лет тому назад. Очевидно, эти перемены в его научном стиле явились результатом того самого совместного путешествия с Н.П. Кондаковым по городам Италии и Испании, которое состоялось в мае–июле 1896 г.³⁹, как раз в период подготовки к печати второй серьезной работы молодого ученого.

Подробное изложение выводов М.И. Ростовцева по дому Веттиев может стать основой для самостоятельного историографического исследования. Поэтому ограничимся здесь лишь ключевыми наблюдениями.

Сразу же бросается в глаза, что антиковед отныне начинает уделять пристальное внимание анализу самих сюжетов античной декоративной живописи, а также композиционным особенностям мифологических картин (Аполлон и Кипарис⁴⁰, Леда и лебедь⁴¹, первый подвиг Геракла⁴², наказание Дирки⁴³, Пасифая и Дедал⁴⁴

и многие другие) и жанровых сценок (например, амуры, занятые повседневными заботами и развлечениями римлян: играми, изготовлением цветочных гирлянд, лекарств, ювелирных изделий, золочением, ремонтом одежды, состязаниями колесниц, сбором винограда, приготовлением и продажей вина)⁴⁵, которыми изобиловали изображения на фресках и мозаиках в помпейских зданиях.

Эти сюжеты его интересуют не сами по себе. Ученый занят поиском художественных параллелей, аналогий, общих прототипов и последующих редакций отдельных живописных образов. При этом ученый помещает каждый из рассматриваемых им визуальных источников в широкий культурный контекст, включающий в себя не только памятники изобразительного искусства, но и богатую литературную базу. В этом смысле показателен пример рассмотрения им фрески с изображением Ифигении в Тавриде⁴⁶. Для М.И. Ростовцева важно не просто детально описать композицию фрески, но и выяснить общий источник, к которому восходит изображенный на ней сюжет. Указав еще на четыре примера идентичной композиции в трактовке данной сцены среди известных на тот момент науке находок, он приходит к уверенному выводу о едином прототипе всех этих изображений – одноименной трагедии Еврипида. При этом ученый даже отмечает тот конкретный фрагмент текста произведения⁴⁷, который и подвергся воплощению в красках на одной из стен дома Веттиев.

В этом поиске оригинала и последующих его копий, которые вместе составляют единую редакцию, отчетливо прочитывается иконографический метод Н.П. Кондакова⁴⁸. Однако, если последний выявлял иконографические типы в византийском и древнерусском искусстве, то М.И. Ростовцев, заимствовав метод учителя, применил его к совершенно иному объекту – искусству античному, в данном случае древнеримскому.

Отметим еще одно совпадение интересов ученика и его наставника: их обоих привлекают в наибольшей степени сюжеты, в которых заметно соединение разнородных художественных элементов в рамках единого культурного пространства. Синкретизм, диффузия, взаимопроникновение стилей и сюжетных основ становятся объектом самого пристального внимания со стороны М.И. Ростовцева. Но опять-таки, если Н.П. Кондакова занимал вопрос о том, как из соединения византийских, кочевнических и местных элементов возникло древнерусское искусство⁴⁹, то его ученик ищет другое. Ему важно понять, как в искусстве древних Помпеев сплавились воедино собственно римские и греческие (или даже восточные) элементы. Подробно анализируя приемы декорирования

и орнаментовки, которые применяли мастера, расписывавшие дом Веттиев, М.И. Ростовцев склонен полагать, что они черпали многие свои идеи в специальных сборниках соответствующих элементов, пришедших с Востока, творчески преломляя и перерабатывая иноземный художественный опыт⁵⁰. Ученый абсолютно уверен: «...образец существовал, это несомненно, и происхождение его надо искать, как и для многого в Помпеях и особенно в помпеянской живописи, в Александрии или вообще на греческом востоке»⁵¹. Тем самым, помимо всего прочего, он ставит под сомнение общепринятые на тот момент идеи о преимущественном распространении западной культуры на Восток – вестернизации – в эпоху, следовавшую за походами Александра Македонского, и утверждая равнозначность обратного ему процесса культурной ориентализации римского Запада.

Подводя итоги настоящего исследования, мы можем заключить, что сотрудничество начинающего историка и археолога М.И. Ростовцева с такими корифеями тогдашней науки, как А. Мау и Н.П. Кондаков, помогло ему приобрести свой собственный, ни с кем не схожий творческий почерк, соединив уже в первых своих работах немецкую точность с русским умением мыслить широко, основываясь на развернутом источниковом материале и на базе новейших научных теорий.

Примечания

- ¹ См.: *Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев: Годы в России: Биографическая хроника // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 52.
- ² Там же. С. 53.
- ³ *Ростовцев М.И.* Странички воспоминаний // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласовой. М.: Индрик, 2002. С. 211.
- ⁴ См.: Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым / Публ. Г.М. Бонгард-Левина, В.Ю. Зуева, И.Л. Кызласовой, И.В. Тункиной // Скифский роман... С. 431–460.
- ⁵ *Муромцева-Бунина В.Н.* Н.П. Кондаков (К пятилетию со дня смерти) // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы... С. 353.
- ⁶ *Ростовцев М.И.* Странички воспоминаний... С. 212.
- ⁷ См.: *Зуев В.Ю.* Указ. соч. С. 54.
- ⁸ *Ростовцев М.И.* Август Мау (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Май. Отд. 2. С. 31.
- ⁹ См. также другой некролог: *Ростовцев М.И.* Август Мау // Гермес. 1909. № 7. С. 279–282.

- ¹⁰ *Ростовцев М.И.* О новейших раскопках в Помпеях // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Январь–февраль. Отд. 5. С. 45–101.
- ¹¹ *Фармаковская Т.И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев: Наукова думка, 1988. С. 61, 86–87.
- ¹² *Ростовцев М.И.* Странички воспоминаний... С. 214.
- ¹³ Подробнее см.: *Зуев В.Ю.* Указ. соч. С. 56–57; *Тихонов И.Л.* Заграничные командировки 1893–1898 гг. М.И. Ростовцева: становление археолога // Скифия и Боспор: Тезисы конференции. Новочеркасск: Красное знамя, 1989. С. 12–14.
- ¹⁴ *Ростовцев М.И.* Помпеи за 1893–1895 гг. // Записки Императорского Русского Археологического общества. 1896. Т. 8. Вып. 3–4. С. 307–393.
- ¹⁵ *Ростовцев М.И.* О новейших раскопках в Помпеях... С. 45. Примеч. 1.
- ¹⁶ Там же. С. 47–65.
- ¹⁷ Там же. С. 53–65.
- ¹⁸ Там же. С. 65–67.
- ¹⁹ Там же. С. 69.
- ²⁰ Там же. С. 70.
- ²¹ Там же. С. 70–73.
- ²² Там же. С. 73–74.
- ²³ Там же. С. 74–82.
- ²⁴ Там же. С. 82–91.
- ²⁵ Там же. С. 91–101.
- ²⁶ *Ростовцев М.И.* Август Мау (некролог) // Журнал министерства... С. 30–31; Он же. Август Мау // Гермес... С. 280–281.
- ²⁷ *Ростовцев М.И.* О новейших раскопках в Помпеях... С. 57. Примеч. 1.
- ²⁸ Там же. С. 80; с. 83, примеч. 3; с. 84; с. 89, примеч. 2.
- ²⁹ Там же. С. 96, примеч. 2.
- ³⁰ Там же. С. 91, примеч. 2.
- ³¹ Там же. С. 99.
- ³² *Ростовцев М.И.* Август Мау (некролог) // Журнал министерства... С. 33; Он же. Август Мау // Гермес... С. 281.
- ³³ См.: *Жебелёв С.А.* Рец.: *Ростовцев М.И.* О новейших раскопках в Помпеях. С.-Петербург, 1894 // Филологическое обозрение. 1894. Т. 6. Кн. 1. С. 15–17.
- ³⁴ *Ростовцев М.И.* О новейших раскопках в Помпеях... С. 49, примеч. 1.
- ³⁵ Там же. С. 49–50, 52, 54–55, 59, 71, 77–80, 82, 83, 85–87, 89, 94, 96, 97.
- ³⁶ *Ростовцев М.И.* Помпеи за 1893–1895 гг. ... С. 307, примеч. 1.
- ³⁷ Там же. С. 393.
- ³⁸ Надо отметить, что сам М.И. Ростовцев в данной атрибуции дома к его предполагаемому хозяину не уверен, хотя и осведомлен о ней из научной литературы (Там же. С. 393, примеч. 1).
- ³⁹ См.: *Зуев В.Ю.* Указ. соч. С. 56.
- ⁴⁰ *Ростовцев М.И.* Помпеи за 1893–1895 гг. ... С. 323.
- ⁴¹ Там же. С. 326.

⁴² Там же. С. 340.

⁴³ Там же. С. 345–350.

⁴⁴ Там же. С. 352–354.

⁴⁵ Там же. С. 367–383.

⁴⁶ Там же. С. 365–366.

⁴⁷ Там же. С. 366.

⁴⁸ Подробнее см.: *Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. С. 74–155; *Клейн Л.С.* История российской археологии: Учения, школы и личности. Т. 1. СПб.: Евразия, 2014. С. 545–549.

⁴⁹ *Клейн Л.С.* Указ. соч. С. 118.

⁵⁰ *Ростовцев М.И.* Помпеи за 1893–1895 гг. ... С. 339.

⁵¹ Там же. С. 369.

Олимпиада-80 в советской пропаганде:
сотрудничество и конфронтация
в международной спортивной политике
1975–1989 гг.

Во второй половине XX в. проведение крупных спортивных мероприятий стало важной частью международного сотрудничества. Олимпийское движение приобрело массовую популярность, в связи с чем часто использовалось в политических целях. XXII летние Олимпийские игры в Москве 1980 г. продемонстрировали высокую степень зависимости большого спорта от политики, его значение в условиях противостояния двух общественно-политических систем: социализма и капитализма. В данной статье прослеживается трансформация установок советской пропаганды в освещении Олимпиады-80 с 1975 г. по 1989 г.

Ключевые слова: Олимпиада-80, советская пропаганда, холодная война, спорт в СССР, олимпийское движение.

Поддержание и развитие позитивных отношений в области профессионального спорта является важным и актуальным аспектом международного сотрудничества. Современные олимпийские игры – уникальное явление XX–XXI вв. – играют важную роль в построении межкультурного диалога. Однако в условиях международной конфронтации их значение часто становится противоположным. Наиболее показательным примером политизированности большого спорта стали события, связанные с подготовкой и проведением Олимпийских игр 1980 г. в Москве.

Существенную роль в конструировании международных кризисов играет пропаганда. Она формирует общественное мнение в закрытых обществах. Пропагандистские работы, посвященные Олимпийским играм в Москве, издавались в СССР на протяжении пятнадцати лет (1975–1989 гг.). Весь корпус публицистической литературы можно отнести к трем этапам. Критерием для разделения является

переориентация внешней политики государства. В 1975–1979 гг. ее курс определяли Хельсинкские соглашения. Отстаивание принципов разрядки международной напряженности определяло характер работы советской пропаганды. Ввод войск в Афганистан (1979 г.) и последовавший в качестве ответной акции со стороны США бойкот Олимпийских игр в Москве (1980 г.) привел к похолоданию отношений. Эти события вызвали трансформацию пропагандистских трактовок и определили характер советской публицистики до 1985 г. Выход М.С. Горбачева на лидерскую позицию в партии обозначил изменение философии внешней политики Советского государства. Переход к более интенсивному сотрудничеству и новому политическому мышлению в дальнейшем стал основанием для выделения третьего периода пропагандистской работы (1986–1989 гг.).

Как советская публицистика реагировала на столь резкие и частые изменения? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо детально рассмотреть особенности каждого этапа.

Москва была выбрана столицей XXII летних Олимпийских игр на 75-й сессии МОК (Международного олимпийского комитета) 23 октября 1974 г. Публикации, призванные осмыслить произошедшее (соревнования подобного рода впервые проводились в социалистическом государстве), вписать событие в систему международных отношений того времени, начали появляться уже в 1975 г. и стабильно выходили в свет вплоть до 1979 г. Круг авторов не был широким. Написанием такого рода работ в основном занимались журналисты и организаторы игр¹.

Пропаганда подготовительного периода имеет оптимистичную и даже идеалистическую окраску. Выбор Москвы в качестве столицы крупнейших соревнований на уровне международной организации виделся, прежде всего, признанием миролюбивой политики, проводимой СССР². Кроме того, такой успех советского спорта, с точки зрения пропагандистов, прежде всего говорил о его полном соответствии олимпийским идеалам, которые были сформулированы в конце XIX в. Пьером де Кубертенем³.

Авторы этого периода стремятся отразить в своих сочинениях мнения простых обывателей – советских граждан, которые заявляют о полной готовности принять гостей и работать для благоустройства спортивных объектов⁴. Еще одной отличительной чертой является внимание к стороннему взгляду иностранцев на события вокруг Олимпиады-80⁵. Характерен для данного периода и интерес к экономической составляющей в подготовке игр⁶.

Тем не менее советский спорт в пропаганде 1975–1979 гг. предстает более «прогрессивным», чем спорт западный. Главным показате-

телем преимуществ советской системы авторы считают резкий скачок, который произошел после начала выступлений сборной СССР на Олимпийских играх⁷. Тема внешнеполитической конфронтации с Западом специально не педалируется, но и не исчезает полностью⁸.

В целом авторы работ ставят перед московской Олимпиадой две основополагающие задачи: 1. Укрепление дружбы и мира между народами⁹. 2. Ознакомление гостей с культурой СССР и советским образом жизни¹⁰.

Второй период пропагандистской деятельности (1980–1985 гг.) ознаменовался резким смещением акцентов. 20 января 1980 г. американское правительство объявило бойкот Олимпийским играм в Москве. С этого момента прежде достаточно миролюбивая пропаганда должна была реагировать на быстроразвивающиеся события, искать ответы на поставленные вопросы. Тиражи изданий пропагандистской литературы заметно возросли¹¹.

Праздник спорта в Москве стали наделять новыми смыслами. Каждый советский спортсмен отныне считался «чрезвычайным и полномочным представителем спорта Страны Советов»¹², что обязывало каждого олимпийца выходить на арену как на поле битвы двух идеологий. «Спортсмены всегда помнят, что флаг, который поднимается над стадионом в минуты их побед, – это малая частица алых стягов, заполыхавших над нашей страной в дни Октября. Этот флаг одного цвета со знаменем, что было водружено нашими отцами над поверженным Рейхстагом»¹³.

В связи с ухудшением взаимоотношений с Западом, работы 1980–1985 гг. содержат гораздо больше теоретизирования. Так, образ Международного олимпийского движения интересно переплетается с идеями мировой революции: здоровая молодежь из разных государств, встречающаяся на всемирных праздниках спорта, предстает фундаментом будущего коммунистического общества¹⁴.

Главной причиной бойкота авторы называют опасения западных стран относительно последствий того стремительного рывка, который СССР осуществил в области олимпийского движения¹⁵. О вводе войск в Афганистан (который и явился официальной причиной бойкота) упоминается редко и вскользь. Пропаганда продолжает развивать цепь противопоставлений: прогрессивность, массовость и моральность советской системы спортивного воспитания противопоставляется консерватизму, элитарности и продажности западной¹⁶.

В публикациях этого периода можно встретить не слишком добросовестное отношение авторов к фактам. В частности, данные о количестве не явившихся на Олимпиаду делегаций подвергаются фальсификации¹⁷.

Работы, выпущенные после завершения игр, должны были дать оценку произошедшему. Бойкот Олимпиады-80 объявляется пропагандистами абсолютно безуспешной акцией¹⁸, поскольку навредил в большей степени западным спортсменам, в то время как основная часть международной общественности проигнорировала инициативу США¹⁹.

В целом, несмотря на наличие незначительных различий в авторских интерпретациях событий (целевая аудитория нередко различалась, что приводило к появлению некоторых противоречий в интерпретациях), пропагандистская машина 1980–1985 гг. в целом предстает активной и цельной. Она успела вовремя среагировать на резкие изменения в международной обстановке, проработать свою теоретическую базу и быстро дать ответы на интересующие общественность вопросы: что стало причиной бойкота и можно ли считать его состоявшимся?

С выходом М.С. Горбачева на лидерскую позицию в СССР в 1985 г. начался качественно новый период во внешнеполитической ориентации СССР: был взят курс на сближение со странами Запада. Кроме того, политика гласности повлияла на увеличение свободы печати в СССР. Казалось бы, подобные изменения должны были неизбежно повлиять на установки официальной пропаганды.

Однако, напротив, период 1986–1989 гг. изобилует образцами литературы, демонстрирующей наиболее радикальные штампы пропагандистских работ прошлых лет. И потому в корне противоречит актуальной государственной позиции по отношению к западным странам²⁰.

Характерной чертой периода является конкретизация основного врага советского спорта: отныне это не Запад или капиталистические страны, но исключительно милитаристские (империалистические) круги США²¹.

Важной особенностью сочинений перестроечного периода является выдвигание на первый план проблемы национализма в спорте и Международном олимпийском движении²². Крайняя степень полемичности доводит советских пропагандистов до крайне радикальных аналогий. Так, в работах 1986–1989 гг. авторы пишут о близости американской политики к внешнеполитической доктрине Гитлера, считают прообразом американского космополитизма оккупационную политику Третьего рейха²³, называют летнюю Олимпиаду 1984 г. в Лос-Анджелесе в той же степени агрессивной и националистической, в какой ею являлись игры 1936 г. в Берлине²⁴.

Если в 1975–1979 гг. оценка истории олимпийского движения в целом была оптимистичной, а в 1980–1985 гг. внимание авторов

было заострено лишь на отдельных конфликтных эпизодах в его развитии, то во времена перестройки пропагандисты пишут о том, что западные оппоненты пытались помешать развитию советского спорта всегда, с самого вступления СССР в Международное олимпийское движение²⁵.

В работах 1986–1989 гг. также меняется отношение к Международному олимпийскому комитету в целом. Если раньше пропагандисты позитивно смотрели на динамику развития органа и выделяли из его среды выдающихся и «прогрессивных» членов, то на данном этапе комитет воспринимается ими как «одна из наиболее недемократических международных организаций»²⁶, неспособная на какие-либо положительные изменения.

Впрочем, наряду с предельно жесткими оценками можно встретить и примеры более взвешенного отношения к спорту в странах капиталистического лагеря²⁷.

В 1989 г. выпуск пропагандистских сочинений резко заканчивается. Возможно, это произошло из-за преодоления кризиса олимпийского движения в 1988 г. на играх в Сеуле, в связи с чем тема попросту стала неактуальной.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что советская пропаганда, посвященная проблематике Олимпиады-80, предстает чрезвычайно противоречивым явлением. Изучение трансформации ее установок на протяжении пятнадцатилетнего периода (1975–1989 гг.) показало, что если в 1975–1985 гг. пропаганда четко следовала партийной линии, успешно решая поставленные задачи и оперативно реагируя на колебания международного курса страны, то в период перестройки позиции государства и одного из его важнейших инструментов в проведении внутренней и внешней политики сильно разошлись, показательно отразив реалии перестройки с ее переломным и неоднозначным характером.

Примечания

¹ *Попов С.Г.* Город XXII Олимпиады. М., 1975; *Он же.* Москва олимпийская. М., 1975; *Коваль В.И.* Олимпиада-80. М., 1978; *Родиченко В.С.* Организация и техническое обеспечение олимпийских соревнований. М., 1978; *Стародуб А.Э.* До встречи в Москве. М., 1978; *Сребницкий А.К.* Добро пожаловать, Олимпиада! М., 1978; *Каменская Ж.В.* Москва готовится к олимпиаде. М., 1977; *Романов А.О.* Москва готовится к Олимпиаде. М., 1978; *Романов А.О.* Москва, Олимпиада-80. М., 1977; *Кеслер Л.Л.* Навстречу Олимпиаде-80. М., 1978; *Базунов Б.А.* Олимпийское время Москвы. М., 1978.

- ² *Стародуб А.Э.* Указ. соч. С. 21.
- ³ *Попов С.Г.* Город XXII Олимпиады. М., 1975. С. 25.
- ⁴ *Сребницкий К.А.* Указ. соч.; *Каменская Ж.В.* Указ. соч. С. 12.
- ⁵ *Сребницкий К.А.* Указ. соч. С. 74.
- ⁶ *Коваль В.И.* Указ. соч.
- ⁷ *Попов С.Г.* Город XXII Олимпиады. М., 1975. С. 31–32.
- ⁸ *Стародуб А.Э.* Указ. соч. С. 21.
- ⁹ *Попов С.Г.* Город XXII Олимпиады. М., 1975. С. 42.
- ¹⁰ Там же. С. 43.
- ¹¹ *Фекличев Г.Н.* Спортсмены СССР на Олимпийских играх: в помощь лектору, пропагандисту, докладчику. М., 1980; *Любомиров Н.И.* Москва – столица Игр 22 Олимпиады: в помощь лектору, пропагандисту, докладчику. М., 1980; *Охромий Д.А.* От значка ГТО к олимпийской медали. М., 1980; *Гуськов С.И.* Олимпиада-80 глазами американцев. М., 1982; *Заседа И.И.* Кто, как и почему борется против олимпиад. К., 1983; *Ивонин В.А.* Массовость советского спорта. М, 1980; *Судаков В.И.* Добро пожаловать, Олимпиада! М.: Знание, 1980; *Новиков И.Т.* Олимпийский меридиан Москвы. М.: Физкультура и спорт, 1983.
- ¹² *Судаков В.И.* Указ. соч. С. 41.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Столбов В.В.* Указ. соч. С. 7.
- ¹⁵ *Агеевец В.У.* Пять колец: идеи и мораль: умножать и развивать олимпийские традиции. Л., 1985. С. 17.
- ¹⁶ *Столбов В.В.* Указ. соч. С. 7–8.
- ¹⁷ *Гуськов С.И.* Указ. соч. С. 5, 11.
- ¹⁸ *Заседа И.И.* Указ. соч. С. 26.
- ¹⁹ Там же. С. 14.
- ²⁰ *Гуськов С.И.* В атаке доллар: Международный спорт и идеологическая борьба. М., 1988; *Родиченко В.С.* Западный вирус: Что угрожает международному спорту. М.: Физкультура и спорт, 1988; *Гескин В.М.* Кто посягает на олимпийский огонь. М., 1986; *Оситенко Л.В., Пихуля В.В.* Спорт: друзья и недруги. К.: Молодь, 1986; *Починкин А.В.* В паутине национализма. М.: Физкультура и спорт, 1988; *Долгополов Н.* По ту сторону спорта. М.: Молодая гвардия, 1988; *Коршак Ю.* Олимпийский репортаж, или тревоги и надежды большого спорта. Л.: Лениздат, 1988.
- ²¹ *Оситенко Л.В., Пихуля В.В.* Указ. соч. С. 5.
- ²² *Починкин А.В.* Указ. соч. С. 3.
- ²³ Там же. С. 73.
- ²⁴ *Долгополов Н.* Указ. соч. С. 291.
- ²⁵ *Оситенко Л.В., Пихуля В.В.* Указ. соч. С. 5.
- ²⁶ *Родиченко В.С.* Указ. соч. С. 28.
- ²⁷ *Гуськов С.И.* Роль правительств ведущих капиталистических стран в развитии физической культуры и спорта: Обзорная информация. М., 1987.

Стратегии, технологии и модели социального сотрудничества

С.И. Бойко, Ю.А. Полещук

Формирование стратегий сотрудничества в коммуникативном стиле специалистов в сфере государственного управления

В статье показана необходимость как профессиональной ориентации и формирования компетентности, так и приобретения в процессе обучения нравственных психологических качеств будущими специалистами государственного управления. Сфера взаимодействия институтов государства и гражданского общества в транспарентном информационном пространстве является потенциально конфликтной областью социального сотрудничества. Приведены результаты диагностики стиля реагирования студентов в социальных конфликтных ситуациях. По результатам опросов предлагаются некоторые пути формирования современных и адекватных стилей реагирования государственных служащих на проблемы, возникающие в социальном сотрудничестве.

Ключевые слова: государственное управление, стили реагирования в конфликтах социального сотрудничества, профессионально важные качества.

Социальное сотрудничество для государственной политики и управления – прежде всего организованная система взаимодействия и коммуникаций во всем спектре видов (отраслей) деятельности институтов государства и структур гражданского общества. Это не только социальное партнерство в сфере трудовых отношений, где органы государственной власти выступают основным регулятором, модератором и третьим дискусантом между работодателем и наемным работником. В современных социально-политических процессах трудовые отношения – важная, но не доминирующая часть социума, и не только потому, что из-за стремительного и тотального распространения информационных технологий модернизировались взаимоотношения между собственниками и

работниками, но и потому, главное, что изменилась регулирующая функция государственного и политического управления в общественных отношениях. Институты государства не могут опираться на директивные, императивные, распорядительные инструменты во взаимодействии с гражданским обществом. Необходимо концептуально обоснованное предвидение вероятных источников и причин социальных конфликтов и проектирование вероятных способов консенсусного их преодоления таким образом, чтобы политическая система не выходила за границы динамической социально-политической стабильности. Так, как это было сделано после выборов в Государственную Думу РФ VI созыва в декабре 2011 г., когда в результате локальных, но массовых проявлений недовольства граждан итогами избирательной кампании было изменено законодательство, возвращена смешанная система выборов и кардинально облегчены условия создания политических партий.

Социальные конфликты – неизбежное и естественное явление, поэтому специалистов государственного и муниципального управления, независимо от их отраслевой специализации, необходимо готовить к корректным и лояльным для граждан формам реагирования на многообразные конфликты как на имманентную составляющую процессов организации жизнедеятельности государства.

Современное состояние экономики в условиях глобализации, развитие науки и высшего образования способствуют возникновению жесткой конкуренции на рынке труда, повышают уровень требований к профессиональной подготовке специалистов, особенно специалистов, работающих в потенциально конфликтных зонах пересечения интересов граждан, коллективов и объединений граждан и органов государственного управления.

В этой связи перед системой образования стоит задача подготовить не просто грамотного исполнителя, но и личность, стремящуюся к профессиональному развитию, адекватно и своевременно реагирующую на динамично изменяющуюся систему социального партнерства и социально-экономического и политического взаимодействия.

В конкурентной обстановке демократического политического режима и многообразия форм собственности выпускнику вуза для успешного позиционирования на рынке труда необходимо, прежде всего, иметь сформированные профессионально важные качества. А для будущего государственного служащего еще и иметь возможность самоидентификации в отношении институтов государства, в которых выпускник намерен применять приобретенные теоретические знания и компетенции. Указанные личностные и профессио-

нальные качества специалиста представляют собой всю совокупность психологических качеств личности, а также целый ряд физических, антропометрических, физиологических характеристик человека, которые определяют успешность процесса обучения и реальной деятельности¹. В том числе характеристик, определяющих национально-патриотическую ориентацию специалистов государственного управления².

В Республике Беларусь правила и практика подготовки национальных кадров государственного управления существенно отличаются от российских. Политические межгосударственные конфликты после 2014 г. показали стратегическую прозорливость государственных органов Беларуси, сохранивших идеологическую составляющую в национальной системе образования, в гражданском обществе, в трудовых коллективах независимо от формы собственности, в структурах государственного управления. В России не только ученые, представляющие отрасли социально-гуманитарного знания, но государственные топ-менеджеры все чаще демонстрируют озабоченность формулированием стратегических целей и обоснованием необходимости существования суверенной, конкурентоспособной и комфортной для совместного проживания многонациональной среды. А это уже конкретная задача для политической науки и системы высшего образования и подготовки кадров государственного управления.

В России только в последние годы утверждены федеральные государственные образовательные стандарты компетенций специалиста, включающие общекультурные компетенции, направленные на формирование мировоззренческой позиции, на способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития социума, на формирование гражданской позиции, на коммуникабельность и толерантное восприятие социального, этнического, конфессионального и культурного многообразия. Компетентность и нравственность для государственного служащего взаимозависимы³. Эффективное соотношение нравственности и профессионализма означает твердую приверженность национальным приоритетам, социальным и культурным традициям, законам и другим государственным актам, приверженность примату государственных интересов над личными. В современной российской политической науке все-таки уделяется некоторое внимание включению в образовательный процесс в университетах проблематики нравственных и этических норм, определяющих коммуникативное сотрудничество государственных служащих с представителями различных страт гражданского общества. Данные вопросы

исследуются, например, в работах проф. Ю.В. Ирхина⁴, работах М.А. Штейнман (РГГУ): «Университет – не база и не хранилище, не аналог Вавилонской библиотеки Борхеса, но подвижная информационно-образовательная структура, призванная сформировать ту систему ценностей и подходов, которая позволит современным студентам самостоятельно управлять процессом получения информации и ее использованием в дальнейшей жизни»⁵. Вместе с тем достаточно очевидно, что системный и научно обоснованный подход к формированию стратегий взаимодействия и стилей коммуникаций у будущих специалистов государственного управления в университетской среде пока не сложился.

В Беларуси процесс высшего образования носит отчетливо выраженный патриотически направленный характер, существует политико-психологическое сопровождение, имеющее целью воспитание нравственных, национально ориентированных и компетентных государственных служащих.

Сформированные профессионально важные качества способствуют преодолению межличностных конфликтов как в профессиональной среде, так и во взаимодействии с гражданами. Будущий специалист должен владеть практическими приемами решения задач эффективного и взаимовыгодного сотрудничества государственных институтов с организациями гражданского общества, основными методами и инструментами применения GR- и PR-технологий в различных структурах государственной власти и местного самоуправления. Также данные качества позволят достичь высоких производственных показателей, будут способствовать формированию заинтересованности специалистов в профессиональном росте по результатам их эффективной работы в органах государственного управления.

Для будущих специалистов в сфере государственного управления выделяют следующие качества, обеспечивающие успешность выполнения профессиональной деятельности: высокий уровень аналитического и понятийного мышления, склонность к исследовательской деятельности, развитая память, высокий уровень концентрации и устойчивости внимания, способность брать на себя ответственность за принятые решения, обоснованная уверенность в себе, стремление к постоянному личностному росту. Необходимо развитие ряда способностей: коммуникативных, организаторских, вербальных, ораторских, а также умение слушать, способность заниматься длительное время кропотливой работой, воспринимать большие объемы информации из разнообразных и альтернативных источников, умение анализировать и прогнозировать конкретные

ситуации в организации процессов государственного управления, регулировать свои эмоции⁶.

Изучение представлений о необходимых компетенциях и навыках у студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Государственное и муниципальное управление» показывает, что студенты всех курсов в качестве одного из наиболее важных качеств упоминают коммуникабельность, но при этом отмечают, что она у них не сформирована. Например, при участии одного из авторов психологический тест проводился с будущими специалистами государственного и муниципального управления (выборка – 186 студентов)⁷.

Коммуникативная компетентность (как психологический феномен) относится к профессионально важным качествам представителей профессий типа «человек – человек» и является одной из приоритетных составляющих профессиональной пригодности. В то же время коммуникативная компетентность входит в группу социально-личностных компетенций выпускника университета, реализуя такие ее составляющие, как «быть способным к социальному взаимодействию» и «обладать способностью к межличностным коммуникациям»⁸.

Современный специалист политического и государственного управления, включенный в систему разнообразных потенциально конфликтных коммуникативных связей, демонстрирует свою коммуникативную компетентность через психологическую информированность, практическую подготовленность к общению, желание общаться, оптимальное разрешение конфликтных ситуаций⁹.

В политической психологии под конфликтом понимают «столкновение противоположных интересов, взглядов, серьезное разногласие, острый спор» в сфере государственного управления¹⁰. Государственный служащий, защищая интересы государства, должен обладать компетенциями и личными качествами, способными разрешать конфликты в социальном сотрудничестве, прежде всего, на основе консенсуса, компромисса, взаимопонимания без нарушения правовых, законодательных норм и правил поведения граждан с учетом особенностей национального менталитета и национальных традиций государственного управления.

Для описания стратегий поведения людей в конфликтных ситуациях известный американский социолог и политический психолог К. Томас выдвигает двухмерную модель регулирования социальных конфликтов, в которой различным образом сочетаются кооперация (кооперативность), связанная с вниманием человека к интересам других людей, вовлеченных в конфликт (ориентация на

цели партнера), и напористость – ориентация на достижение своих собственных целей¹¹. Исходя из сочетания этих двух характеристик, различают следующие стратегии поведения в конфликтной ситуации: конкуренция (соперничество), уклонение (избегание), приспособление (уступка), сотрудничество, компромисс. В зависимости от того, какую стратегию выберет участник конфликта, во многом зависит и протекание конфликта, и его конечный результат. В каждой конкретной жизненной ситуации личность может проявлять различные стратегии.

Эмпирическое исследование стратегий (стилей) поведения в конфликтной ситуации у будущих специалистов в сфере государственного управления проводилось в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ). Всего в исследовании приняли участие 98 респондентов в возрасте от 17 до 19 лет, обучающихся по направлениям: «Государственное и муниципальное управление», «Государственная политика и управление; политический менеджмент», «Международные отношения и зарубежная регионалистика». Была применена методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса (в адаптации Н.В. Гришиной)¹².

В исследуемой выборке доминирующей стратегией выступает «приспособление», которую отметили 25% опрошенных. Затем следуют стратегии «уклонение» (22%) и «сотрудничество» (21%). Равномерно выражены стратегии «компромисс» (16%) и «соперничество» (16%).

Результаты опроса показывают, что для научно-преподавательского сообщества, занятого подготовкой перспективных кадров государственного управления всех уровней и отраслей, проблемным вопросом является преодоление приспособленческих тенденций и тенденций уклонения от принятия решений при формировании стилей коммуникации в конфликтных ситуациях социального взаимодействия (скорее всего, позиций конформизма, боязни ответственности, неуверенности в собственном профессионализме, опасения неочевидных результатов проявления самостоятельности).

Стратегия «приспособление» или «уступка» характеризуется высокой степенью проявления такой личностной характеристики, как кооперативность, и слабо выраженной напористостью. Эта стратегия направлена на сглаживание разногласий и сохранение партнерских отношений ценой отказа от защищаемых интересов, что может быть потенциально вредным для интересов государственных. В отличие от «уклонения» «кооперативность» может быть и

активным стилем, когда учитываются интересы другой стороны и проявляется готовность действовать в интересах другого человека, в случае аргументированности его позиции. Преобладание данной стратегии в исследуемой выборке (25%) может объясняться высоким проявлением кооперативности, а также пониманием необходимости корпоративной этики государственной службы в рамках установленных государством норм служебного поведения и этики. Будущим государственным менеджерам необходимо уметь действовать в команде, учитывая интересы большого числа сотрудников и при этом по минимуму вызывать разногласия, способные нанести ущерб интересам общества и государства.

«Уклонение» или «избегание» (отмечено у 22% студентов) связано с проявлением низкой напористости и кооперативности. Действия человека направлены на то, чтобы выйти из конфликта не уступая, но и не настаивая на своем, воздерживаясь от споров, переводя разговор в другое русло. Здесь будут игнорироваться спорные вопросы и даже само наличие конфликта. С помощью данного стиля иногда можно ликвидировать конфликт или снизить степень его выраженности. Однако следует учесть, что нерешенный, откладываемый по времени разрешения конфликт впоследствии может проявиться в более жесткой форме.

Наиболее оптимальной при решении конфликтных ситуаций выступает стратегия «сотрудничество» (социальное сотрудничество). В данной выборке она выражена у 21% респондентов. Это самый эффективный, но самый редко используемый стиль ввиду трудности его применения. Здесь проявляется высокая напористость и не менее высокая кооперативность. В ходе откровенного обмена мнениями обе стороны находят решение, которое полностью, а не частично отвечает их интересам. Однако для такого пути необходимо достаточное количество времени. Применение стратегии «сотрудничество» в коммуникации будущих специалистов в сфере государственного управления расширит диапазон их профессиональной компетентности.

При «компромиссе», выявленном у 16% испытуемых, выявляется средняя степень выраженности напористости и кооперативности. При применении данной стратегии каждая из сторон готова немного уступить в своих интересах, чтобы удовлетворить их частично. Здесь следует помнить, что частичная победа – это и частичный проигрыш сторон, сохраняющий известное напряжение, которое, накапливаясь, может привести к обострению отношений.

Еще одной слабо выраженной у респондентов оказалась стратегия стилей коммуникации «соперничество» или «конку-

ренция» (16%), где отмечается высокая напористость и низкая кооперативность. Человек расценивает исход конфликта однозначно – это либо победа, либо поражение. Поэтому происходит стремление добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому человеку. Это путь открытой и жесткой борьбы за свои права. Следует учесть, что насильно вырванная победа может навсегда разрушить доверие, человеческие отношения. Агрессор может добиться боязливого отношения, но не признания. В ситуации ограниченного количества времени, когда необходимо принять важное решение, этот стиль поведения может оказаться востребованным.

Практически независимо от отраслей специализации (направления) обучения для будущего профессионального применения в структурах государственной власти выявленные в ходе диагностики студентов стили коммуникации, стратегии поведения в социально конфликтной ситуации показывают, что их проявление может варьироваться в связи с конкретной профессиональной ситуацией во взаимодействии как с гражданами, так и между самими структурами государства, а также в зависимости от нравственных и других психологических характеристик претендента на замещение должности государственной службы. В целом отмеченные в исследуемой выборке стили коммуникативного поведения не противоречат федеральным государственным российским и национальным государственным белорусским стандартам и методикам развития профессионально ориентированной коммуникативной компетентности у студентов. Такое положение не только создает предпосылки для успешного становления специалиста, но и формирует векторы совершенствования преподавания дисциплин для обеспечения достойной кадровой преемственности в органах государственного управления. Существенным элементом формирования коммуникативного стиля реагирования в транспарентном информационном пространстве становится профессиональная компетенция обоснованного практического применения GR- и PR-технологий взаимодействия органов государственного и муниципального управления с институтами гражданского общества, умение участвовать в создании позитивного имиджа и репутации государственных институтов.

Представляется целесообразным введение психологического тестирования для выявления способности к коммуникациям в социальном содружестве у абитуриентов при поступлении на обучение специальностям сферы государственного управления, дополнительно к вступительным экзаменам и результатам ЕГЭ.

Профессионально грамотное и компетентное, взвешенное, психологически и политически обоснованное использование коммуникативных стилей поведения специалистами государственного управления в ситуациях социально-политических флуктуаций будет способствовать разрешению конфликтов в сфере социального сотрудничества без нарушения устойчивого функционирования органов государственной власти. Профессиональные качества и компетенции, направленные на обеспечение социально-политической стабильности всей вертикали государственного управления, независимо от отраслевых и функциональных особенностей структурных подразделений конкретного органа государственной или муниципальной власти, предопределяют готовность и пригодность будущего профессионала к деятельности в избранной сфере государственного и политического менеджмента.

Примечания

- ¹ *Бодров В.А.* Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕР СЭ, 2001.
- ² *Бойко С.И.* Политическая и патриотическая ориентация в высшей школе как условие социально-экономической модернизации // Научные труды Республиканского института высшей школы: философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. / Под ред. В.Ф. Беркова. Минск: РИВШ, 2013. Вып. 12. С. 16–23.
- ³ *Ирхин Ю.В.* Ценности политической культуры и особенности проектирования этических режимов: сравнительный анализ // Публичные ценности и государственное управление / С.-Петерб. гос. ун-т. М.: Аспект Пресс, 2014. Гл. 13. С. 322–341.
- ⁴ *Ирхин Ю.В.* Формирование факультетов нравственных и политических наук в университетах России // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 4. С. 56–64.
- ⁵ *Штейнман М.А.* Трансформация социокультурной реальности и коммуникативное пространство университета // Философия коммуникации: университетское образование в социокультурной динамике информационного общества. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 19–25.
- ⁶ Профессиограммы «Менеджер» и «Управленец» // Романова Е.С. 99 популярных профессий: Психологический анализ и профессиограммы. СПб.: Питер, 2003. С. 199–202, 379–383.
- ⁷ *Морозова О.С., Полещук Ю.А.* Профессионально значимые качества специалиста в сфере государственного и муниципального управления // V Рязанские социологические чтения: Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 25–26 ноября 2014 г. / Отв. ред. В.А. Горнов, Е.А. Анисина. Рязань: РИД, 2015. С. 95–99.

- ⁸ *Макаров А.В.* Проектирование стандартов высшего образования нового поколения по циклу социально-гуманитарных дисциплин. Минск: РИВШ, 2005.
- ⁹ *Бойко С.И., Полещук Ю.А.* Профессиональные компетенции и профессиональный опыт в подготовке национальных кадров государственного управления / С.И. Бойко, Ю.А. Полещук // *Zasoby osobiste jako droga do sukcesu: praca zbiorowa pod redakcja naukowa Elena Asmakovets, Babiarez Mirosław Z., Koziej Sławomir.* Kielce: Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach, 2016. P. 179–183.
- ¹⁰ Психологический словарь / В.Н. Копорулина [и др.]; под общ. ред. Ю.Л. Неймера. Ростов-н/Д.: Феникс, 2003. С. 195.
- ¹¹ Тест описания поведения К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной) // Психологические тесты: В 2 т. / Под ред. А.А. Карелина. М.: ВЛАДОС, 2001. Т. 2. С. 69–77.
- ¹² Там же.

Сотрудничество и консолидация
региональных политических элит
в современной России:
на примере Иркутской области

В статье проводится исследование факторов консолидации региональных политических элит на примере Иркутской области. Автор выделяет четыре фактора консолидации элит и с их помощью анализирует благоприятность экономических, политических и демографических условий Иркутской области для выстраивания вертикали власти. Наличие в регионе нескольких крупных и обладающих противоположными интересами корпораций приводит к дефициту сотрудничества между внутрирегиональными элитами. По результатам исследования делается вывод о том, что выделенные автором факторы в соединении с дефицитом сотрудничества способствуют разъединенности политической элиты Иркутской области.

Ключевые слова: региональные элиты, региональный политический режим, сотрудничество элит, консолидация элит, Иркутская область.

С приходом к власти В.В. Путина в 1999 г. начался новый этап отношений центр – регионы. Президент проводил последовательную политику рецентрализации и консолидации власти в стране. Был проведен ряд административных реформ, создана новая партия власти, занявшая прочное большинство в legislatures всех уровней¹. Политическая конкуренция была выведена из публичной политики, а выборы стали лишь инструментом легитимации действующей власти. В течение 2000-х гг. в России была выстроена вертикальная консолидированная властная система, ключевые решения в которой принимал один человек – президент.

По аналогичной модели с федеральным уровнем подобные жесткие вертикальные системы были выстроены в подавляющем

большинстве регионов. Усилия федерального руководства во многом способствовали выстраиванию сотрудничества элит в регионах и достижению внутренней стабильности региональных режимов. В одних регионах региональные элиты были вытеснены новыми людьми, в других состоялся симбиоз старых кадров и новых, в третьих региональные элиты сумели приспособиться к новым экономическим условиям и политической системе². Губернаторы стали доминирующими акторами региональной политики, главными арбитрами внутриэлитных конфликтов и распорядителями основной массы властных и экономических ресурсов. Выстраивание системы единой властной вертикали от федерального до муниципального уровня обеспечило президенту и его команде управляемость страной.

Однако не во всех субъектах Российской Федерации процесс консолидации власти завершился полностью. В некоторых регионах по тем или иным причинам так и не удалось выстроить жесткую властную вертикаль элит вокруг фигуры губернатора. В настоящей статье предлагается анализ факторов политической консолидации региональных политических элит в эпоху Путина на примере Иркутской области. Интерес к этому региону вызван необычным для современной России случаем поражения действующего губернатора на выборах в 2015 г.³ Поражение инкумбента на выборах свидетельствует о том, что региональные элиты не консолидированы, а это идет вразрез с опытом других регионов и поэтому вызывает исследовательский интерес.

Типология и методология изучения консолидации элит

Консолидированная региональная элита характеризуется устойчивой системой взаимодействия властных элит при доминировании стратегии сотрудничества и принятия общих «правил игры» основными акторами региональной политики. После административных реформ 2000-х гг. в российских регионах консолидация элит идет преимущественно по модели централизации власти первым лицом региона и способствует формированию консолидированных политических режимов, которые Р.Ф. Туровский определяет наличием выстроенной моноцентричной вертикали власти во главе с губернатором и его клиентелой при согласии на это других группировок и отсутствии значимых политических конфликтов⁴.

Политолог Д. Хигли выделил несколько типов консолидации элит: «консенсуально объединенная», «объединенная идеологиче-

ски» и «разъединенная»⁵. Только «консенсуально объединенная» элита способна поддерживать демократические процедуры и правила, другие два типа элит ведут к авторитарным или квазидемократическим режимам. Россия, по мнению Д. Хигли, в советский период являлась объединенной идеологически страной, однако в период перестройки ее элиты стали разъединенными, вследствие чего в стране на место авторитарного режима пришел режим квазидемократический. В 2000-е гг. вследствие рецентрализации власти большая часть российских элит стала консолидированной (вопрос только каким именно образом), однако часть так и осталась разъединенной.

Каждый российский регион имеет свой собственный набор различных демографических, экономических и политических характеристик, которые в совокупности создают благоприятные или неблагоприятные условия для консолидации элит. Для анализа перспектив консолидации власти в регионах России автор настоящей работы предлагает следующие факторы.

1. *Экономический фактор – количество значимых акторов в экономике региона.* Наличие нескольких мощных экономических акторов естественным образом создает сложные условия консолидации региональной элиты, так как необходимо учитывать часто противоречивые мнения и позиции обеспеченных ресурсами игроков. Напротив, если в регионе совсем нет промышленных предприятий и крупного бизнеса, то глава администрации региона, фактически являясь основным работодателем и распределителем средств в регионе, способен без больших затруднений консолидировать власть в своих руках и выстроить властную вертикаль.

2. *Административно-хозяйственный фактор – количество крупных и значимых административно-хозяйственных центров в регионе.* Если в регионе есть несколько крупных и состоятельных городов, то задача консолидации элит усложняется, т. к. главы крупных муниципалитетов часто обладают собственным значительным политическим весом, поэтому губернаторам с ними приходится считаться и вести переговоры. Соответственно наиболее удобным для консолидации элит является регион с одним городским центром (желательно небольшим), окруженным сельской местностью. При таком раскладе губернатору будет проще всего подчинить себе глав органов местного самоуправления и получить полный контроль над регионом.

3. *Фактор демократических традиций – наличие или отсутствие демократических традиций среди населения региона.* Они проявляются в первую очередь во время избирательных кампаний,

когда избиратели могут продемонстрировать свою независимость и избрать кандидатов, отличных от тех, которых поддерживает власть. Подданническая политическая культура, напротив, подразумевает полностью лояльное для власти электоральное поведение населения⁶. Мы исходим из того, что сильные демократические традиции препятствуют концентрации политической власти в одних руках, а политическая пассивность населения, напротив, содействует.

4. *Фактор наличия этноконфессиональных меньшинств – наличие или отсутствие в регионе обладающих значительным влиянием этнических и/или конфессиональных меньшинств.* Организованные меньшинства зачастую активно участвуют в политике и имеют собственные интересы, которые могут противоречить интересам большинства, что усложняет консолидацию региональной элиты, так как делает необходимыми сложные переговоры и договоренности с лидерами меньшинств с целью их включения во властную вертикаль⁷. Гомогенное население, напротив, не создает дополнительных сложностей для выстраивания единой властной вертикали.

Анализ факторов консолидации политической элиты Иркутской области

В дальнейшем мы сосредоточимся на анализе перспектив консолидации и сотрудничества элит в избранной нами Иркутской области с позиций выделенных выше факторов.

Экономический фактор. В экономике Иркутской области представлены несколько крупных бизнес-структур. Это РУСАЛ, «Иркут», «Иркутскэнерго», ОАО «Коршуновский ГОК», Усольехимпром, Востсибуголь, Газпром, Роснефть, сильный строительный бизнес-кластер Иркутска и ряд других крупных федеральных и региональных компаний. Интересы этих компаний в Иркутской области часто противоречат друг другу, из-за чего они стремятся усилить свое политическое представительство в органах власти региона. Так, многие компании имеют своих представителей в Законодательном собрании и правительстве Иркутской области. Противоположность интересов бизнес-компаний и госкорпораций порождает дефицит сотрудничества между экономическими акторами и проявляется в поддержке бизнес-группами разных сторон в политическом процессе, что в свою очередь стимулирует политическую конкуренцию и не дает одному актору сконцентрировать всю власть в своих руках.

Яркой иллюстрацией такой ситуации в Иркутской области является конфликт «энергетиков» и «металлургов», произошедший в начале 2000-х гг. Причиной конфликта было стремление руководства компании Иркутскэнерго поднять тарифы на электроэнергию и желание руководства корпорации РУСАЛ поддерживать тарифы на низком уровне для сокращения издержек энергоемкого металлургического производства⁸. Конфликт нашел свое выражение в противостоянии главы «партии энергетиков» генерального директора Иркутскэнерго и спикера Заксобрания Иркутской области В.М. Боровского с губернатором Б.А. Говориным, поддерживавшим партию «металлургов», и закончился отставкой первого⁹.

Другим примером влияния крупных экономических акторов на дефицит сотрудничества элит является конфликт в 2014 г. губернатора С.В. Ерошенко с группировкой, представляющей строительный бизнес города Иркутска. Оппоненты губернатора на досрочных выборах главы региона в 2015 г. поддержали его главного соперника С. Левченко, и тот победил в избирательной кампании. Выстраивание властной вертикали, относительно успешно проводимое С.В. Ерошенко ранее, в 2012–2014 гг., прервалось.

Административно-хозяйственный фактор. В Иркутской области 3 крупных города, население которых превышает 200 тыс. человек: Иркутск, Братск и Ангарск. Все три города являются образовательными, промышленными и культурными центрами, обладающими каждый своей уникальной политической культурой. Местные элиты этих городов оказывают значимое влияние на региональную политику, особенно во время избирательных кампаний. Зачастую мэры крупных городов имеют свои группы в региональном парламенте, выстраивают собственные клиентелы в своих городах и устанавливают предел власти губернаторов на своей территории. Это снижает мотивацию мэров городов к сотрудничеству с главой региона и напротив, часто служит причиной конкуренции между ними.

Наиболее сильным конкурентом губернатора традиционно и вполне естественно считается мэр города Иркутска. В 2005 г. мэр Иркутска В.В. Якубовский возглавил оппозицию губернатору А.Г. Тишанину и стал одним из лидеров региональной элиты, противостоящей губернатору-«варягу»¹⁰. Во многом коалиция Заксобрания области и мэра региональной столицы помогла победить во внутренней борьбе Тишанина и добиться его отставки.

В 2015 г. вскоре после победы С.Г. Левченко на губернаторских выборах многие представители команды бывшего губернатора перешли на службу в администрацию города Иркутска и продолжи-

ли оппонировать новому губернатору-коммунисту и его команде. Новый мэр Иркутска Д.В. Бердников стал фигурой, вокруг которой сформировалась новая оппозиция, к которой примкнули и представители местных элит других городов области: Братска, Ангарска и Черемхово¹¹. Таким образом, фактор наличия нескольких крупных городов в Иркутской области усложняет консолидацию региональной элиты.

Фактор демократических традиций. В современной истории Иркутская область демонстрирует несколько ярких примеров наличия сильных демократических традиций. Проявляются они во время избирательных кампаний, результаты которых в Иркутской области часто удивляют наблюдателей, привыкших к стабильным успехам партии власти и ее кандидатов. За последние годы в области в двух важнейших избирательных кампаниях победили оппозиционные кандидаты – на выборах мэра Иркутска в 2010 г., а также на упомянутых выше губернаторских выборах 2015 г.¹²

В известном экспертном рейтинге демократичности регионов Московского центра Фонда Карнеги, который учитывает различные стороны региональной политической жизни – открытость/закрытость, независимость СМИ, соревновательность избирательных кампаний, коррупцию, плюрализм и сменяемость элит, Иркутская область в период 2001–2011 гг. стабильно находится в первой пятерке наиболее демократичных регионов страны¹³. В другом количественном индексе электоральной демократии, составленном на основе электоральной статистики, политическая конкуренция в регионе заметно выше среднероссийской¹⁴.

Исходя из этих двух рейтингов, построенных по разным методикам, мы можем сделать вывод о наличии в Иркутской области сильных демократических традиций, высокого уровня конкурентности избирательных кампаний и политического плюрализма, что делает модель консолидации элиты вокруг фигуры первого лица нефункциональной, а сотрудничество представителей элиты ограниченным.

Фактор наличия этноконфессиональных меньшинств. В отношении четвертого выделенного нами критерия – наличия в регионе значимых этнических или конфессиональных меньшинств – Иркутская область также находится в условиях, не способствующих консолидации элиты. В 2006 г. Иркутская область была объединена с Усть-Ордынским Бурятским автономным округом и отныне в политическом и демографическом ландшафте региона присутствует фактор бурятского меньшинства. Несмотря на то что доля бурят в общем населении Иркутской области составляет около 3,5%, они

составляют большинство в нескольких муниципальных районах региона и гораздо более этнически сплочены, чем титульный этнос¹⁵.

Учитывать интересы местной бурятской элиты региональной власти приходится по причине ее значительного электорального веса, который достигается благодаря высоким возможностям мобилизации этнических бурят и проявляется в очень высокой явке в 80–85% населения районов с преимущественно бурятским населением¹⁶. Дополнительный вес бурятской элите придает угроза социальной дестабилизации и национализма, поэтому губернаторы выстраивают сотрудничество с местными бурятскими властями на особых условиях, что также затрудняет консолидацию региональной элиты.

В проведенном исследовании условий сотрудничества и консолидации региональных политических элит автором были выделены четыре фактора, влияющих на успешность этого процесса. В результате анализа кейса Иркутской области по выделенным факторам было выявлено, что существующие экономические, политические и демографические условия региона в большой мере усложняют консолидацию региональной элиты. Наличие нескольких значимых экономических акторов, крупных населенных городских центров, устойчивых демократических традиций и значимого этноконфессионального бурятского меньшинства в Иркутской области объясняет существование разъединенной политической элиты в этом регионе. Вместе с этим в Иркутской области в силу ряда описанных выше факторов существует устойчивый дефицит внутриэлитного сотрудничества.

Примечания

- ¹ *Туровский Р.Ф.* Региональные политические режимы в современной России: сравнительный анализ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 1. С. 73–82.
- ² Успешные губернаторы консолидируют не только элиты, но и общество [Электронный ресурс] // Взгляд: офиц. сайт. 2015. 22 июня. URL: <http://vz.ru/politics/2015/6/22/752192.html> (дата обращения: 11.05.2016).
- ³ Коммунист Сергей Левченко выиграл выборы губернатора Иркутской области [Электронный ресурс] // Коммерсант: обществ.-полит. газ.: офиц. сайт. 2016. 28 сент. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2820138> (дата обращения: 11.03.2016).
- ⁴ *Туровский Р.Ф.* Указ. соч. С. 77–95.
- ⁵ *Higley J.* Elite theory in political sociology. Univ. of Texas, Austin, 2008.

- ⁶ Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис: Политические исследования. 1992. № 4. С. 122–135.
- ⁷ Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп / Пер. с англ. Е. Окороченко. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995.
- ⁸ Современная история Иркутской области: 1992–2012 годы: В 2 т. Т. 2, ч. 1: учеб. пособие / [Ю.А. Зуляр, Т.Л. Курас, А.В. Петров, Т.Г. Эпова]; под ред. Ю.А. Зуляра. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013.
- ⁹ Борис Говорин на весах истории. [Электронный ресурс] // Альтаир: инф. агентство Иркут. обл.: офиц. сайт. 2016. 17 марта. URL: http://altairk.ru/new/mass_media/boris_govorin_on_the_scales_of_history (дата обращения: 11.08.2016).
- ¹⁰ Зуляр Ю.А. Институт губернаторства как отражение политической системы современной России: иркутский сюжет // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 62–83.
- ¹¹ Иркутское восстание мэров [Электронный ресурс] // Газета.ру: обществ.-полит. газ.: офиц. сайт. 2016. 29 авг. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/08/29_a_10165115.shtml (дата обращения: 11.10.2016).
- ¹² Кандидат от «Единой России» проиграл выборы мэра Иркутска [Электронный ресурс] // РБК: офиц. сайт. 2010. 15 марта. URL: <http://www.rbc.ru/politics/15/03/2010/5704b60b9a794714c9b5218c> (дата обращения: 11.03.2016).
- ¹³ Петров Н., Тутков А. Рейтинг демократичности регионов: 10 лет в строю. М., 2013.
- ¹⁴ Тутков А.С. Индекс демократии для регионов России: динамика 1990–2010-х годов // Вестник Пермского университета: Политология. 2016. № 2. С. 81–105.
- ¹⁵ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: Иркутская область [Электронный ресурс] // Росстат: офиц. сайт. URL: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения: 11.09.2016).
- ¹⁶ Избирательная комиссия Иркутской области [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Иркутской области: офиц. сайт. URL: <http://irkutsk.izbirkom.ru/> (дата обращения: 11.09.2016).

Стратегии сотрудничества общества и власти в условиях делиберативной кибердемократии: концепция и перспективы ее реализации

Статья посвящена анализу основных проблем организации гражданской онлайн-делиберации, возникающих при детальном исследовании попыток реализации на практике модели делиберативной кибердемократии. Данная модель базируется на синтезе двух концепций: кибердемократии М. Постера и совещательной, или делиберативной, демократии Дж. Бессета. Критически анализируется практика использования отдельных элементов кибердемократии в Южной Корее. Особое внимание уделено экспериментам в области онлайн-делиберации, раскрывающим потенциал сетевого диалога и интернет-дискуссий как нового инструмента конвенционального участия граждан в современной политике.

Ключевые слова: кибердемократия, электронная демократия, делиберативная демократия, Интернет, онлайн-делиберация.

Начало XXI в. сопровождалось широким распространением информационно-коммуникационных технологий, существенно преобразовавших социальную действительность. Однако наиболее значимыми из них следует признать не появляющиеся каждый год все более совершенные модели гаджетов, а свободные базы данных и социальные сети, прочно занявшие свое место во всемирном интернет-пространстве и позволяющие практически любому человеку вне зависимости от его социального статуса, материального положения, уровня образования, профессии и других личностных характеристик получать интересующую информацию и становиться участником онлайн-дискуссий. Нетрудно наблюдать, что обмен различного рода мнениями, сведениями и опытом посредством использования возможностей Всемирной сети по-

степенно становится одним из ключевых событий в повседневной жизни все большего количества людей.

Суть происходящих в последние три десятилетия социальных изменений еще в середине ушедшего столетия пророчески предсказал основоположник кибернетики Н. Винер, отмечая, что «развитию обмена информацией между человеком и машиной, между машиной и человеком и между машиной и машиной суждено играть все возрастающую роль»¹. По мере развития компьютерной техники и технологий коммуникации все более отчетливо проявляется децентрализация информационных потоков, благодаря которой обмен сообщениями становится более свободным. В отличие от однонаправленного вещания традиционных СМИ, в том числе радио и телевидения, Интернет делает возможной двухстороннюю или многостороннюю коммуникацию, участники которой не будут жестко управляться или контролироваться какой-либо внешней стороной и которая будет достаточно гибкой, тем самым содействуя реализации свободы искать, получать и распространять информацию, закрепленной статьей 19 Всеобщей декларации прав человека².

В контексте современной политики информационно-коммуникационные технологии могут способствовать развитию новых механизмов участия граждан в управлении государственными и общественными делами. Такие механизмы предполагают использование сетевой среды для развертывания широких дискуссий, которые обеспечивали бы принятие эффективных и взвешенных политических решений, действительно отвечающих потребностям общества. По существу, речь идет о формировании новой модели демократии, которая основывается на синтезе двух концепций: кибердемократии, выдвинутой М. Постером³, и совещательной, или делиберативной, демократии, впервые предложенной Дж. Бессетом⁴.

Данная модель, которую можно назвать «делиберативной кибердемократией», обладает очевидной привлекательностью, поскольку она позволяет преодолеть нередко возникающее у граждан в условиях действия механизмов современной представительной демократии «чувство отчуждения от решений, затрагивающих непосредственную жизнь отдельно взятого человека, вследствие невозможности оказать влияние на процесс их выработки и принятия»⁵. Однако в плане ее потенциальной реализации возникает целый ряд вопросов как теоретического, так и практического плана.

Прежде всего, исследователи, практикующие совещательные опросы в сетевой среде, могут обнаружить, что экспертное сооб-

щество весьма скептически относится к надежности полученных данных. В самом деле, нет достаточных оснований полагаться на то, что если бы в подобном опросе участвовала другая группа лиц, а для обсуждения использовались иные материалы, то были бы получены если не идентичные, то хотя бы сходные результаты. Данный момент также может выступать в качестве теоретического возражения со стороны тех, кто занимается методологией социологических исследований, – в том плане, что участники опроса оказались подвержены воздействию широко известного «хоторнского эффекта» и в силу необычности обстановки проведения исследования, а также вследствие проявления к себе повышенного внимания со стороны его организаторов существенным образом изменили свое мнение по обсуждаемым вопросам.

Для решения данной проблемы, вероятно, следует предложить более совершенную технику организации интернет-дискуссии. Разработчики сетевого инструментария могли бы составить процедуру выбора материалов для обсуждения и доказать, что она является более нейтральной, чем та, которая использовалась ранее. Такое доказательство, очевидно, должно базироваться на серии экспериментов, подтверждающих надежность получаемых результатов независимо от состава как групп респондентов, так и организаторов опроса, а также от набора информационных материалов и форм их представления.

Проектирование подобной техники и анализ ее эффективности предполагают достижение в исследовательском сообществе консенсуса относительно некоторой системы параметров подобной оценки. Если в центре внимания находится повышение надежности совещательного опроса, то существуют различные способы, с помощью которых эта надежность может быть измерена. Разработчик методики может опросить участников и попросить их выразить свою степень уверенности в том, что опрос проведен надлежащим образом. Полномасштабная проверка может потребовать гораздо большего количества данных (например, мнение каждого из участников по этому вопросу в начале и в конце процедуры), поэтому исследователь может остановиться на выявлении существенных различий между средними показателями групп респондентов и установить, что статистическая надежность результатов опроса достаточно высока.

После того как консенсус по ключевым вопросам организации сетевой дискуссии и интерпретации ее результатов будет достигнут, данная методика может получить широкое применение. Вместе с тем разносторонний характер онлайн-дискуссий означает, что

любая выявленная закономерность неизбежно потребует своего подтверждения или уточнения путем проведения дополнительных экспериментов, требующих воспроизведения в соответствующих социальных условиях. Безусловно, принципы и закономерности, которыми руководствуются исследователи, должны быть тщательно проанализированы на теоретическом уровне и найти свое практическое подтверждение. В данном отношении уместно вспомнить, как, например, в клинической психотерапии отдельные методы и принципы, имевшие, казалось бы, достаточно убедительное обоснование в теории и признанные специалистами-практиками, демонстрировали недостаточно высокую эффективность при эмпирической проверке.

Представленный подход к определению ключевых организационных проблем, связанных с практической реализацией концепции делиберативной кибердемократии, носит скорее аналитический характер. Он предполагает разделение пространства исследовательских возможностей на отдельные сегменты и выдвижение вопросов, ответы на которые будут поддаваться количественной оценке. Можно, однако, прибегнуть и к более целостному, качественному подходу в их решении. Было бы опрометчиво утверждать, что изучение узких тематических проблем, обмен существующим опытом, а также интуитивные аргументы в данном отношении неуместны: на наш взгляд, они представляются вполне оправданными на ранних этапах развития любой области исследований.

В данном отношении представляется достаточно интересным применение южнокорейским исследователем Ук Ли положений критической теории при анализе такой существенной проблемы, как нежелание граждан принимать участие в онлайн-дискуссиях⁶. По его мнению, рассмотрение проблем кибердемократии и сетевых обсуждений ключевых вопросов политической повестки дня в государствах, где еще совсем недавно существовали авторитарные режимы, является наиболее результативным. При этом такая страна, как Южная Корея, достигшая достаточно высокого уровня развития и внедрения информационных технологий, может продемонстрировать пользу онлайн-составляющей демократизации в полной мере, поскольку ее граждане прежде не имели устоявшихся традиций участия в демократических процедурах.

На протяжении долгого времени Южная Корея находилась под властью военной диктатуры, и данное обстоятельство во многом объясняет тот факт, что проблема выражения своего мнения остается нерешенной и по сей день. В своей работе Ук Ли, применяя критическую теорию, выяснил причины уклонения граждан

от участия в онлайн-дискуссиях, среди которых на первый план выступают неравенство (гендерное, социальное и т. д.), а также культурные особенности страны. В частности, проведенные исследователем опросы и эксперименты показали, что многие жители Южной Кореи не расположены публично выражать свое мнение по поводу действий и решений органов власти как вследствие боязни за свое благополучие (последствия прошлого недемократического опыта страны), так и необходимости соблюдать негласный протокол, обязывающий быть крайне вежливым при обращении к вышестоящим. Ук Ли полагает, что решение данной проблемы может быть найдено в более широком использовании киберсреды, стирающей многие границы неравенства и позволяющей людям более свободно выражать свое мнение: со временем поведение в Интернете найдет свое продолжение в реальной жизни и побудит граждан более активно участвовать в политическом взаимодействии с государственной властью.

Следует, однако, отметить, что представления Ук Ли о свободе слова в южнокорейском сегменте Интернета расходятся с действительностью: по данным международной неправительственной организации Amnesty International, расплывчатые формулировки действующего в стране Закона о государственной безопасности, который был принят еще в 1948 г., по-прежнему позволяют властям подавлять общественную полемику по политическим вопросам, преследовать инакомыслящих, закрывать неудобные сайты⁷. Так, в частности, в начале декабря 2015 г. в Южной Корее девять врачей и три студента медицинских вузов были обвинены в государственной измене: как заявили представители следствия корреспондентам информационных агентств, «установлено, что злоумышленники при помощи электронной рассылки, а также за счет размещения на сайтах (запрещенной) информации вели северокорейскую идеологическую пропаганду»⁸.

В плане анализа возможностей и перспектив развития делиберативной кибердемократии заслуживают особого внимания выводы и результаты, полученные исследователями, которых по праву можно назвать первопроходцами в данной области. Они представлены в коллективной монографии «Онлайн-делиберация: разработки, исследования и практика»⁹ – первом и единственном на сегодняшний день фундаментальном труде, раскрывающем потенциал сетевого диалога и интернет-дискуссий как нового инструмента конвенционального участия граждан в современной политике.

Дж.С. Фишкин рассматривает исторические, теоретические и практические обоснования делиберативного опроса и сравнивает

результаты «совещательных дискуссий», проводимых в формате «лицом к лицу» и в сетевой среде. Отмечая, что в ходе онлайн-дискуссий удается получить «в значительной степени более скромные результаты», он тем не менее полагает, что очевидные удобства и гибкость, а также относительно низкая себестоимость организации интернет-обсуждений социально значимых проблем вселяют оптимизм по отношению к перспективам использования данной методики при разработке и принятии политических решений по достаточно широкому кругу вопросов с учетом мнения и интересов различных слоев населения¹⁰.

В. Прайс представил результаты двух продолжительных исследований по участию граждан в сетевых текстовых дискуссиях о президентских выборах и политике здравоохранения в США. Выявляя в целом позитивное отношение респондентов к участию в этих экспериментах и рост их политической вовлеченности, он полагает, что обмен текстовыми сообщениями в сетевых «чат-комнатах» приводит к установлению большего равенства между участниками делиберативных экспериментов, чем очные дискуссии в формате «лицом к лицу». При этом, по мнению исследователя, особый интерес представляет тот факт, что участники, придерживавшиеся в чат-сессии мнения меньшинства, по сравнению с большинством значительно чаще приносили в обсуждение новые идеи, что может быть обусловлено особенностями текстового формата обмена мнениями¹¹.

А. Лупиа выступает одновременно и как сторонник, и как скептик в отношении использования потенциала онлайн-делиберации в плане привлечения граждан к обсуждению социально значимых проблем и связанных с ними политических решений. Он утверждает, что сетевые дискуссии представляют собой многообещающий способ повышения уровня гражданского сознания, но при этом исследователи и практики должны уделять больше внимания психологическим аспектам, связанным с определением познавательных ограничений у людей, и считает, что эффективность обсуждений может быть измерена только тогда, когда ее сравнивают с эффектами присутствия информации в отсутствие обсуждения¹².

Дж. Келли, Д. Фишер и М. Смит провели исследование форм авторства текстов в политически ориентированных новостных группах социальных сетей. Они пришли к выводу, что подобные группы, как правило, идеологически разнородны, и при этом большинство авторов более склонны взаимодействовать с теми, кто выступает против их мнения, чем со своими единомышленниками¹³. Напротив, А. Лев-Он и Б. Мэнин, изучая гражданские дебаты с

целью определить, способствует ли Интернет объединению единомышленников, обнаружили смешанную картину, в которой пользователи Всемирной сети тем не менее стремятся отфильтровывать мнения, противоположные собственным, в тех случаях, когда они могут сделать это достаточно легко. Отсюда авторы делают вывод, что получающие все большее распространение RSS-программы, фильтрующие контент, приведут к тому, что все меньшее число пользователей Интернета будет сталкиваться с противоположными взглядами¹⁴.

Таким образом, концепция делиберативной кибердемократии представляет собой перспективную модель трансформации демократических механизмов политического участия граждан в условиях становления и развития информационного общества. Однако существующие подходы к ее реализации вызывают целый ряд вопросов как теоретического, так и практического плана, которые пока еще только ждут своего решения.

Примечания

- ¹ *Винер Н.* Человеческое использование человеческих существ: кибернетика и общество // Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер, 2001. С. 161.
- ² Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> (дата обращения: 27.11.2016).
- ³ *Poster M.* CyberDemocracy: Internet and the Public Sphere // American Cultural Studies: A Reader / Eds. J. Hartley, R.E. Pearson. Oxford [England]; New York: Oxford Univ. Press, 2000. P. 402–413.
- ⁴ *Bessette J.* Deliberative democracy: The majority principle in republican government // How democratic is the Constitution? Washington, D.C.: AEI Press, 1980. P. 102–116.
- ⁵ *Грачев М.Н.* Технологии электронной демократии: проекты и пути их реализации // Политическое проектирование: глобальное, национальное, региональное измерения / Под ред. М.Н. Грачева, Н.А. Борисова. М.: Мир философии, 2016. С. 84.
- ⁶ *Ook L.* Understanding cyber-democracy with the critical social theory // Issues in Information Systems. 2005. Vol. 6. № 2. P. 266–272.
- ⁷ Amnesty International: Власти Южной Кореи подавляют свободу слова [Электронный ресурс] // Amnesty International. URL: <https://amnesty.org.ru/node/2391/> (дата обращения: 24.11.2016).
- ⁸ Девять медиков в Южной Корее обвинены в госизмене и пропаганде в пользу КНДР [Электронный ресурс] // Информационное агентство России «ТАСС»:

Международная панорама. 2015, 1 декабря. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2489169> (дата обращения: 24.11.2016).

- ⁹ Online Deliberation: Design, Research, and Practice / Eds. T. Davies, S.P. Gangadharan. Stanford CA: Center for the study of language and information, 2009.
- ¹⁰ *Fishkin J.S.* Virtual Public Consultation: Prospects for Internet Deliberative Democracy // Online Deliberation: Design, Research, and Practice. P. 23–35.
- ¹¹ *Price V.* Citizens Deliberating Online: Theory and Some Evidence // Ibid. P. 37–58.
- ¹² *Lupia A.* Can Online Deliberation Improve Politics? Scientific Foundations for Success // Ibid. P. 59–69.
- ¹³ *Kelly J., Fisher D., Smith M.* Friends, Foes, and Fringe: Norms and Structure in Political Discussion Networks // Ibid. P. 83–93.
- ¹⁴ *Live-On A., Manin B.* Happy Accidents: Deliberation and Online Exposure to Opposing Views // Ibid. P. 105–122.

Актуальные проблемы международного сотрудничества

Б.А. Антонов

О соотношении концептов «зло» и «враг» в речах Р. Рейгана

Обязательной исторической предпосылкой (и одновременно следствием) для возникновения любого военно-политического конфликта выступает отношение к противнику как к *врагу* с неперменным набором характеристик последнего. В рамках политико-правовой и риторической моделей власти США понятие *враг* традиционно соотносится с морально-религиозным концептом *зло*, поскольку на момент ведения войны религиозная риторика США играет роль нравственного мерила в определении правомерности действий противоборствующих сторон. Обязательный религиозный контекст при использовании таких понятий, как *враг* и/или *зло*, во-первых, создает иллюзию объективности оценки, которую Америка «ставит» той или иной стране и ее политике (освобождая себя от необходимости хоть сколько-нибудь убедительного обоснования этой оценки) и, во-вторых, автоматически придает Соединенным Штатам статус государства-миссионера, сводя на нет принципы партнерства и равенства сторон в политическом диалоге.

Ключевые слова: империя зла, враг, свой – чужой, добро – зло, верующий – атеист, государство-миссионер, мессианский язык.

Большинство из существующих со времен Древнего Рима понятийных тандемов (*враг – союзник, свой – чужой, добро – зло*) претерпели значимые содержательные изменения. Так, понятие *враг* в политической риторике США (из тандема *враг – союзник*) все в большей степени стало соотноситься с морально-религиозным концептом *зло*, который, в свою очередь, исторически восходит к религиозному институту *греха*.

Придание политическому концепту морально-религиозной окраски объясняется, с одной стороны, неизменным присутствием

церкви в политической и военной истории США, а с другой – частым апеллированием к религиозной риторике американских президентов. Такое апеллирование вполне традиционно во все времена истории Штатов, но особенно *заметным* оно становится в периоды войн и кризисов, когда вся религиозная риторика в целом начинает играть роль нравственного мерила в определении правомерности действий противоборствующих сторон. Исключение составляет вторая инаугурационная речь А. Линкольна (от 4 марта 1865 г.), произнесенная им в период Гражданской войны (1861–1865 гг.). В ней 16-й президент США сознательно отказался от возможности привлечения Бога как единственного верховного судьи на поле брани, давая тем самым понять, что вся ответственность за кровопролитие в равной степени лежит на обеих воюющих сторонах: «Каждая сторона искала легкой победы с результатом менее фундаментальным и ошеломляющим. Обе пользовались одной и той же *Библией* и верили в одного и того же *Бога*, и каждая надеялась на *Его* помощь в своей борьбе... *Молитвы каждой из сторон не были услышаны*»¹. Очевидный подтекст речи: Бог не поддерживает ни одну из сторон конфликта, в нем нет правых, а есть лишь виноватые², что подразумевает прекращение войны, а значит – и *вражды* между Севером и Югом.

В отличие от риторики Линкольна, содержащей попытки объективации понятия *враг* (за счет отказа от привлечения Бога в качестве нравственного ориентира), риторика последующих американских президентов гораздо более тенденциозна и оценочна. Так, 34-й президент США Дуайт Дэвид Эйзенхауэр в своем «Прощальном обращении к нации» назвал коммунистическую идеологию Советского Союза «*враждебной, глобальной по масштабу и безбожной по характеру*».

Справедливости ради следует отметить, что попытка более объективного переосмысления концепта³ *враг* была осуществлена в период Карибского кризиса в 1962 г., когда СССР приступил к размещению на Кубе ракет среднего радиуса действия. Именно тогда Дж. Кеннеди в своем обращении к учащимся американского университета использовал словосочетание «пересмотреть позицию», апеллируя к необходимости пересмотра отношений между США и СССР: «Давайте пересмотрим наше отношение к Советскому Союзу... Мы, американцы, считаем коммунизм глубоко отвратительным (читай: враждебным. – Б. А.) как систему, отрицающую личную свободу и самоуважение. Но мы можем по-прежнему уважать русский народ за его многочисленные достижения в науке и космосе, в экономическом и индустриальном развитии,

в культуре, а также за его отважные подвиги...»⁴. Для этой цитаты характерен отход от использования религиозных концептов, благодаря чему риторика всей речи приобретает более взвешенный, объективный характер. Попытка объективного переосмысления отношений между США и Советским Союзом не нашла поддержки преемников Кеннеди. Так, в период президентства Рональда Рейгана (1981–1989 гг.) вновь восторжествовала субъективная теологическая интерпретация многих политических понятий, включая понятие *враг*. Обязательный религиозный контекст при их использовании, во-первых, создавал (и создает) иллюзию объективности оценки, которую Америка «ставит» той или иной стране и ее политике (освобождая себя от необходимости хоть сколько-нибудь убедительного обоснования этой оценки) и, во-вторых, автоматически придавал (и придает) Соединенным Штатам статус государства-миссионера, богоизбранной нации.

Историческим фоном для подобной идентификации послужили две политические тенденции 1980-х гг.:

– усиление консервативных настроений в социуме и, как следствие, приход к власти правых политических сил в лице республиканца Рейгана (в 1980 и 1984 гг.);

– возрастание роли религии как фактора политической жизни в новейшей истории Америки (впоследствии религиозная проблематика станет неотъемлемой частью политической идеологии президента Рейгана)⁵.

В своей риторике Рейган воплощал обе тенденции, будучи убежденным, что причиной кризисных явлений в обществе было «равнодушие Западного мира к Богу» и утрата религиозной веры. Возвращение традиционных религиозных ценностей подавалось Рейганом как главное условие успешного существования американского общества во всех его сферах – внутривнутриполитической, внешнеполитической, экономической, социальной, духовной, а все подлинно американские ценности, в том числе те, которые не связаны непосредственно с религиозной и духовной жизнью, имеют религиозное обоснование. В своих выступлениях Рейган часто упоминал «ценности, которым необходимо вернуть законное место в американском национальном сознании»: «ценности работы, семьи, религии, любви, свободы, веры», «преданности семье, патриотизма», «веры в справедливого и любящего Бога».

Универсализм религиозной риторики Рейгана проявился в том, что само понятие Бога в его выступлениях надконфессионально, размыто: президент подчеркнуто апеллировал к религиозным чувствам всех американцев независимо от их этноконфессиональ-

ной принадлежности, стремясь показать, что для консервативного социокультурного возрождения американского общества важно наследие всего многообразия присутствующих в Америке деноминаций. Вместе с тем Рейган в своих речах никогда не касался такой смежной с религией тематики, как божественная власть правителей⁶, которая могла быть неправильно интерпретирована в светском государстве...

Всякий раз, обращаясь в своих речах к теме религии, Рейган формировал в сознании целевой аудитории образ себя как глубоко верующего человека, чьи религиозные ориентиры не позволяют ему поступить аморально в сложной ситуации нравственного выбора. На этом фоне ему несложно было конструировать *вражеский* образ Советского Союза как государства атеистов, которое отрицает религию и ее основные ценности: «Тоталитарные миры считают оскорблением символы любви и поклонения»⁷. Характеризуя тоталитарные режимы таким образом, Рейган делает акцент на дихотомии «хорошо (США и ее лидер – глубоко религиозный человек) – плохо (СССР как государство атеистов, отрицающих религиозность, а следовательно, базовые моральные устои)». По мнению Рейгана, мораль не может существовать без религиозной основы. Любой политик должен привносить в свою деятельность «моральный кодекс», который неразрывно связан с системой ценностей, универсальной для большинства традиционных мировых религий. Однако с логической точки зрения подобное сравнение некорректно, ибо понятие «аморальный» нетождественно понятию «не религиозный». Тем не менее, настаивая на принципиальной аморальности советского режима, Рейган получает мощнейший манипулятивный ресурс для идеологической борьбы с государством-соперником⁸.

Большинство речей Рейгана изобилует субъективными оценочными суждениями религиозного характера, через призму которых Советский Союз в восприятии американской нации идентифицируется как абсолютное зло. Но наиболее категоричными (если не сказать агрессивными) считаются две:

– выступление перед Национальной ассоциацией евангелистов США во Флориде 8 марта 1983 г.;

– доктрина 1985 г., одна из десяти «президентских доктрин» внешней политики США, которая подразумевала стремление администрации президента поддерживать движения, выступающие за свержение просоветских, прокоммунистических и антиамериканских режимов в странах третьего мира – в Азии, Африке, Центральной Америке.

В выступлении перед Национальной ассоциацией евангелистов США Рейган назвал Советский Союз «империей зла», объявив своей главной задачей борьбу с ним. *Зло*, локализуясь в отнюдь не религиозном контексте выступления, воспринималось (с учетом целевой аудитории) как религиозное, нравственно ориентированное понятие, одновременно выполняющее роль политического ярлыка. Представляя собой один из способов психологического программирования массового сознания, ярлык *зло* в отношении Советского Союза прижился надолго и был впоследствии замещен на смежный, не менее агрессивный: спустя без малого 20 лет президент Дж. Буш-младший в ежегодном обращении к Конгрессу (29 января 2002 г.) использует понятие «ось зла» для описания режимов, спонсирующих терроризм.

Использование субъективно-оценочного определения *империя зла* в отношении СССР имело целью представить своего главного геополитического соперника в аморальном свете. При этом сам субъективный оценочный характер понятия *зло* не предполагал каких-либо объяснений на тему, что есть тоталитарное государство (ибо зло есть зло).

Движению, направленному «против коммунизма», полностью посвящена *доктрина Рейгана* от 1985 г. Примечательно, что на роль «борцов за свободу» американский президент «назначает» представителей моджахедов (будущее движение «Талибан») в Афганистане и красных кхмеров в Камбодже. «Позвольте нам, – говорит Рейган, – помолиться за спасение всех тех, кто живет в той тоталитарной темноте. Просите, чтобы они обнаружили радость милосердного Бога. Но пока они проповедуют всемогущество государства и его превосходство над личностью, пока они веруют в свое будущее господство над всеми народами земли, они – центр *зла* в современном мире»⁹. Жесткая альтернатива Рейгана («Пока не уверуют, они – центр *зла*») косвенно соотносима с не менее жестким предложением, сделанным арабским военачальником покоренным народам в период построения Арабского халифата («Ислам, дань или смерть»), равно как и с идеей о милостивом и милосердном Аллахе, за неповиновение которому ждет «Огонь».

Частое апеллирование американских президентов, в том числе Рейгана, к понятию *зло* и соотносимому с ним понятию *враг* имеет под собой как минимум четыре причины.

Первая. Поименование противника *врагом*, а тем более олицетворение его со *злом* необходимо власти для утверждения самой себя как политической силы, способной со злом бороться (а значит, себя с добром ассоциирующей) и позволяющей себе «говорить»

и «действовать» от имени всего социального сообщества. Само понятие *зло* в контексте американской риторики также передает некое активное *действие*, на жертву направляемое (зло творят, приносят, причиняют). Контекстуально *враг* всегда соотносится со *злом*, как объект соотносится с действием, им производимым (*враг* – тот, кто *зло* творит, причиняет, приносит). При этом не следует забывать, что объединительным началом анализируемых понятий выступает их прямое отношение к такой категории политического языка, как оценка, субъективная по своей сути. В отличие от аналогичной пары (не менее субъективно-оценочной) *друг* – *добро*, воспринимаемой общественным сознанием как нечто само собой разумеющееся, понятия *враг* – *зло* гораздо более частотны в медийном дискурсе США, поскольку, нарушая некоторую общественную норму, они тем самым привлекают к риторике власти общественное внимание.

Вторая. Англо-американская правовая культура предполагает необходимость оценки любого правового института с точки зрения права справедливости – второй прецедентной системы Англии и США. Такая система права наделяет правовые институты моральными и, следовательно, религиозными характеристиками. Само понятие *справедливость* в названии данной прецедентной системы приобретает не только моральное, но и юридическое значение. В связи с этим институт *врага* в рамках данной правовой системы сводится к морально-религиозному концепту *зло*, который стоит в одном ряду с такими родственными ему *расчеловечивающими* понятиями, как *недочеловек* (Untermensch) в Третьем рейхе, *бревна* в имперской Японии, *многобожник* в Саудовской Аравии и *колорадо* в современной Украине.

Третья. Утверждением устоев духовной и политической жизни Америки всегда была религия: «При том, что рядовые американцы на порядок свободнее граждан многих других стран, их отношение к религии или церкви в стране можно сравнить... только с самыми “зацикленными” (фундаменталистскими. – Б. А.) исламскими государствами (такими как Саудовская Аравия. – Б. А.), где религиозные начала – сама суть жизни, ее философское осознание»¹⁰. Изначально воспринимая американцев как более религиозную (по сравнению с другими) нацию, Рейган, равно как и его предшественники, многократно апеллирует к исключительно ей принадлежащей религиозной морали. При этом конкретно рейгановскую трактовку сущностной природы американской исключительности можно считать уникальной в связи с тем, насколько *буквально* Рейган интерпретировал повседневную внешнюю политику США как

«основанную на откровенных, чуждых демагогии разъяснениях сущности наших бесценных свободных институтов»¹¹.

В своей религиозно окрашенной риторике Рейган сознательно шел на упрощение сущности американской добродетели, отказ от языка дипломатии и грубые выпады в адрес идеологического противника. Прозрачность подтекста не вызывала сомнений: поскольку конфликт неизбежен, враг должен быть поименован.

Четвертая. Наличие свободы (т. е. совокупности естественных прав, перечисленных в поправках XIV¹² и I¹³ к Конституции США и обеспеченных божественным санкционированием) в обществе ставится в зависимость от набожности самого общества. «Свобода процветает, когда религия ярка и Божьи правовые нормы признаны», – отмечает Рейган в речи об «Империи зла». Таким образом, неверующее общество, согласно его позиции, несвободно по определению. Президент США априори отказывает такому обществу в естественных правах и соответственно в демократии. В своей книге «Религия и мировая политика» Рейгану оппонирует бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт: она разводит человеческие и божьи правовые нормы, резюмируя глобальную проблему относительно столкновения двух наиболее значимых представлений о мире¹⁴. Согласно одному из них, «единственным источником силы и могущества является Бог, согласно второму – народ»¹⁵.

Таким образом, американская политико-правовая мысль является собой яркий пример *смещения* теологической (религиозной) и естественно-правовой теории происхождения государства и права. Благодаря такому гибриду возникла гражданская религия в США, согласно которой *все естественные права божественны*. «...На всем земном шаре, – говорил Дж.Ф. Кеннеди в своей инаугурационной речи, – по-прежнему актуальна та революционная вера, за которую сражались наши отцы, – вера в то, что права даруются человеку не щедротами государства, но Божьей дланью»¹⁶. Именно поэтому для риторики американских президентов характерна укрепившаяся ко второй половине XX в. тенденция восхваления божественной природы американского государства и прав человека. Истоки подобной легитимации очевидны. Американские колонисты на протяжении 170 лет (1607–1776 гг.) оправдывали свою хозяйственную активность божьим покровительством. Легализацией подобного покровительства стала *доктрина открытия*, сформулированная Джоном Маршаллом, председателем Верховного суда США в 1801–1835 гг. Именно она узаконила уничтожение коренных народов Америки на том основании, что аборигены не могли владеть землей, на которой жили¹⁷. Председателя Верховного суда прямо поддержал пи-

сатель и моряк Герман Мелвилл в своем романе «Белый бушлат», заявив, что «американцы – это избранный, привилегированный народ, Израиль нашего времени, которому Бог заветал обширные территории *политических язычников...*»¹⁸. Продолжает легитимацию богоизбранности США Рейган в речи об «Империи зла», *объявляя* каждого объективного исследователя иметь положительное представление об американской истории («...Независимо от того, что грустные эпизоды существуют в нашем прошлом, любой объективный исследователь *должен* иметь положительное представление об американской истории...»), когда «Америка держала освященный факел свободы не только для нас, но и для миллионов других людей во всем мире»¹⁹.

Обосновывая богоизбранность своей страны, политические деятели США вообще и Рейган в частности создавали миф о национальной исключительности США, реализуемый средствами религиозной риторики и поддерживаемый через дихотомическое видение отношений между СССР и США: СССР – империя зла – США – страна свободы.

Против неизменности своей миссии в быстроменяющемся мире, равно как и против постоянства отношений, характеризующихся тем или иным эмоциональным состоянием, предостерегал первый президент США Дж. Вашингтон. В своем «Прощальном послании» Вашингтон именуется *рабом* то государство, которое испытывает по отношению к другому [государству] ставшую привычной ненависть или вошедшую в привычку симпатию. «Оно [государство] *раб своей вражды или расположенности*, и каждое из этих чувств достаточно для того, чтобы сбить такое государство с пути, отвечающего его долгу и интересу»²⁰. Не является ли данное высказывание прямым предостережением против использования субъективного мессианского языка? Традиционное постоянство, с которым США идентифицируют себя с богоизбранной нацией, и не менее традиционное постоянство, с которым они назначают на роль *врага* своего политического оппонента, сводят на нет всякую возможность успешного партнерства сторон в политическом диалоге.

На протяжении десятилетий США считали СССР своим главным препятствием к установлению безопасного для всех мирового порядка. Отсюда логически следовало, что после падения коммунизма воцарится эпоха стабильности и доброй воли. Однако после распада Советского Союза США и западный мир столкнулись с более воинственным противником. Джихадизм и его геополитическая идеология – ваххабизм – подверг нападкам западные ценности, считая их главным препятствием на пути к возрождению исла-

ма. Брошенный вызов вылился в открытое нападение – 11 сентября 2001 г. были нанесены удары по Нью-Йорку и Вашингтону. Таким образом, окончание холодной войны возвестило не о наступлении желанного времени демократического консенсуса, а о новой эпохе идеологического и военного противостояния²¹.

Примечания

- 1 Авраам Линкольн – Вторая инаугурационная речь, 1865 [Электронный ресурс]. URL: <http://america-xix.org.ru/library/lincoln-2nd-inaugural/> (дата обращения: 17.12.2016).
- 2 *Campbell K.K., Jamieson K.H.* Deeds Done in Words. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1990. P. 33.
- 3 Концепт в философии и лингвистике – содержание понятия, смысловое значение имени (знака). Отличается от самого знака и от его предметного значения (денотата, объема понятия). отождествляется с понятием и сигнификатом. В юриспруденции концепту соответствует правовой институт.
- 4 Речь Д.Ф. Кеннеди в Американском университете 10 июня 1963 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coldwar.ru/kennedy/university.php> (дата обращения: 17.12.2016).
- 5 *Борзов А.В.* Проблема церковно-государственных отношений во внутривнутриполитической идеологии Р. Рейгана [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-tserkovno-gosudarstvennyh-otnosheniy-vo-vnutripoliticheskoy-ideologii-r-reygana> (дата обращения: 17.12.2016).
- 6 Кеннет Д. Уолд, автор книги «Религия и политика в США» (Religion and Politics in the United States) приводит следующий пример: «Религиозные объединения могут занять следующую позицию: “Если Вы не поддержите меня в этом вопросе, Вы тем самым воспрепятствуете воле Бога”. Они [религиозные объединения] иногда буквально связывают какую-либо частную программу с волей Бога. Большинство религиозных традиций, с которыми я знаком, сочтут это кощунством, поскольку это является в некотором роде соединением религиозного императива или воли Бога с программой политических действий, и я не думаю, что религия должна этим заниматься, – это, по-моему, извращает цели религии». См.: Разделение и взаимодействие: религия и политика в США (интервью с Кеннетом Д. Уолдом) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infousa.ru/society/rjart7h.htm> (дата обращения: 17.12.2016).
- 7 Ronald Reagan's Remarks at the Brandenburg Gate, Berlin, June 12, 1987. URL: <http://englishleo.ru/reagan-speech.php> (дата обращения: 17.12.2016).
- 8 Риторические приемы создания негативного имиджа СССР в политическом дискурсе (на примере речей Р. Рейгана) [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ritoricheskie-priemy-sozdaniya-negativnogo-imidzha-sssr-v-politicheskom-diskurse-na-primere-rechey-r-reygana> (дата обращения: 17.12.2016).

- ⁹ Речь Рейгана 8 марта 1983 г. («Империя зла»). [Электронный ресурс]. URL: http://www.coldwar.ru/raegan/evil_empire.php (дата обращения: 17.12.2016).
- ¹⁰ *Сигов Ю.* Необычная Америка: за что ее любят и ненавидят. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. С. 16.
- ¹¹ *Киссинджер Г.* Конец «холодной войны»: Рейган и Горбачев // Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 699.
- ¹² Согласно поправке XIV к Конституции США, «ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите законов». См.: Конституция США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 17.12.2016).
- ¹³ Согласно поправке I, «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб» (ратифицирована 15 декабря 1791 г.). См.: Конституция США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 17.12.2016).
- ¹⁴ *Олбрайт М.* Религия и мировая политика [Электронный ресурс]. URL: <http://islander-reader.livejournal.com/2704.html> (дата обращения: 17.12.2016).
- ¹⁵ Неслучайно пастушеский жезл – неперенный исторический атрибут духовной власти Папы Римского: именно он [атрибут] уподобляет Верховного понтифика пастуху, пасущему свое стадо. Но «стадо» (неслучайно различные типы трейдеров на биржах называют быками, медведями, овцами и свиньями) не может быть источником власти в отличие от «народа» – единственного источника власти в демократическом государстве. Следовательно, в рамках канонического права «народ» является объектом власти, а в демократическом правовом государстве – ее субъектом.
- ¹⁶ Инаугурационная речь Д.Ф. Кеннеди [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coldwar.ru/kennedy/speech.php> (дата обращения: 17.12.2016).
- ¹⁷ См.: Судебный прецедент «Джонсон против Макинтоша» (1823) [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Доктрина_открытия (дата обращения: 17.12.2016).
- ¹⁸ Цит. по: *Бенуа А. де.* Карл Шмитт сегодня: Пер. с фр. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2014. С. 223.
- ¹⁹ Речь Рейгана 8 марта 1983 г. («Империя зла»)...
- ²⁰ Цит. по: *Бенуа А. де.* Указ. соч. С. 72–73.
- ²¹ *Киссинджер Г.* Рональд Рейган и окончание холодной войны // Киссинджер Г. Мировой порядок [Электронный ресурс]. URL: <https://public.wikireading.ru/31327> (дата обращения: 17.12.2016).

Образы Русской Америки в воспоминаниях капитана Джона Д'Вулфа

В статье рассматриваются образы русских и индейцев в репрезентации американского капитана торгового корабля «Джуно» Дж. Д'Вулфа, побывавшего в российских владениях в Америке и пересекшего Сибирь в начале XIX в. Одновременно с начавшимся еще в конце XVIII в. процессом интеграции в состав Российской империи Аляски она постепенно входит и в зону экономических и политических интересов США. Американские купцы, посещая российские поселения и вступая в контакт с их жителями на северо-западе континента, формировали образы не только индейцев, но и русских.

Ключевые слова: российско-американские отношения, имагология, ментальная география, Русская Америка, ориентализм.

Создание в 1799 г. Российско-американской компании ознаменовало собой начало нового этапа в освоении Российской империей Нового Света. Появление РАК, которая была организована по образу и подобию западноевропейских компаний «на основании правительственных концессий с целью эксплуатации колониальных ресурсов»¹, четко фиксирует «имперскость» государства, стремящегося к управлению разнородными территориями и народами с не совпадающими социальными иерархиями и системами ценностей. Помещение Русской Америки в имперский контекст не только расширяет наши представления о ней самой, но и вновь напоминает, как подметил А.С. Пушкин, что правительство оставалось «единственным европейцем в России», старавшимся следить за новейшими тенденциями в государственном управлении и адаптировать их, поддерживая собственный статус современной державы².

Одним из ключевых аспектов изучения «имперской ситуации» является рассмотрение общества в социокультурном разрезе, в том числе представлений о «Другом». В этой связи Русская Америка воспринимается как уникальный регион, где происходит встреча нескольких культур. Во-первых, с российской стороны это были сибирские промышленники, а также морские офицеры-«кругосветники». Во-вторых, многочисленные туземные общины как на территории континента, так и на островах северной части Тихого океана. И, наконец, третьей стороной выступают американские купцы, начинающие проникать на северо-запад Америки в расчете на участие в пушной торговле. Одним из таких торговцев был капитан Джон Д'Вулф, чье путешествие в Русскую Америку в 1805–1806 гг. стало одним из источников для написания знаменитого романа Германа Мелвилла «Моби Дик».

Мачты задрожали, все паруса обвисли, и мы, находившиеся внизу, в тот же миг повыскакивали на палубу, уверенные, что корабль налетел на подводную скалу; вместо этого мы увидели, однако, морское чудовище, которое уплывало прочь с чрезвычайно важным и торжественным видом. Капитан Д'Вольф тут же поспешил к насосам, чтобы выяснить, не пострадал ли от удара корпус судна, но было обнаружено, что, по счастью, мы обошлись без всяких повреждений³.

Так описывает Мелвилл со ссылкой на «Путешествия...» Георга Лангсдорфа один из документально подтвержденных случаев столкновения кораблей с китом. Капитан Д'Вулф (или Д'Вольф в русском переводе И. Берштейн), заботливо осматривавший корабль, есть не кто иной, как дядя самого писателя, участник тех событий, у которого маленький Герман проводил лето⁴. «Я специально расспрашивал его по поводу этого места из Лангсдорфа, – добавляет Мелвилл. – Он подтверждает каждое слово. Правда, корабль у них был небольшой – русское судно, построенное на сибирском побережье и приобретенное моим дядей в обмен на то, которое доставило его туда с родных берегов»⁵.

Корабль, который капитан Д'Вулф продал русским, до 1805 г. имел название «Джуно». Н.П. Резанов и А.А. Баранов, купившие его у американца, не стали менять имя, лишь придав ему русский «прононс». Таким образом, «Джуно» стал «Юноной», воспетым вместе с кораблем «Авось» в известной рок-опере Алексея Рыбникова и Андрея Вознесенского.

Джон Д'Вулф получил в результате сделки 68 тыс. испанских пиастров (часть суммы была оплачена мехами, остальное – вексе-

лями на главное правление в Санкт-Петербурге), что, по оценке Н.Н. Болховитинова, равняется около 100 тыс. долл.⁶

Деловая жилка была характерна не только для самого капитана, но и вообще для его семьи, знаменитых Д'Вулфов из Род-Айленда, промышленявших морской торговлей. Основа их процветания была проста и зиждилась на продаже африканских рабов в Гаване, а кубинского рома в Новой Англии. Джон приходился племянником Джеймсу Д'Вулфу, главе семейства, работоторговцу, пирату, а позднее сенатору от Род-Айленда. Джеймс был женат на Нэнси Энн Брэдфорд, дочери губернатора Уильяма Брэдфорда, праправнука того самого отца-пилигрима и знаменитого автора «Истории поселения в Плимуте». На момент смерти в 1825 г. Джеймс Д'Вулф был одним из богатейших людей в США⁷.

Джону Д'Вулфу к моменту, когда в 1804 г. в его распоряжение был отдан «Джуно», было всего 24 года, но он слыл опытным моряком, участвуя в различных плаваниях уже более 10 лет и пройдя всю карьерную лестницу от юнги до помощника главы судна. Главной задачей молодого капитана было дойти до северо-восточного побережья Америки, достать там меха и перепродать их в Китае⁸.

Поставленную цель Д'Вулфу так и не удалось выполнить в полной мере, т. к. поступившее от руководства Российско-американской компании щедрое предложение о покупке корабля поменяло все планы молодого капитана. Перезимовав в Ново-Архангельске, Д'Вулф в 1806 г. на арендованном у РАК корабле, том самом, о котором упоминает Мелвилл, дошел до Охотска. Он стал отправной точкой в его сухопутном путешествии от Тихого океана до Балтийского моря. Таким образом, Джона Д'Вулфа можно считать первым американцем, пересекшим Сибирь с востока на запад⁹, и, возможно, первым западным путешественником вообще, которому удалось совершить подобное¹⁰.

Мемуары о своих приключениях Д'Вулф опубликовал в 1861 г. под названием «Плавание к северному Тихому океану и путешествие через Сибирь», желая, по его словам, «оставить своей семье хоть какие-то записи об этом приключении»¹¹. В 1917 г. травелог Д'Вулфа был переиздан в рамках сборника «Историй старого морского порта» под редакцией У.Х. Манро, посвященного Бристолу, штат Род-Айленд, и его сынам – доблестным морякам¹².

Американское общество в начале XIX в. знало о России очень немного. Сведения о заокеанском соседе просачивались в основном или через цитирование английской периодики с пометкой «Информация, полученная из Лондона» (своих корреспондентов в России у американской прессы не было), или сквозь компиляции

европейских тревелогов, публиковавшихся в виде небольших заметок. Так или иначе, в обоих случаях предзнание о русском «Другом» формировалось в русле ориенталистского дискурса эпохи Просвещения, который представлял Россию как полуварварскую страну, только прикрытую фасадом Цивилизации¹³.

Так, из майской анонимной заметки “New-York Magazine” 1792 г. читатель мог узнать, что «Россия – это практически единственная страна в Европе, где люди не имеют счастья наслаждаться гражданскими привилегиями или даже подобием политических прав. Суверен является не просто абсолютным правителем, но каждый человек есть его раб. Первое знатное лицо государства немедленно приходится рабом Короны, а благосостояние каждого человека в России зависит исключительно от количества рабов, которыми он сам обладает. Таким образом, низшие слои общества находятся в самом жалком состоянии, до которого только может деградировать человек. Они рабы рабов, возможно даже в нескольких степенях»¹⁴.

Россия в представлениях европейцев XVIII – начала XIX в. являла собой огромную «потемкинскую деревню», страну иллюзий, которые следует разоблачить. Сомнений в цивилизованности российского высшего света не было, однако вопрос состоял в том, насколько плоды Просвещения глубоко впитало остальное русское население и где в России проходит настоящая граница между Западом и Востоком. Как отмечает Д. Энгерман, чистая география не помогала в решении этой проблемы, в отличие от социологического подхода, который «акцентировал внимание на том, что русские сами могут быть разделены на маленькую цивилизованную элиту, находящуюся в море азиатских крестьян»¹⁵. При этом культурная разница между обеими группами была такова, что любой путешественник начинал сомневаться в том, какая из них репрезентирует «настоящих» русских. В анонимном эссе «Манеры и привычки русских крестьян», опубликованном в февральском выпуске “Literary Museum” за 1797 г., отмечалось, что, хотя «русские джентльмены почти полностью восприняли тот же образ жизни, что и другие европейские нации», их количество почти ничтожно. «Нам следует искать настоящей национальный характер русских среди крестьян», – заключает автор. Но они, по его собственным наблюдениям, глупы, невежественны и ленивы, хотя при этом очень честны, дружелюбны и гостеприимны¹⁶.

В полной мере с последними характеристиками мог согласиться и Джон Д’Вулф. Когда 10 мая его корабль «Джуно» причалил в гавани Ново-Архангельска, капитан был с радушием встречен пра-

вителим русских поселений в Америке А.А. Барановым, который по случаю прибытия гостя устроил торжественный обед. «Мы возвратились на борт вечером, довольные оказанным нам приемом, – делится своими впечатлениям Д'Вулф, – и я мог бы даже сказать, будучи приятно удивлены, так как, веря различным рассказам, я ожидал увидеть, что русские недалеко ушли от дикарей»¹⁷.

Впрочем, настоящие дикари, которых Д'Вулф так опасался, оказались не такими страшными. Воинственный внешний вид и вызывающее поведение индейцев не имели серьезных последствий для него, хотя и Баранов, и другие русские предупреждали о соблюдении мер предосторожности.

В ноябре 1805 г. капитан вместе с доктором Лангсдорфом предприняли небольшое путешествие на байдарках к о. Кадьяк в сопровождении нескольких индейцев и девушки-переводчицы, которая «жила с русскими пять или шесть лет» и приходилась дочерью одному из вождей кадьякских племен¹⁸. Как-то вечером, когда до места назначения оставалась всего пара суток пути, путешественники, разбив лагерь у воды, оказались окружены «сотней обнаженных индейцев, вооруженных мушкетами и держащих горящие головешки в руках». В сопровождении колошей (или тлинкитов – именно к этому племени и относились индейцы) Д'Вулфу и его людям пришлось проследовать до поселения, ожидая «быстрой и жестокой смерти». «Вся сцена прямо-таки наполняла меня ужасом, – делится воспоминаниями капитан, – яркий свет факелов, гримасы дикарей, потрясения оружием, грубый прием, который мы получили, не способствовали внушению уверенности в людях, которых мы поначалу опасались»¹⁹. К счастью, ситуация благополучным образом разрешилась, и вся компания продолжила свой путь. Когда же путешественники достигли поселения, чьим вождем был отец девушки-переводчицы, их ожидал поистине царский прием:

Мы едва успели перевести дух, выпив чаю и рюмку пунша, когда мы были приглашены самым старым и выдающимся из вождей, командующим укреплений, зайти к нему. Он принял нас с большой заботой и подарил мне шкуру морской выдры, а доктору Лангсдорфу – красивый выдрый хвост <...> На следующее утро мы отправились к старейшине, от которого мы получили подарки вечером предыдущего дня, чтобы вручить ему наши дары. Узнав заранее у нашей переводчицы, что, чем раньше мы сделаем ответный подарок, тем большим будет оказанное нам почтение, мы тогда же сделали достойное подношение и ее родителям в ответ на их подарки²⁰.

В этих заметках речь идет, конечно, о потлаче, традиционной церемонии обмена дарами, распространенной среди индейцев тихоокеанского побережья на северо-западе Америки²¹. Комментируя этот обряд, капитан Д'Вулф избегает «остранения», не описывает виденное им в категориях принципиально непере译имой «другости»²², которая для многих других путешественников становится причиной именованя наблюдаемых ими практик «отсталыми» или «нецивилизованными».

Удивительно, но Д'Вулф даже попытался объяснить непонятные для него вещи, используя своего рода герменевтический круг, проведя аналогии между непере译имыми для него семиотическими образованиями и похожими на них объектами из его родной культуры, пытаясь тем самым если не приблизить обретение значения²³, то хотя бы оправдать странности индейцев. Самым ярким примером этого может являться описание обычая вставления щепки или деревянной палочки в нижнюю губу девушки при достижении ею половой зрелости:

В возрасте четырнадцати или пятнадцати лет они делают дырку в нижней губе и вставляют туда небольшой кусочек дерева размером с пуговицу. Его увеличивают в размерах по мере взросления, пока он не достигнет трех или четырех дюймов в длину и одного-двух в ширину. Я даже видел одну старую женщину, жену вождя, чье украшение на губе было таким большим, что, делая особое движение нижней губой, она могла почти полностью скрыть за ним свое лицо. Вы, естественно, можете поинтересоваться о причинах столь варварского способа украшать [себя]. Я же могу ответить вам, спросив об основаниях [появления] столь же странных обычаев среди цивилизованных наций. Но, [не желая] порочить моих соотечественниц, я бы хотел упомянуть лишь одно из наблюдений, которое возможно уже пришло на ум моим читателям, а именно абсолютную невозможность представительницам прекрасного пола северо-восточного побережья наслаждаться радостью поцелуя²⁴.

Об этом же ритуале говорит, например, и капитан Ю.Ф. Лисянский, известный российский морской исследователь и путешественник:

У колошенских женщин, как только начнутся периодические недомогания, прорезывается нижняя губа, в которую вкладывается деревянный овал, выделанный наподобие ложки. Этот прорез увеличивается вместе с годами, так что напоследок губа оттягивается более 2 вершков [почти на 9 см] вперед и около 3 вершков [13 см] по сторо-

нам лица, отчего самая первая красавица делается ужасным чудовищем. Такое безобразие, как оно ни отвратительно, находится здесь в большом уважении, а поэтому знатные женщины должны иметь губы насколько возможно больше и длиннее²⁵.

Как мы видим, стратегии понимания одного и того же ритуала у двух путешественников различны. Если Д'Вулф пытается «перевести» экзотическую практику на язык собственной культуры, которая также не лишена абсурдных на первый взгляд обычаев, то русский офицер флота даже не старается найти оправданий индейскому обряду, рассматривая его как еще один пример отсталости североамериканских аборигенов.

Тем не менее нельзя сказать, что Д'Вулф относился к индейцам как к равным себе. Скорее в его отношении к ним можно увидеть отголоски представлений эпохи Просвещения – «благородные дикари» еще только начинают свое восхождение по лестнице Цивилизации, потому следует проявлять снисхождение, подобно тому, какое оказывают взрослые детям. «Как и другим дикарям, им особенно нравятся сверкающие побрякушки и европейская одежда»²⁶, – отмечает капитан, рисуя идилическую картину еще «невинной» жизни индейцев.

Занятия ситкинских индейцев, помимо охоты и рыбной ловли, включают в себя постройку каноэ, подготовку рыболовных лесок и крючков и создание предметов из дерева. Женщины прядут нечто похожее на ковер, сделанный из шерсти, и совершенно искусны в плетении. [Прутья в] некоторых их корзинах так плотно соединены, что [в них] можно держать воду²⁷.

Эта жизнь, однако, не лишена неравенства или жестокости, причины которых все же более просты, чем у цивилизованных европейцев.

Я не смог обнаружить у них [индейцев] организованного правления (government). Успех в ловле рыбы или охоте составляет источник их богатства и, следовательно, влияния. Ссоры между разными семьями решаются в пользу более сильного [клана], а союзы образуются только против общих врагов²⁸.

В целом капитан Д'Вулф с симпатией относится к индейцам, отмечая их силу и выносливость, с удивлением и восхищением повествуя, например, о способности купаться в воде при минусовой

температуре и при этом «испытывать такое же удовольствие, будто на улице стоит теплая весна»²⁹.

Размышляя о причинах дружелюбного отношения индейцев к нему, а также к его новому другу доктору Георгу (Георгию) Лангсдорфу, Д'Вулф полагает, что оно может объясняться двумя факторами. Во-первых, тем, что сам он уже имел определенный опыт общения с индейцами в прошлом. И, во-вторых, своим происхождением, тем, что «мы имели удовольствие не быть русскими»³⁰. Последнее, действительно, могло играть значительную роль, если учесть, что отношения между русскими колонистами и индейцами были в целом достаточно напряженными. Буквально незадолго до прибытия Д'Вулфа в Русскую Америку закончилась русско-тлинкитская война. Сам американский путешественник свидетельствует в воспоминаниях о наличии конфликта. Так, он упоминает о встрече с неким Шинчетэзом (Schinchetaez), бывшим вождем, изгнанным из своего родного племени за дружбу с русскими³¹.

Однако если взглянуть на эту же фразу с точки зрения ориенталистского дискурса, то объяснение будет иным. Любой варвар одновременно боится и страшится лика Цивилизации, но, как мотылек перед светом, не может устоять против желания прикоснуться и вобрать в себя плоды познания. «Ко мне особенно они [индейцы] были дружелюбны, как будто зная, что я не один из русских», – делится Д'Вулф своими воспоминаниями³².

Иное дело, что открывающийся путь ученичества долгов и непрост: обучение занимает много времени, а сам ученик может быть нетерпелив, упрям и неконтролируем, снедаем своими варварскими страстями. Например, в тех же русских, начиная со времен Петра I, видели народ, ступивший на путь Просвещения и добившийся определенных успехов, но, тем не менее, не прошедший его до конца. Россия «воспринималась как ученик – то хороший (доминирующая версия Просвещения), то наученный дурному (альтернативная версия Просвещения), то двоечник, который должен учиться, но не хочет (доминирующая версия XIX в.), то лентяй (версия XX в.) или способный, но упрямый ученик (современная версия)», – рассуждает норвежский исследователь И. Ноймани³³.

Именно поэтому у Д'Вулфа возникает трехчастная модель «индейцы – русские – европейцы и американцы», символизирующая, как выразился путешественник XVIII в. Д. Ледьярд, «последовательность ступеней цивилизации»³⁴. Русские успешно захватили индейские земли, а многие из них даже были «приручены», однако перед «истинным» сыном Цивилизации все варвары стали кроткими агнцами.

Джон Д'Вулф провел в компании русских зиму 1805–1806 гг. Продав свое судно Баранову, он решил отослать свою команду в Кантон, а сам остался в Ново-Архангельске до лета, когда он мог бы с попутным кораблем дойти до России, которую намеревался пересечь. Живя в компании русских колонистов, он сделал ряд интересных замечаний об их быте вдали от родины.

По оценкам Д'Вулфа, в Ново-Архангельске проживало около 150 русских и 250 индейцев. Основным занятием рядовых рабочих было строительство и ремонт больших офицерских изб, мастерских и барак³⁵. Русские описываются американским капитаном как чрезвычайно сильные, выносливые люди, способные работать почти без перерывов «так тяжело, что это бы довело до смерти любого»³⁶, кроме них.

Условия проживания рабочих, однако, были далеки до идеала. С наступлением холодов их недостаточно обеспечивали едой и другим необходимым. Вследствие этого, как пишет Д'Вулф, «работники стали ослабевать. Эти бедные ребята сильно переутомлялись, работая в сырую и снежную погоду. Они стали болеть, и было принято решение немного сократить число заданий»³⁷.

В дальнейшем ситуация стала только ухудшаться, несколько человек умерло от цинги, и доктор Лангсдорф даже просил командование вообще отказаться от использования голодающих рабочих, но безуспешно. Таким образом, голод продолжался и в течение весны. После продажи «Джуно» русским в их распоряжении в том числе оказался и скот, находящийся на его борту, а именно две старые коровы, восемь или девять свиней, два барана, козел и овца, которую зимой в конце концов съели волки. Однако, по подозрению американца, более правдоподобным кажется, что она стала жертвой умирающих от голода русских³⁸. И хотя весеннее потепление принесло облегчение, окончательно ситуация разрешилась только в конце июня, когда из Калифорнии вернулась снаряженная еще в феврале экспедиция с запасом продовольствия.

Капитан Д'Вулф ничего не говорит о быте и повседневных практиках простых русских в колонии. Конечно, с одной стороны, это можно списать на то, что большую часть времени он проводил с офицерами, но с другой – складывается впечатление, что единственным занятием русских была работа. При этом они совершенно лишены таких свойств по-настоящему «цивилизованного» человека, как воля и способность импровизировать. Например, американец отмечает, что «окрестные воды полнятся великим множеством видов рыбы, которую можно ловить круглый год. Бедные русские жили бы значительно лучше, если бы их послали ловить ее»³⁹.

Таким образом, даже видя индейцев, которые, по свидетельству Д'Вулфа, в это же самое время ловили и приносили «замечательно-го палтуса, которого они меняли на рыболовные крючки и старую одежду»⁴⁰, русским не пришло в голову, что они могут делать это сами. Другой вопрос, что рыбная ловля – это занятие достаточно долгое, и улов одного человека не может прокормить всех голодающих, а командование, судя по всему, не дало разрешение на выделение специальной рыболовецкой артели.

В отличие от рядовых рабочих, офицеры жили в достаточно комфортных условиях, хотя долгая зима наводила скуку и заставляла искать хоть какие-то развлечения, подходящие по статусу цивилизованному человеку. Одним из них стали танцы. Так как офицерские избы были довольно большими, иногда вмещая до 50–60 человек за раз, некоторые из них были переделаны в танцевальные залы, поэтому можно было «проводить долгие вечерние часы танцуя»:

Мы успешно справлялись с котильонами и контрдансами, но поначалу были лишены женской компании. Многие младшие офицеры были с женами, а мы [затем] взяли некоторых кадыакских женщин, которые были привычны к русским танцам и быстро учили движения. Когда их пышно одевали, они выглядели (*appeared*) вполне respectfully⁴¹.

«Язык тела», как замечает А.Б. Соколов, служит одним из способов конструирования «Другого» в колониальном дискурсе⁴². О. Белова, исследуя бытовые представления о теле «иностранца», замечает: «...образ любого этнически или конфессионально “чужого” может быть описан при помощи стандартной схемы. Выделяется ряд ключевых позиций, по которым “опознается” чужой среди своих: внешность, запах... “неправильное”, с точки зрения носителя местной традиции, поведение (обусловленное “чужими” и, следовательно, неправильными, греховными, демоническими, ритуалами и обычаями), язык»⁴³.

В свою очередь танец представляет собой сложную коммуникативную систему, требующую расшифровки. Г.Е. Крейдлин отмечает: «Проблема межкультурного соответствия жестов... тесно связана с интерпретацией невербального текста одной культуры носителями другой и с проблемой переводимости. Хотя в невербальных компонентах человеческой коммуникации в разных культурах больше сходств, чем различий, последние все же имеются»⁴⁴.

Именно из-за этих различий, причем не только в жестах, но и в визуальном компоненте, анализ танцевальных практик зачастую становился ключевым в вопросе идентификации «своей» и «другой» культур⁴⁵. Переодевание же «Другого» в «свой» костюм в рамках бала является примером трансгрессии, «перехода», позволяющего симитировать «нормальность»⁴⁶. Подобные переодевания, как показал Л. Вульф, становились элементами игры, ассоциируемой с Востоком, где социальные и гендерные роли были менее жесткими и придавали особую пикантность мероприятий⁴⁷.

В приведенном выше пассаже переодевание кадьякских женщин в европейские платья служит именно для обеспечения «нормальности», однако в реакции Д'Вулфа можно также увидеть и представление уходящей эпохи Просвещения о взаимном соответствии расы и Цивилизации: дикарь не может стать европейцем, просто переодевшись в западные одежды. Он может только выглядеть (*appear*) как он, но не являться.

В мае, когда стало теплее и можно было проводить время вне помещений, Барановым и другими офицерами был разбит сад для вечеринок и пикников, который, как отмечает Д'Вульф, стал первым в Ново-Архангельске. Стоит отметить, что в его создании частично принимали участие и сами офицеры: «Воодушевленные примером Правителя (Баранова), мы вышли на работу с хорошим настроением. Вскоре устав, мы разошлись на отдых, к которому, как выяснилось, у нас оказалось больше талантов, чем к лопате. Некоторые из нас говорили, что изрядно уморились (*got quite blue*) ко времени окончания нашего труда»⁴⁸. Здоровый цинизм просвещенного человека, созданного для интеллектуальных занятий, а не физических.

Находясь в Ново-Архангельске, капитан Д'Вульф имел довольно близкие отношения с А.А. Барановым, качества которого он оценивает очень высоко.

Ему 65 лет, из которых последние 18 он провел в качестве доверенного лица или человека Российско-американской компании в различных пунктах побережья, отрезанный, так сказать, от всего цивилизованного мира, в обществе нескольких таких же, как они, искателей приключений. У него острый ум, непринужденные манеры и умение держать себя, и он, по-видимому, вполне соответствует той должности, которую занимает. Он пользуется величайшим уважением индейцев, смотрящих на него со смешанными чувствами любви и страха⁴⁹.

Следует особо отметить, что, хотя А.А. Баранов не был дворянского происхождения, родившись в купеческой семье в Каргополе, и не получил полноценного «европейского» образования, он все же имел довольно широкие практические познания, что позволяло Д'Вулфу, также происходившему из рода купцов и получившему фрагментированное домашнее образование, идентифицировать его как «Своего». Как замечает К. Оуэнс, «хотя нет причин утверждать, что он знал эссе Вольтера или политические трактаты Локка, мы можем полагать, что в домах его родителей или их друзей молодого Баранова окружала провинциальная русская версия западно-европейской культуры эпохи Просвещения. Гости в его последнем жилище на Аляске <...> писали, что он ценит искусство, любит музыку и наслаждается компанией умных, обходительных людей, способных обсуждать международные отношения»⁵⁰.

Помимо Баранова, Д'Вулф также познакомился с Н.П. Резановым, о котором отзывался как о человеке «высокого происхождения, имеющего множество добродетелей», «добром и отзывчивом ко всем вокруг, всегда готовом выслушать жалобу»⁵¹.

Однако наибольшее впечатление на Д'Вулфа произвела встреча с русско-немецким доктором Георгом (Георгием) Лангсдорфом, исследователем-этнологом и будущим академиком, прибывшим вместе с Резановым. «Так как мы жили под одной крышей, мы стали почти неразлучны, участвуя вместе во всех развлечениях и хлопотах»⁵², – пишет Д'Вулф о времени в Ново-Архангельске, которое станет началом крепкой дружбы. Впоследствии американский капитан и русско-немецкий натуралист вместе пересекут Сибирь, а Д'Вулф назовет своего сына Лангсдорфом (Лангсом) в память о былых приключениях⁵³.

Кроме того, Д'Вулф свел знакомство с двумя русскими морскими офицерами – мичманом Г.И. Давыдовым и лейтенантом Н.А. Хвостовым, которому затем и будет передано судно американца «Джуно» («Юнона»). Дружба с этими двумя незаурядными молодыми людьми трагически оборвется в Санкт-Петербурге 4 октября 1809 г., когда после праздничного вечера по случаю встречи четырех ситкинских друзей – Д'Вулфа, Лангсдорфа, Давыдова и Хвостова – русские офицеры трагически утонули в Неве, попытавшись перескочить с края разведенного Исаакиевского моста на барку⁵⁴.

Компания русских офицеров была Д'Вулфу приятна и комфортна. В их лице американский капитан нашел людей, близких по духу, культуре и занятиям, а не «дикарей», которых, как упоминалось выше, он ожидал увидеть. В отличие от сибиряков

(купцов и рабочих), оказавшихся на Аляске, не имевших «модерного» образования и воспринимавших алеутов и других местных туземцев как представителей коренных народностей Сибири, морские офицеры-«кругосветники» прошли европейскую «школу» и воспринимали цели экспедиций как часть одного большого имперского проекта. Сталкиваясь во время путешествия с экзотическими культурами и людьми, радикально отличавшимися от жителей северной Евразии, они получали бесценный опыт взаимодействия с «Другими». Этот опыт вкупе с представлениями об аборигенах в духе Просвещения диктовал совершенно иную логику формального построения отношений с местными жителями Аляски и Алеутских островов: «Так заинтересованные морские офицеры обосновывали усиление влияния Российского императорского флота на Аляске – просвещенный дворянин, преданный идеалам империи и цивилизации, был призван присматривать за наивным Благородным Дикарем»⁵⁵. Если для сибиряков, как показал И. Виньковецкий, Аляска являлась продолжением Евразии, а их отношение к местным племенам было идентичным тем практикам, которые бытовали в отношении сибирских народностей, то офицеры-«кругосветники», имевшие иное образование и иной опыт, оценивали Русскую Америку в «имперских» категориях (т. е. как российскую колонию), что изменяло и формальный статус алеутов, колошей и других туземных племен, и политику по отношению к ним.

Следует добавить, что и к самим сибирякам, в том числе и тем самым рядовым рабочим, имперские офицеры относились почти с тем же патерналистским настроем, видя в них полудивилизованных креолов⁵⁶. Оттого трехчастная модель общества Ново-Архангельска – индейцы, простые русские, образованные европейцы – являлась конвенциональной и для Д'Вулфа, и для имперских офицеров, с которыми он завел дружбу.

Процесс формирования представлений о русском «Другом» в США в начале XIX в. только начинался, но уже тогда через газеты и журналы находился под влиянием ориенталистского дискурса Старого Света, видевшего Россию как полудивилизованную державу, где за европейской ширмой кроется азиатская личина. Именно таковым и было предзнание о русских Джона Д'Вулфа, ожидавшего перед своим путешествием в российские владения в Америке увидеть там «дикарей». Реальная же встреча американского капитана с руководством РАК и ее офицерами выявила «цивилизованность» русских, многие из которых впоследствии стали ему добрыми друзьями.

Тем не менее в ходе своего пребывания в Ново-Архангельске Д'Вулф не отказался полностью от своих предыдущих представлений, лишь трансформировав их в трехчастную модель «степеней цивилизации». Первым ее элементом являются американские туземцы, которые рассматриваются как Благородные Дикари, живущие в гармонии с окружающим миром. Вторым – простые русские, которые не обладают всеми качествами истинно цивилизованного человека, хотя их и коснулось Просвещение. И наконец, третьим – руководство Российско-американской компании и образованные морские офицеры, представляющие империю.

Примечания

- ¹ *Виньковецкий И.* Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи: 1804–1967. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 90.
- ² Подробнее о мерах российского правительства по адаптации к вызовам меняющейся модерности в первой половине XIX в. см.: Обсуждение: исторический курс «Новая имперская история Северной Евразии». Гл. 8: Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век. Ч. 1: Современная империя в поисках нации // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 253–337.
- ³ *Мелвилл Г.* Моби Дик, или Белый кит / пер. с англ. И.М. Берштейн. М.: Издательство АСТ, 2016. С. 251–252.
- ⁴ *Parker H.* Herman Melville. A Biography. Vol. 1 (1819–1851). Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1996. P. 41.
- ⁵ *Мелвилл Г.* Указ. соч. С. 252. Об этом случае см.: *D'Wolf J.* A Voyage to the North Pacific and a Journey through Siberia more than Half a Century Ago. Cambridge, MA: Welch, Bigelow, and Company, 1861. P. 88.
- ⁶ *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений: 1775–1815. М.: Наука, 1966. С. 328; *Saul N.E.* Distant Friends: the US and Russia: 1763–1867. Lawrence, 1991. P. 44–45.
- ⁷ *Johnson C.M.* James DeWolf and the Rhode Island Slave Trade. Charleston, SC: The History Press, 2014. P. 11–21; *Howe J.* The Voyage of Nor'west John // *American Heritage*. Vol. 10. Issue 3. 1959. URL: <http://www.americanheritage.com/content/boyage-nor%E2%80%99west-john> (дата обращения: 12.12.2016).
- ⁸ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 1–2.
- ⁹ Первым американцем, побывавшим в Сибири, был Джон Ледьярд в 1787–1788 гг.
- ¹⁰ *Howe J.* Op. cit.
- ¹¹ *D'Wolf J.* Op. cit. Preface. III–IV.
- ¹² *Tales of an Old Sea Port* / Ed. by W.H. Munro. Princeton Univ. Press, 1917.
- ¹³ *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 121–125; *Вулф Л.*

Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение. 2003. С. 205–207.

- ¹⁴ The National Character Is Far from Being Savage: *New-York Magazine or Literary Repository*. New York. May 5, 1792. P. 287–288 // *The American Image of Russia: 1775–1917* / Ed. by E. Anshel. N.Y.: Ungar, 1975. P. 36.
- ¹⁵ *Engerman D.C.* Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003. P. 22.
- ¹⁶ *Historicus [pseud.]*. Manners and Customs of the Russian Peasants. *Literary Museum or Monthly Magazine*. West-Chester, March, 1797 // *The American Image of Russia...* P. 45–50.
- ¹⁷ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 21–22; рус. перевод по: Из воспоминаний Дж. Д'Вулфа // Россия и США: становление отношений, 1765–1815: Сб. документов. М.: Наука, 1980. С. 273.
- ¹⁸ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 41–42.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 42–43.
- ²⁰ *Ibid.* P. 44–45.
- ²¹ См., например: *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки. М.: Наука, 1974. С. 159–168.
- ²² *Свинкина М.Ю.* Понятийная вариативность лингвокультурных категорий «чужест» – «другость» – «инаковость» // *Филологические науки: Вопросы теории и практики*: В 3 ч. Тамбов, 2016. № 6 (60). Ч. 2. С. 148–152.
- ²³ По Ч.С. Пирсу, понятие «значение» может быть понимаемо как «перевод знака в другую систему знаков». См.: *Jakobson R.* A Few Remarks on Peirce, Pathfinder in the Science of Language // *The Framework of Language*. Michigan Studies in the Humanities, Ann Arbor, 1980. P. 31–38.
- ²⁴ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 47–48.
- ²⁵ *Лисянский Ю.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле «Нева». М.: Дрофа, 2008. С. 264.
- ²⁶ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 47.
- ²⁷ *Ibid.* P. 48.
- ²⁸ *Ibid.* P. 48–49.
- ²⁹ *Ibid.* P. 49.
- ³⁰ *Ibid.* P. 41.
- ³¹ *Ibid.* P. 49.
- ³² *Ibid.* P. 53.
- ³³ *Нойманн И.* Указ. соч. С. 154.
- ³⁴ [*Ledyard J.*] The Last Voyage of Captain Cook: The Collected Writings of John Ledyard / Ed. by J. Zug. Washington, DC, 2005. P. 156–157.
- ³⁵ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 40.
- ³⁶ *Ibid.* P. 51.
- ³⁷ *Ibid.* P. 52.
- ³⁸ *Ibid.* P. 55.

- ³⁹ Ibid. P. 53–54.
- ⁴⁰ Ibid. P. 53.
- ⁴¹ Ibid. P. 52–53.
- ⁴² *Соколов А.Б.* Тело как способ идентификации «Другого» // Диалог со временем. 2010. Вып. 33. С. 222.
- ⁴³ *Белова О.* Тело «инородца» // Тело в русской культуре: Сб. статей / Сост. Г.И. Кабакова, Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 147.
- ⁴⁴ *Крейдлини Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 131.
- ⁴⁵ См.: *Вульф Л.* Указ. соч. С. 471–479; *Figes O.* *Natasha's Dance: A Cultural History of Russia.* L.: Metropolitan, 2002.
- ⁴⁶ См.: *Ролдугина И.* Открытие сексуальности: Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750–1759) // *Ab Imperio.* 2016. № 2. С. 29–69.
- ⁴⁷ *Вульф Л.* Указ. соч. С. 102, 180–181.
- ⁴⁸ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 58.
- ⁴⁹ Ibid. P. 22. Рус. перевод по: Из воспоминаний Дж. Д'Вулфа // Россия и США: становление отношений... С. 273. Подробнее о деятельности А.А. Баранова см.: *Owens K.N., Petrov A.Y.* *Empire Maker: Aleksandr Baranov and Russian Colonial Expansion into Alaska.* Univ. of Washington Press, 2015.
- ⁵⁰ *Owens K.N., Petrov A.Y.* Op. cit. P. 16–17.
- ⁵¹ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 36.
- ⁵² Ibid. P. 39.
- ⁵³ *Parker H.* Op. cit. P. 41.
- ⁵⁴ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 146–147; Предупреждение от вице-адмирала Шишкова // *Давыдов Г.И.* Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 1. СПб.: Морская типография, 1810. С. XXXV–XXXVI.
- ⁵⁵ *Виньковецкий И.* Указ. соч. С. 72.
- ⁵⁶ См., например: *Давыдов Г.И.* Указ. соч. С. 154–162; подробнее см.: *Виньковецкий И.* Указ. соч. С. 68–77.

Культурные парадигмы практик сотрудничества: востоковедческий аспект

Н.А. Филин

Вопрос о фальсификации президентских выборов 2009 г. в Иране

Ситуация массовых протестов 2009 г. в Иране продемонстрировала кризис социального сотрудничества внутри иранской социально-политической системы, разделив страну на два лагеря: сторонников и противников одержавшего победу на президентских выборах Махмуда Ахмадинежада. На следующий день после объявления результатов голосования во многих городах страны начались протесты сторонников проигравшего кандидата Мир-Хосейна Мусави, повлекшие за собой многочисленные аресты и жертвы среди протестующих. Их позиция заключалась в том, что результаты выборов были сфальсифицированы в пользу Махмуда Ахмадинежада. Серьезный научный интерес вызывает ответ на вопрос: насколько были правы участники протестов?

Ключевые слова: Иран, власть, демонстрации, президентские выборы, фальсификации, оппозиция.

12 июня 2009 г. в Иране прошли президентские выборы. В результате победу одержал кандидат от консервативного лагеря, действующий на тот момент президент Махмуд Ахмадинежад. Его главный оппонент, выдвиженец от оппозиционных реформаторских сил Мир-Хосейн Мусави не признал результатов голосования. На следующий день его сторонники вышли на улицы иранских городов, где начали массовые акции протестов, активно продолжавшиеся до начала 2010 г.

В связи с непрекращающимися протестами оппозиции, лидер страны Али Хаменеи распорядился продлить на пять дней время приема жалоб от кандидатов на нарушения во время выборов.

Обычно по закону этот период должен составлять от 7 до 10 дней. За это время от противоборствующих сторон было зарегистрировано несколько конкретных жалоб.

Более того, Хаменеи распорядился, чтобы Наблюдательный совет осуществил пересчет бюллетеней из 10% урн для голосования, взятых случайным образом. Это было сделано в присутствии представителей противоборствующих сторон и снято на видеокамеру. Однако оппозиция заявила, что власти не смогли доказать точное происхождение привезенных бюллетеней, поэтому не признала результаты пересчета голосов¹. Наблюдательный совет же не нашел серьезных расхождений с официальными результатами выборов и 29 июня 2009 г. окончательно признал Махмуда Ахмадинежада победителем президентских выборов².

Мнения о том, что выборы были сфальсифицированы, стали появляться сразу после объявления результатов голосования. Некоторые несостыковки в итоговых данных были признаны даже Наблюдательным советом. Например, он признал, что в 50 иранских городах число проголосовавших превышало официальное число избирателей. Правда, совет не нашел в этом ничего странного, сославшись на то, что избиратели в Иране могут голосовать там, где захотят³.

О сомнениях по поводу результатов выборов заявило много людей. Самым первым об этом заговорил Мир-Хосейн Мусави, призвав своих сторонников не верить официальным результатам. Впоследствии к нему присоединился другой кандидат в президенты Мехди Кяруubi.

К заключению, что выборы были сфальсифицированы, пришел профессор Гавайского университета Фаридех Фархи. В своих выводах он основывался на «секретных» иранских государственных опросах, исходя из которых Мир-Хосейн Мусави набрал от 16 до 18 млн голосов, а Махмуд Ахмадинежад – от 6 до 8 млн голосов⁴.

Бывший министр внутренних дел Ирана Али Акбар Мохташеми, входивший в предвыборный штаб Мир-Хосейна Мусави, заявил, что в 70 муниципалитетах количество подсчитанных голосов превышало количество избирателей, исходя из прошедшей в 2006 г. официальной переписи населения. Во всех этих городах Махмуд Ахмадинежад получил от 80 до 90% голосов избирателей⁵.

17 июня Мохсен Резаи, который официально получил только 678 240 голосов, заявил, что у него есть неопровержимые доказательства того, что за него проголосовали, по крайней мере, 900 000 иранцев. Это они могут подтвердить своими национальными идентификационными картами⁶.

Аналитик иранского отделения ВВС Садег Саба нашел нарушения в результатах выборов в том, как они были объявлены. По его мнению, странным выглядело то, что промежуточные результаты приводились центральной избирательной комиссией пакетами из миллионов голосов в процентах за каждого кандидата, а не отдельно по регионам страны. Это предполагало, что Махмуд Ахмадинежад имел одинаково высокую поддержку в сельских и городских районах, а его оппоненты – одинаково низкий процент голосов в городской и сельской местности, что, по его мнению, противоречило «внутренней сущности иранской политики», исходя из которой Ахмадинежад был популярен в сельских регионах и непопулярен в городах. Более того, в своих родных провинциях кандидаты от оппозиции не смогли набрать значительного числа голосов⁷.

Другой аномалией, исходя из мнения исследователя Али Ализаде, было то, что большая явка избирателей на президентских выборах 2009 г. не смогла увеличить голоса в пользу оппозиции. Это, по его мнению, достаточно странно, так как, если в выборах принимает участие молчавшая до этого значительная часть населения (не ходившая на предыдущие выборы по причине протеста против сложившейся ситуации либо усталости от нее), то в случае как Ирана, так и других стран, она должна проголосовать за оппозицию, чтобы изменить устоявшийся статус-кво⁸. Как видно из истории ИРИ, низкая явка способствовала победе консерваторов, высокая – реформаторов⁹.

Согласно мнению исследователя Хуана Коула, результаты выборов 2009 г. продемонстрировали несколько странностей. Во-первых, несмотря на то что провинция Восточный Азербайджан была родиной Мир-Хосейна Мусави, в ее столице Тебризе победил Махмуд Ахмадинежад с результатом 50% голосов. Это выглядело подозрительно, так как большинство азербайджанцев всегда негативно относились к центральной власти, а местные кандидаты традиционно получали высокий процент голосов. Во-вторых, Ахмадинежад, при том, что его популярность в крупных городах считалась низкой, одержал победу в самой крупной провинции Ирана Тегеране, получив более 50% голосов. В-третьих, получивший в 2009 г. менее одного процента голосов Мехди Кяруби на предыдущих президентских выборах 2005 г. достиг отметки в 17%¹⁰. Это представляется еще более странным, так как он потерпел сокрушительное поражение даже в провинции своего рождения Лурестане¹¹. То же самое можно сказать и о Мохсене Резаи.

Исходя из результатов опроса лондонского аналитического центра Чатам Хаус, Махмуд Ахмадинежад в трети всех провинций

получил не только все голоса избирателей, всегда голосующих за консерваторов, не только все голоса, отдаваемые за центристскую коалицию, но и до 44% голосов людей, традиционно голосовавших за реформаторов, несмотря на десятилетия конфликта между правым и левым лагерями¹². Также были найдены несоответствия в явке избирателей. В двух провинциях, Йезд и Мазандаран, она превысила 100%¹³.

18 июня 2009 г. соратница Мир-Хосейна Мусави писательница Марджан Сатрапи представила письмо от 13 июня 2014 г., в котором министр внутренних дел Садег Махсули обращался к Лидеру страны Али Хаменеи. Правда, никаких доказательств подлинности письма предъявлено не было. В нем утверждалось, что результаты выборов были сфальсифицированы, и приводились подлинные итоги голосования. Письмо имело следующее содержание.

Салам алейкум.

После выражения Вашей озабоченности по поводу результатов президентских выборов и исходя из Вашего желания видеть в это непростое время на посту президента Махмуда Ахмадинежада, нами была проделана большая работа, в результате которой официальные итоги голосования были приведены в соответствие с интересами исламского правления и революции. Были приняты все необходимые меры для решения любых непредвиденных задач до и после выборов с помощью интенсивного контроля за кандидатами и их сторонниками.

Тем не менее некоторые считают, что реальные результаты выборов таковы: общее количество голосов: 43 026 078, Мир-Хосейн Мусави – 19 075 623, Мехди Кярруби – 13 387 104, Махмуд Ахмадинежад – 5 698 417, Мохсен Резаи – 3 754 218, аннулированные бюллетени – 38 716.

Министр внутренних дел Садег Махсули¹⁴.

У некоторых исследователей возникли вопросы относительно подлинности результатов выборов в связи с информацией об отсутствии наблюдателей от оппозиции на большинстве избирательных участков¹⁵. Сообщалось, что некоторых сторонников Мусави на них не пустили¹⁶. Наблюдательный совет счел этот аргумент малозначимым, утверждая, что на большинстве избирательных участков во время подсчета голосов присутствовали представители всех кандидатов. Лидер страны Али Хаменеи заявил, что результаты голосования являются верными в связи с подавляющим процентом голосов, поданных за Махмуда Ахмадинежада¹⁷.

В противовес мнениям о фальсификациях выборов появлялись исследования, которые либо подтверждали официально объявленное соотношение голосов, либо говорили о нарушениях, которые не повлияли на окончательную победу Махмуда Ахмадинежада.

15 июня 2009 г. Кен Баллен (президент фонда «Завтра без террора») и Патрик Догерти (заместитель директора фонда «Новая Америка») опубликовали статью о результатах проведенного ими с 11 по 20 мая в Иране исследования, которое содержало в себе опрос 1001 человека во всех 30 иранских провинциях. Как утверждалось, погрешность составляла 3,1%. Один из вопросов анкеты был о голосовании за того или иного кандидата на предстоящих президентских выборах¹⁸.

В результате было установлено, что Махмуд Ахмадинежад имел широкий спектр поддержки (34%) и более чем в два раза опережал Мир-Хосейна Мусави (14%) по симпатиям избирателей. Это наблюдалось даже среди этнических азербайджанцев, которых многие рассматривали как сторонников Мусави, так как он во время избирательной кампании подчеркивал свою азербайджанскую идентичность.

Кроме того, Махмуд Ахмадинежад получил значительную поддержку среди населения возрастной когорты от 18 до 24 лет, в то время как Мир-Хосейн Мусави имел высокий результат только среди студентов, выпускников вузов и иранских граждан с доходом, значительно превышающим средний. Мехди Кяруби получил 2% поддержки, Мохсен Резаи – 1%. Авторы пришли к выводу, что честная победа Махмуда Ахмадинежада на президентских выборах весьма вероятна.

На момент этого социологического исследования только треть иранцев были готовы выразить свои предпочтения, 27% не высказали никакого мнения о выборах, а 15% вообще отказались отвечать на вопросы, 8% заявили, что не будут голосовать ни за одного из кандидатов¹⁹. Подобное соотношение сил демонстрируют и другие социологические опросы, проведенные западными организациями в Иране в июне – сентябре 2009 г.

В конце августа – начале сентября 2009 г. американской социологической службой, которая находится в университете Мэриленда, и участниками проекта «Мировое общественное мнение» от имени фондов братьев Рокфеллеров и Калверта был проведен еще один опрос среди 1003 респондентов²⁰. В результате 55% избирателей заявили, что голосовали за Махмуда Ахмадинежада, 85% утверждали, что сделали свой выбор в соответствии с официальной статистикой результатов выборов, что находится в пределах статистической погрешности. Кроме того, опрос показал, что 62% иран-

цев испытывают «большое доверие» к официальным результатам выборов, а 64% выразили аналогичное чувство к действующему президенту. Этот результат точно соответствовал проценту голосов, отданных в поддержку Махмуда Ахмадинежада на выборах²¹.

На достоверность данных о голосовании указывают и оценки американской разведки, исходя из которых Махмуд Ахмадинежад в целом имел большую поддержку населения за пределами Тегерана²². Более того, на победу действующего президента указывают и документы американских спецслужб, выложенные на WikiLeaks. Так, в сообщении некоего Шахрияра Мохтари говорится, что, несмотря на поступающую информацию о фальсификации результатов голосования, это не соответствует действительности. По его мнению, могли иметь место определенные манипулирования избирательным процессом в пользу Махмуда Ахмадинежада, но это не повлияло на его окончательную победу, о чем может свидетельствовать достаточно большой отрыв действующего президента от его оппонентов²³.

Склоняются в пользу относительной победы Махмуда Ахмадинежада и исследователи, использующие в своей работе статистические методы. Правда, делают они это весьма осторожно. Нэйт Силвер сравнил результаты Махмуда Ахмадинежада в 2009 г. с результатами первого тура 2005 г. кандидатов от консервативного лагеря (Ахмадинежад, Лариджани и Галибафа) и обнаружил некоторые несовпадения. Например, в провинции Лурестан в 2005 г. кандидаты-консерваторы получили лишь 20% голосов, а в 2009 г. 71% избирателей проголосовали за Махмуда Ахмадинежада. В Тегеране, напротив, поддержка представителей правого лагеря в 2009 г. уменьшилась по сравнению с 2005 г. В целом по стране корреляция между результатами 2005 и 2009 гг. все-таки присутствовала, но в слабой форме. Поэтому Силвер не стал делать однозначный вывод о фальсификациях, так как предпочтения избирателей могли меняться со временем²⁴.

Некоторые исследователи проанализировали выборы в Иране с помощью закона Бенфорда. Этот закон касается распределения первых нескольких цифр больших номеров. Он используется ЦРУ при анализе налоговых деклараций. Исходя из этого закона, чисел, начинающихся с единицы, всегда встречается больше, чем начинающихся с двойки. Количество номеров, начинающихся на цифру 2, всегда превышает количество номеров, начинающихся на цифру три, и т. д.: $3 > 4$, $4 > 5$, $5 > 6$, $6 > 7$, $7 > 8$, $8 > 9$. Поскольку люди не могут эффективно создавать случайные числа, существует хороший шанс, что цифры, которые человек придумывает сам, не будут соответствовать закону Бенфорда²⁵.

Такой анализ по отношению к президентским выборам в Иране провел Вальтер Мебане. Он пришел к выводу о существовании статистических искажений в подсчете голосов, отданных за Мехди Кярруби и Мохсена Резаи, в сторону уменьшения. Также им были найдены статистические несоответствия в результатах Махмуда Ахмадинежада в сторону увеличения поданных за него бюллетеней. Но данные Мир-Хосейна Мусави, по его мнению, были верными. Мебане сделал вывод, что если и была фальсификация итогов голосования, то она заключалась в отъеме голосов у Кярруби и Резаи и передаче их Ахмадинежаду. В этом случае вероятен был второй тур голосования, хотя данных, точно подтверждающих это утверждение, в распоряжении Мебане не было²⁶. Также он обнаружил закономерность, заключающуюся в том, что чем больше голосов набирал Махмуд Ахмадинежад на избирательных участках, тем меньше там было испорченных или недействительных бюллетеней. В отношении Мир-Хосейна Мусави такой динамики не наблюдалось. Простым объяснением данной закономерности может быть вброс бюллетеней за Ахмадинежада либо какое-то другое действие, искусственно прибавляющее голоса к его результатам. Мебане пришел к выводу, что таким способом доля действующего президента в официальных результатах голосования могла увеличиться на 5%²⁷.

В целом можно констатировать, что результаты выборов были относительно правдоподобными, но с некоторым завышением в пользу Махмуда Ахмадинежада. На это указывает то, что сторонники этого мнения использовали более глубокий научный подход в своих исследованиях, чем люди, выступавшие за сильные подтасовки. Данное обстоятельство демонстрирует глубокий кризис социального сотрудничества в Иране, поскольку относительно объективные результаты выборов стали точкой раздора между многочисленными группами населения, одна из которых, представляющая оппозицию, не смогла согласиться с существующим положением вещей.

Примечания

¹ См.: Триста семьдесят страниц о фальсификации выборов по словам Мусави и Кярруби // Иран-сегодня.нет. [Электронный ресурс] URL: www.iran-emrooz.net/image2/election1388.doc [На перс. яз.] (дата обращения: 02.02.2016).

² См.: Iran: Foreign Policy & Government Guide. Vol. 1: Strategic Information and Policies. Washington DC, 2010. P. 100.

- ³ См.: Guardian Council: Over 100% voted in 50 cities // World News Daily. [Электронный ресурс] URL: <http://www.informationclearinghouse.info/article22881.htm> (дата обращения: 02.02.2016).
- ⁴ См.: *Scott P.* Was Iran's election rigged? Here's what is known so far // The Christian Science Monitor. 16.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.csmonitor.com/World/Middle-East/2009/0617/p06s01-wome.html> (дата обращения: 02.02.2016).
- ⁵ См.: Мохташеми: 70 случаев превышения количества голосов над количеством избирателей // Радио завтра. 16.06.2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.radiofarda.com/content/o2_truth_committee_iran_election_/1755708.html [На перс. яз.] (дата обращения: 02.02.2016).
- ⁶ См.: Rezaei finds 'proof' of election fraud // Trend News Agency. 17.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://en.trend.az/regions/iran/1489549.html> (дата обращения: 02.02.2016).
- ⁷ См.: *Saba S.* Q&A: Iran election aftermath // BBC. 15.06.2009. [Электронный ресурс] URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/8101621.stm (дата обращения: 02.02.2016).
- ⁸ См.: *Alizadeh A.* Why are the Iranians Dreaming Again? // Dossier. 18.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://dossierjournal.com/blog/politics/why-are-the-iranians-dreaming-again/> (дата обращения: 02.02.2016).
- ⁹ См.: *Secor L.* The Iranian Vote // The New Yorker. 13.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.newyorker.com/news/news-desk/laura-secor-the-iranian-vote> (дата обращения: 02.02.2016).
- ¹⁰ См.: *Cole J.* Stealing the Iranian Election // Informed Comment. 13.06.2009. URL: <http://www.juancole.com/2009/06/stealing-iranian-election.html> (дата обращения: 02.02.2016).
- ¹¹ См.: *Sahimi M.* Faulty Election Data // Tehran Bureau. 13.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/tehranbureau/2009/06/faulty-election-data.html> (дата обращения: 02.02.2016).
- ¹² См.: *Ansari A., Berman D., Rintoul T.* Preliminary Analysis of voting in Iran's election // Chatham House, the Royal Institute of International Affairs. 01.07.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.chathamhouse.org/publications/papers/view/109081> (дата обращения: 02.02.2016).
- ¹³ См.: Survey raises questions about Iran vote results // CNN. 21.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://edition.cnn.com/2009/WORLD/meast/06/21/iran.vote.survey/> (дата обращения: 02.02.2016).
- ¹⁴ См.: *Tucker R.* Does Letter Prove Iran Election Fraud? CBS News. 18.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cbsnews.com/news/does-letter-prove-iran-election-fraud/> (дата обращения: 02.02.2016).
- ¹⁵ См.: *Silver N.* The Ayatollah's Flawed Logic // Five Thirty Eight Politics. 19.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://fivethirtyeight.com/features/ayatollahs-flawed-logic/> (дата обращения: 02.02.2016).

- 16 См.: *Homavandi R.* Iran's Mousavi says vote monitoring restricted: report // Reuters. 12.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.reuters.com/article/2009/06/12/us-iran-election-mousavi-sb-idUSTRE55A0ST20090612> (дата обращения: 02.02.2016).
- 17 См.: Supreme leader: Iran vote was “definitive victory” // New York Post. 20.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://nypost.com/2009/06/19/supreme-leader-iran-vote-was-definitive-victory/> (дата обращения: 02.02.2016).
- 18 См.: *Ballen K., Doherty P.* Polling in Iran Shows Real Support for Ahmadinejad // The Washington Post. 15.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/06/14/AR2009061401757.html> (дата обращения: 02.02.2016).
- 19 См.: *Cohen J.* About Those Iran Polls // The Washington Post. 15.06.2009. [Электронный ресурс] URL: http://voices.washingtonpost.com/behind-the-numbers/2009/06/about_those_iran_polls.html (дата обращения: 02.02.2016).
- 20 См.: Iranian Public on Current Issues // World Public Opinion. October 3, 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://mrzine.monthlyreview.org/2009/iran280909p.html> (дата обращения: 02.02.2016).
- 21 Там же.
- 22 См.: *Windrem R.* U.S. official: Iran not on brink of revolution // NBC News. 20.06.2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.nbcnews.com/id/31391438/ns/world_news-mideastn_africa/#.U-8hsfl_tb4 (дата обращения: 02.02.2016).
- 23 См.: *Mokhtari Sh.* Fwd: [Letters to STRATFOR] Iran election // WikiLeaks: The Global Intelligence Files. [Электронный ресурс] URL: https://wikileaks.org/gifiles/docs/97/970701_fwd-letters-to-stratfor-iran-election.html (дата обращения: 02.02.2016).
- 24 См.: *Silver N.* Iranian Election Results by Province [UPDATED] // Five Thirty Eight Politics. 15.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://fivethirtyeight.com/features/iranian-election-results-by-province/> (дата обращения: 02.02.2016).
- 25 См.: Observing the Venezuela Presidential Recall Referendum: Comprehensive Report // Carter Center, 2005. P. 132. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cartercenter.org/documents/2020.pdf> (дата обращения: 02.02.2016).
- 26 См.: *Mebane W.R.* Note on the presidential election in Iran, June 2009 // University of Michigan. 29.06.2009. P. 25–26. [Электронный ресурс] URL: <http://www-personal.umich.edu/~wmebane/note29jun2009.pdf> (дата обращения: 02.02.2016).
- 27 Там же.

Распространение китайского языка как источник «мягкой силы» КНР

В статье языковой обмен КНР с зарубежными странами, а также образовательные стратегии в области языка рассматриваются как ключевые меры комплекса мероприятий по увеличению потенциала «мягкой силы» государства. Начиная с конца 90-х гг. использование концепта «мягкой силы» становится одним из ведущих компонентов политического курса КНР. Распространение китайского языка, отражающего наследие культуры и обуславливающего особый тип мировосприятия, пропорционально динамическому росту «мягкой силы». Расширение сферы употребления языка за пределы государства не только увеличивает возможности кооперации в сфере культуры и образования, но также ведет к реализации многоаспектного стратегического сотрудничества государств-партнеров. В работе приводятся конкретные примеры взаимодействия КНР с другими регионами в области языкового обмена, описываются образовательные платформы, реализующие политический курс страны. Указанное использование языковых ресурсов закрепляет статус китайского языка, формирует имидж страны на международной арене, закладывает фундамент для устойчивого развития политического курса, согласно концепту «мягкой силы» аккумулирует усиление влияния государства в эпоху глобализации и информационного общества.

Ключевые слова: китайский язык, языковой обмен, языковое планирование, мягкая сила, культурная дипломатия.

Ресурсы «мягкой силы» государства рассматриваются как действенный инструмент для достижения целей и усиления сфер влияния, в эпоху глобализации язык является одним из наиболее влиятельных в их ряду. Масштабы распространения языка за пределами государства иллюстрируют собой символическое присутствие государства-носителя, могут отражать его положение на мировой арене. Очевидно, что культура и система ценностей страны транслируются на весь мир параллельно с расширением

сферы употребления языка, что позволяет использовать эту характеристику в политических процессах.

Кроме того, в этой связи представляется актуальной и важность диалога культур, выступающего благоприятной основой для развития межнациональных отношений. Под диалогом культур здесь можно понимать не только непосредственное осуществление контактов между представителями различных государственно-политических образований, но и возникающие в результате взаимовлияния изменения типов мировоззрения, становление новых форм ценностных систем и моделей поведения¹.

Понятие «мягкая сила» было введено в международную практику в начале 90-х гг. профессором Гарвардского университета, американским политологом Дж. Наем. На основе концепции «совокупной государственной мощи» ученый подразделил государственную силу на «твердую» и «мягкую», назвав материальные элементы совокупной государственной силы «твердой силой», а духовные ее элементы, такие как культура, традиции, несилловые способы воздействия – «мягкой силой». Согласно концепции Дж. Ная, к ресурсам «мягкой силы» государства можно отнести все, что «очаровывает и привлекает к источнику воздействия», при этом важную роль играет степень информатизации общества, обеспечивающая передачу «сигналов» за пределы государства².

Начиная с конца 90-х гг. правительство КНР неоднократно акцентировало свое восприятие мягкой силы в качестве одного из основных принципов внешней политики и международных отношений. После выхода книги Дж. Ная «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи» в Китае в 1992 г. советник Цзян Цземиня профессор Ван Хунин высказал необходимость усиления указанного концепта в КНР, подчеркнув, что привлекательность культуры и идеологической системы страны заставляет другие государства следовать за ней по собственному желанию³. С этого момента начались научные дискуссии по данному предмету, идею поддержали Пан Чжунин, Шень Цзижу и другие ученые. В 2003 г. центральным принципом политики КНР становится концепция «мирного возвышения». Впервые ее упомянули в своих выступлениях Ху Цзиньтао и премьер КНР Вэнь Цзябао. В рамках данной концепции утверждалось, что руководство КНР рассматривает интересы китайского народа как часть общечеловеческих интересов, поощряя мировое ознакомление с китайской традицией. Реализация стратегии «мирного возвышения» с этой точки зрения требует также вовлечения соседних стран⁴. В 2007 г. Ху Цзиньтао в своей речи на съезде ЦК КПК объявил, что национальная культура является важным показателем политической

мощи страны на международной арене, и призвал к необходимости увеличения роли мягкой силы культурного фактора в целях консолидации китайского народа и содействия прогрессу⁵.

Китайский язык представляет собой ценный источник мягкой силы государства, а его распространение пропорционально ее усилению. Обучение китайскому языку как иностранному неоднократно обозначалось представителями Министерства образования КНР в качестве фактора стратегической важности для усиления дружественных отношений и взаимопонимания с другими странами, а также инструмента усиления влияния КНР на международное сообщество⁶. Основным методом стимулирования продвижения китайского языка является создание зарубежной сети Институтов Конфуция. Правительство КНР рассматривает ее развитие как долгосрочную и целенаправленную программу укрепления национальной идентичности и позиции государства посредством знакомства зарубежных партнеров с достижениями китайской традиционной культуры. В своем выступлении на ежегодной конференции британских Институтов Конфуция Си Цзиньпин обратил внимание на то, что язык – это самый подходящий ключ к познанию страны, а Институты Конфуция – платформа для понимания Китая во всем мире⁷. Ранее председатель также подчеркивал, что очарование культуры страны и притягательная сила народа главным образом выражаются и передаются с помощью языка.

Мероприятия по языковому обмену, проводимые КНР, приводят к популяризации китайского языка и культуры, этому в значительной степени способствует и присутствие более чем сорока миллионов представителей китайской диаспоры за рубежом. Кроме того, китайский выступает основным языком торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Созданный в 1987 г. Совет по международному распространению китайского языка за рубежом (Ханбань) координирует программы языкового и культурного обмена, его основными инициативами являются создание сети Институтов Конфуция и Классов Конфуция в начальных и средних школах. Они в значительной степени выступают и аккумулятором стратегического сотрудничества в сферах торговли, промышленности и бизнеса. Согласно данным официального сайта Ханбань, к концу 2015 г. в Америке насчитывалось 157 Институтов Конфуция, в 32 странах Азии – 110, в 40 странах Европы – 169, в 3 государствах Океании – 18, в 32 странах Африки – 46, что, помимо количественного эквивалента, показывает ориентацию более глобальную, нежели только на Азиатский регион⁸. В ноябре 2016 г. количество Институтов Конфуция,

открытых в 140 странах мира, достигло 510, что составляет около 2 млн. учащихся⁹.

Институты Конфуция представляют собой некоммерческую общественную организацию, целью которой является преподавание китайского языка и распространение китайской культуры. Они финансируются Советом по международному распространению китайского языка. В осуществляемых институтами программах осуществляется принцип сохранения традиционного компонента с учетом современных реалий.

На сайте организации в списке ее ключевых целей обозначена также необходимость кооперации с другими странами в процессе создания мультикультурного пространства с целью построения гармоничного мира. Указанный тезис находится в тесной связи с общим политическим направлением КНР и конфуцианской категорией «гармонии», лежащей в основе таких основных внешнеполитических стратегий страны, как «гармоничное общество, «гармоничная культура» и др. Понятие гармонии также является ведущим в научной концепции развития КНР, представляя собой основной принцип научного развития. Так, еще в докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК говорится о том, что принцип «гармонии между человеком и природой» составляет культурную, психологическую и нравственную основу для устойчивого развития; принцип «гармонии между людьми» составляет основу силы нравственного влияния между гражданами КНР и при сотрудничестве с представителями других стран; а принцип «гармонии между государствами» создает господствующую моральную высоту в международном общении. Это единство гармоничного развития как «мягкой», так и «твердой силы» демонстрирует выдающуюся роль «мягкой силы» с китайской спецификой внутри страны и за ее рубежами¹⁰.

Что касается основных рабочих положений функционирования сети Институтов Конфуция, то можно отметить, что университеты-партнеры получают гранты от правительства КНР на финансирование институтов, а также обеспечиваются необходимыми образовательными ресурсами. Принципы сотрудничества зарубежных Институтов Конфуция с китайскими партнерами реализовываются с помощью прямой связи с центральной штаб-квартирой в Пекине. Указанные взаимоотношения в рамках университетов партнеров стимулируют связь государств на международной арене, представляя долгосрочные основания для взаимодействия партнеров не только дистанционно, но и за счет двухсторонних личных визитов. Говоря об Институтах Конфуция, важно также подчеркнуть, что фундамент мягкой силы лежит не в количественном измерении гло-

бального распространения образовательных учреждений, а в качественных возможностях связывания институтов в одну сеть, соединяющую партнеров и центральное руководство. Их взаимодействие реализуется как в рамках единого онлайн-портала сети, так и через обязательное проведение совместных культурных и образовательных программ, а также ежегодное проведение конференций в Пекине, что объединяет иерархическую структуру с сетевым подходом.

Еще одной инициативой Совета по международному распространению китайского языка является проведение международного студенческого конкурса «Мост китайского языка», впервые организованного в 2002 г.¹¹ Начальные стадии конкурса проводятся в странах-участницах, финалистов приглашают в КНР и в качестве награды выделяют стипендии на обучение. Ежегодно выбирается тематическая категория конкурса, коррелирующая с китайской культурой и традициями, к примеру – «Многонациональный Китай», «Радость проведения Олимпийских игр», «Китай в Новом столетии» и другие¹². В 2016 тема конкурса – «Мечты освещают будущее».

Нельзя не отметить значимый вектор образовательной политики КНР, который можно наблюдать в последние годы. Стремительно возросший показатель количества зарубежных студентов – 377 тысяч в 2014 г. – обеспечил КНР третье место в списке стран, предоставляющих образовательные услуги иностранцам. К 2020 г. правительством планируется привлечь 500 тысяч студентов и выйти на первое место. Согласно данным Министерства образования, более $\frac{3}{4}$ зарубежных студентов выбирают академические дисциплины общей гуманитарной направленности (китайский язык, культура, история и философия). В последнее время китайские университеты начинают закреплять свои позиции в международном списке¹³, что позволяет допустить появление еще одного сильного игрока в сфере высшего образования, где традиционно доминировали американские и европейские образовательные учреждения.

В августе 2015 г. состоялась очередная неделя сотрудничества в сфере образования между КНР и странами АСЕАН, на которой уделялось особое внимание установлению связей с ключевыми торговыми партнерами. Министр образования КНР Юан Гуйжень заявил, что все больше молодых людей из стран – участниц встречи обращается к взаимному языковому и культурному обмену, их количество с обеих сторон составило уже 150 тысяч¹⁴.

В ноябре 2015 г. КНР подписала долгосрочное соглашение со странами БРИКС на предмет сотрудничества в сфере образования и научных разработок, в качестве фундамента планируется созда-

ние сети университетов стран БРИКС, что также повлечет за собой увеличение контактов с зарубежными партнерами на высших образовательных ступенях¹⁵.

КНР также активно применяет ресурсы мягкой силы в отношении взаимосвязи с Африкой. Так, в рамках сети Институтов Конфуция в Африке Пекин, помимо стандартных мероприятий по культурно-языковому обмену, предоставляет специализированные образовательные материалы, ориентирующиеся на специфику реалий региона, и осуществляет подготовку квалифицированных педагогических кадров. Кроме того, ввиду долгого отсутствия синологического направления исследований в регионе можно утверждать, что перед Институтами Конфуция в Африке лежат особенно широкие перспективы. На проводимом с 2000 г. форуме Китайско-Африканского сотрудничества¹⁶ в декабре 2015 г. Си Цзиньпин объявил о создании 30 тыс. стипендий для африканских студентов и намерении приглашать 500 студентов ежегодно для обучения в КНР.

Резюмируя практические результаты мероприятий по использованию ресурсов китайского языка в рамках реализации стратегии мягкой силы, можно утверждать, что активное распространение языка за рубежом стало залогом создания успешного образа государства на международной арене и привлекло значительное количество желающих изучить языковое и культурное наследие страны. Стремительный рост числа образовательных учреждений, спонсируемых китайским правительством, культурное сотрудничество и языковое присутствие КНР в различных регионах не только обеспечили указанному политическому курсу надежную платформу для дальнейшего развития и укрепили позиции национальной образовательной системы, но и открыли широкие перспективы для повышения статуса китайского языка и увеличения его конкурентоспособности.

Примечания

- ¹ Меликов И.М. Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 30.
- ² Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y.: Public Affairs, 2004. P. 47.
- ³ 王沪宁。作为国家实力的文化软实力 (Ван Хунин. Культура как фактор мягкой силы государства). *复旦学报*, 1993. 93 页。
- ⁴ «中国和平崛起» 论的由来 (Источники возникновения понятия «мирный подъем Китая»). [Электронный ресурс] // People's Daily. URL: <http://www.china.com.cn/chinese/MATERIAL/540646.htm> (дата обращения: 17.11.2016).

- 5 Hu Jintao calls for enhancing “soft power” of Chinese culture. [Электронный ресурс] // Xinhua news agency. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2007-10/15/content_6883748.htm (дата обращения: 17.11.2016).
- 6 *Kumaravadivelu B.* Global Mandarin: Promoting Chinese language and culture in an age of globalization // *Journal of Chinese language studies*. 2012. Vol. 8. December. P. 3.
- 7 习近平出席全英孔子学院和孔子课堂年会开幕式 (Си Цзиньпин принял участие в ежегодной конференции британских Институтов Конфуция и классов Конфуция). [Электронный ресурс] // *People's daily*. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/1022/c1024-27730120.html> (дата обращения: 17.11.2016).
- 8 Об институтах Конфуция. [Электронный ресурс] // *Hanban*. URL: http://www.hanban.org/confuciusinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 17.11.2016).
- 9 The number of Confucius Institutes has grown to 500. [Электронный ресурс] // *China Morning Post*. URL: <http://www.chinaqw.com/hwjy/2016/11-17/113301.shtml> (дата обращения: 17.11.2016).
- 10 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告。十一。继续促进人类和平与发展的崇高事业 (Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. XI. Продолжение продвижения благородного дела мира и развития человечества). [Электронный ресурс] // *The Central People's Government of the People's Republic of China*. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html> (дата обращения: 17.11.2016).
- 11 *Kane D.* *The Chinese language: Its history and current usage*. Tokyo: Tuttle Publishing, Tokyo, 2006. P. 45.
- 12 Chinese language fever brings opportunities and harmony to the world. [Электронный ресурс] // *People's Daily*. URL: http://english.peopledaily.com.cn/200607/13/print20060713_282787.html (дата обращения: 17.11.2016).
- 13 *Times Higher Education World University Rankings*. [Электронный ресурс] // URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2015/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (дата обращения: 17.11.2016).
- 14 The 8th China-ASEAN Education Cooperation Week. [Электронный ресурс] // *Chinese-Asian education network*. URL: <http://www.caedin.org/en/8th/index.html> (дата обращения: 17.11.2016).
- 15 New BRICS deal on education, research collaboration. [Электронный ресурс] // *University World News*. URL: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20151121180222339> (дата обращения: 17.11.2016).
- 16 Forum on China-Africa cooperation. [Электронный ресурс] URL: <http://www.focac.org/eng/> (дата обращения: 17.11.2016).

«Мягкая сила» с китайской спецификой

С начала 1990-х г. концепция «мягкой силы» постепенно вошла во внешнеполитический дискурс ведущих стран мира. На волне растущих антикитайских настроений руководство Китая приняло решение использовать потенциалы «мягкого» воздействия для улучшения имиджа страны за рубежом. Оно также приняло во внимание близость концепции «мягкой силы» с идеями древнекитайских философских учений, что, в свою очередь, повлияло на сам процесс имплементации понятия в рамках внешнеполитической доктрины страны, трансформировав зарубежную концепцию в «мягкую силу» с китайской спецификой.

Ключевые слова: «мягкая сила», конфуцианство, КНР, «китайская мечта», «китайская угроза», КПК.

В реалиях современных международных отношений «мягкая сила» превратилась в одно из самых эффективных средств по реализации внешней политики государств. В особенности это важно для тех стран, которые претендуют на лидирующие позиции на международной арене. КНР, представляя собой одного из лидеров современного многополярного мира, не является исключением из правил. Впервые данный термин был введен в научный оборот американским политологом Дж. Наем¹ в 1990 г., но, претерпев процесс китаизации, стал частью государственной стратегии КНР гораздо позднее.

В классических китайских текстах, таких как философские трактаты Конфуция² и Лао-цзы³, работы древнекитайского стратега Сунь-цзы⁴, встречается множество примеров «мягкого» воздействия. В КНР на волне популяризации зарубежной политической

концепции Джозефа Ная начался поиск ее смыслового и идеологического наполнения. Коммунистическая партия Китая (далее КПК), отдавая себе отчет в том, что на Западе «социалистический» строй КНР связан с представлениями о «красной угрозе» («red scare»), приняла решение использовать исторические философские учения для «мягкой» легитимации авторитарной власти КПК как внутри Китая, так и за рубежом. В данной ситуации представляется важным отметить четырнадцатую стратагему: «позаимствовать труп, чтобы вернуть душу»⁵. Эта стратагема описывает процесс использования идей прошлого для того, чтобы, придав им новое значение, применять в реалиях настоящего. Важную роль в описанном процессе сыграло конфуцианство. Представляя собой эвристику философию, конфуцианство позиционирует целое государство как огромную семью. Таким образом, культурная «мягкая сила», наполненная конфуцианскими ценностями, не только отвечает идеалам социализма, но и позволяет государству улучшить свой имидж. Множественные представители неоконфуцианства, такие как Дэниэл Белл⁶, Джозеф Чан⁷ и Роджерс Амс⁸, в своих работах описали процесс как ренессанс конфуцианской мысли способствует улучшению политической жизни Китая и модернизации его подходов к решению глобальных вопросов.

На самом деле китайские традиции были обновлены для того, чтобы соответствовать и отвечать задачам современных международных отношений, а концепция «мягкой силы» начала пониматься как фундаментальная часть общественных, политических и военных учений КНР с древности до наших дней. Правительство КНР активно популяризирует идеи самого раннего сторонника «мягкого» влияния – Сунь Цзы, в особенности в свете популярности и актуальности его идей в западной литературе по менеджменту. В своей работе «Искусство войны», написанной более тысячи лет назад, автор отмечает, что стратагема – ключевой элемент управления государством, даже более важный, нежели умение вести бой. Он утверждает, что необходимо проработать стратегию, запутать своего врага и в конечном итоге «одержать победу, не вступая в бой»⁹. Сунь Цзы утверждает, что военные действия важны лишь в качестве комплексного подхода к вопросу безопасности, а военные хитрости, такие как обман противника и подрывание его тылов, секретные логические приготовления и избежание поражений и потерь, представляют большую важность, чем непосредственно сам бой. Эти стратагема настолько популярны, что многие из них стали частью китайского фольклора и цитируются в литературных эпосах, например, в романе «Троецарствие»¹⁰, который внес в ки-

тайскую политическую мысль вклад, схожий с вкладом сочинения Макиавелли «Государь» в политическую мысль Запада¹¹. Стратегемы также нашли применение и в повседневной речи. Самыми распространенными являются 兵以诈立 *bing yi zha li* (бин и чжа ли – война основана на обмане) и 以柔克刚 *yiruo kegang* (и жо кэ ган – использовать мягкие средства для борьбы с жесткими)¹².

Моральное лидерство в рамках конфуцианского мышления также является частью «мягкой силы». Если недостаточно оснований для призывов к моральному единению, то есть возможность воспользоваться пропагандой. К примеру, в рамках риторики холодной войны Америка была маяком свободы и демократии, в то время как Советский Союз представлялся раем равенства и общественных благ. Эта концепция также находит отклик в китайской традиции. Конфуцианство – главная парадигма китайской системы государственного управления, которая, несмотря на свою иерархичность, идеально построена на принципах этичности. От правителя ожидают морального превосходства, принятия мудрых решений для поддержания безопасности и процветания государства. До тех пор пока правитель и его действия соответствуют критериям морали, он считается достойным «мандата неба» и всеобъемлющей поддержки своих подданных. Если же он отклоняется от моральных норм, то считается, что он более недостоин небесного покровительства и теряет право на обладание «мандатом»¹³. После потери последует неминуемая смена правления. Поэтому даже сегодня на многих уровнях институциональной жизни Китая от старших по должности ожидается уважение к интересам подчиненных, справедливое и мудрое отношение к ним. В ответ они получают преданность и трудолюбие.

Принимая во внимание длительную и богатую историю в области концептуализации власти и конфуцианское наследие, начало развития «мягкой силы» в Китае было лишь вопросом времени. Однако стоит отметить, что традиционная культура, выступающая в качестве экспортного продукта КНР и насыщающая своими ценностями официальную идеологию, делает этот продукт менее динамичным и менее интересным зарубежному потребителю. Более того, нельзя исключать авторитарную опеку властей КНР над сферой СМИ и минимальный процент распространения влияния при помощи негосударственных организаций, что вкуче препятствует эффективному наращиванию «мягкой силы» государства.

Стоит отметить, что концепция «комплексной мощи государства» (*zonghe guoli, цзун хэ го ли, 综合国力*), разработанная китайским научным сообществом, внесла большой вклад в развитие дис-

курса теории «мягкой силы». Данная концепция возникла в процессе адаптации теории Джозефа Ная. В работе «Теория комплексной мощи государства»¹⁴ Хуан Шофэн заявляет, что комплексная мощь состоит из «жесткой силы», «мягкой силы» и координирующей силы государства. Последняя включает в себя политические структуры, государственное руководство и возможности управления – компоненты более прагматичного использования «мягкой силы»¹⁵.

Усиление «мягкой силы» страны также необходимо для внутривнутриполитической обстановки. Ученые, отмечающие это в аспекте комплексного подхода к национальному развитию, отходят от одномерной концепции экономического развития Китая, так популярного в последнее время, и призывают обратить внимание на факт и причины развала Советского Союза. Распад СССР следовал за резким уменьшением международного влияния государства, уменьшением «мягкой силы», хотя его военная мощь на тот момент и была эквивалентна мощи США¹⁶. Поэтому китайские ученые призывали к увеличению «мягкой силы» КНР посредством институционального развития в области культуры, образования и управления. Приверженцы реформистских настроений заявляли, что «мягкая сила» должна также поддержать защиту личной собственности и способствовать упрочению верховенства закона¹⁷. Безусловно, дискурс «мягкой силы» активизировал изменения в некоторых сферах государства, более того, он также инициировал процесс обсуждения будущего внутривнутриполитического развития страны. Очевидно, что концепция комплексной мощи государства не только улучшает понимание целостности всех отдельно взятых аспектов этой мощи и подчеркивает важность каждого из них, но и ставит ряд вопросов для партийного руководства страны. Важнейшим из них представляется вопрос о возможности постепенного уменьшения контроля правительства над сферой информационных потоков. От этого зависит качество культурного продукта, который поставляется страной на мировой рынок.

Еще один аспект, заслуживающий внимания – процесс глобализации и его влияние на КНР. В настоящее время темп экономического роста Китая постепенно замедляется. Невозможно отрицать положительные аспекты высоких темпов экономического роста страны, однако слишком длительный период роста зачастую приводит к переизбытку инвестирования в сферу инфраструктуры и к образованию так называемого «мыльного пузыря». Таким образом, в данное время Китай берет курс на «мягкую посадку» своей экономики¹⁸. В свою очередь, китайское руководство заинтересовано в контроле своего населения. Для этого ему

необходимы высокие мобилизационные возможности населения и невыгоден переход от коллективизма к индивидуализму, пропагандируемому глобализацией. И хотя менталитет китайского народа, формировавшийся на протяжении очень длительного периода времени, в одночасье изменить трудно, но совсем избежать трансформации также невозможно. Перемены могут привести к изменению как образа жизни народа, так и социальной структуры общества в целом.

Желая уменьшить эффект глобализации на китайское общество и притормозить его структурные изменения, китайское руководство во главе с нынешним председателем Си Цзиньпином разработало теорию «китайской мечты»¹⁹. Стоит отметить, что по своей природе концепция «китайской мечты» – гибрид. Она вобрала в себя как черты индивидуализма в собственном стремлении поощрять индивидуальное предпринимательство, так и провозгласила коллективные идеалы «большой китайской семьи» и призвала народ Китая работать во имя достижения общей цели и единой «мечты».

Фактически «китайская мечта» направлена на идеологическое поддержание экономического роста КНР и далека от либеральных идеалов «американской мечты», а следовательно, трактовать понятия индивидуализма и среднего класса в Китае необходимо по-китайски, с китайской спецификой. КПК, в свою очередь, осознает неизбежность социальной трансформации, которую влечет за собой процесс глобализации, и, будучи не в силах помешать этому, мудро использует уступки на идеологическом фронте, но твердо остается у руля правления. Действия правительства можно описать страгемой 抛磚引玉 (pāozhuānyǐnyù, пао чжуань инь юй – «бросить кирпич, чтобы получить нефрит»)²⁰. Стратегия «мягкой силы» в данных обстоятельствах представляется эффективным инструментом идеологического маневрирования КПК в условиях тотального процесса глобализации и постепенной трансформации китайского общества.

Стоит отметить, что концепция «китайской мечты» имеет политический подтекст. В 2004 г. в рамках политического дискурса КНР появилась теория «Пекинского консенсуса», введенная в научный оборот Джошуа Рамо, которая основывается на идее о том, что Китай готов предоставить миру новую, отличную от либеральной модель ценностей и развития²¹. Если принимать во внимание данную концепцию, то будущая трансформация и развитие теории «мечты» китайского народа в перспективе могут успешно реализоваться. Представляется, что данный сценарий возможен только

при условии, если КНР окончательно решит заявить о себе как о лидере мирового уровня и перевести стратегию «мягкой силы» из «реакционной» в «проактивную» плоскость. Тем не менее пока не приходится говорить о ревизионизме, а концепция «мягкой силы» в полной степени исполняет возложенные на нее руководством страны обязанности.

Китай активно проводит многовекторную политику, направленную на наращивание своей «мягкой силы». Этот процесс не только способствует более успешному лоббированию экономических и политических интересов КНР, но и существенно улучшает ее восприятие в целевых странах, даже в тех, чьи отношения с Китаем традиционно сложны. С течением времени «мягкая сила» в Китае приобрела значение стратегического внешнеполитического ресурса, обладающего практической ценностью. Более того, этот ресурс способствует обеспечению условий для реализации потенциала международного лидерства КНР.

Китай стремится формировать «мягкую силу», учитывая национальную специфику и без нанесения ущерба собственным интересам. Однако реализация стратегической цели построения «могущественного культурного государства» потребует огромных инвестиций, структурных перемен в культурных индустриях, концентрации в этой сфере административных и менеджерских усилий. Кроме того, в КНР на повестке дня стоит не только лишь распространение своей «мягкой силы» за рубеж, но и ее аккумуляция и последующее применение в рамках самого Китая – объекта влияния стран Запада и, безусловно, США. Для достижения этой цели необходимо укрепление «культурного самосознания» китайцев, внушения им гордости за собственную культуру, предложение им привлекательной и конкурентоспособной культурной продукции. Прежде чем китайские ценностные воззрения станут частью «мягкой силы» за пределами страны, «сердцевинные ценности социализма» должны стать эффективным инструментом консолидации китайского общества. На это, в частности, и направлена концепция «китайской мечты», предложенная ныне действующим председателем КНР Си Цзиньпином.

На протяжении своей длительной истории, наполненной философскими течениями, Китай много раз был свидетелем «мягкости» в сфере политики. Однако лишь после того, как Дж. Най ввел термин «мягкая сила» в научный оборот, он получил в КНР широкое применение в сфере внешней политики и, пройдя длительный процесс адаптации к китайским реалиям, стал неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии КНР.

- ¹ *Nye J.S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N. Y.: Basic Books, 1990.
- ² *Алексеев В.М. и др.* Конфуций: Беседы и суждения. СПб.: Кристалл, 1999.
- ³ *Ян Х.* Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение. М., 1950.
- ⁴ *Сунь-цзы.* Трактат о военном искусстве / Пер. с кит. и исслед. Н.И. Конрада. М.; Л.: Изд-во АН, 1950.
- ⁵ Стратегема 14. Использовать в современной идеологической борьбе старые идеи, традиции, заново интерпретируя их для новейшего использования. *Verstappen S.H.* The Thirty-six Strategies Of Ancient China. San Francisco: China Books and periodicals, 1999. P. 63.
- ⁶ *Bell A.B.* China's New Confucianism: Politics and Everyday Life in a Changing Society. Princeton Univ. Press, 2008.
- ⁷ *Chan J.* Confucian Perfectionism: A Political Philosophy for Modern Times. Princeton Univ. Press, 2013.
- ⁸ *Hershock P.D., Ames R.T.* Confucian cultures of authority. Albany: State Univ. of New York Press, 2006.
- ⁹ *Сунь-цзы.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Ло Гуань-чжун.* Троецарствие: Роман: В 2 т. / Пер. В.А. Панасюка под ред. В.С. Колоколова; подгот. текста, предисл. и коммент. Б.Л. Рифтина. СПб.: Наука, 2014.
- ¹¹ *Hunter A.* Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics. 2009. Vol. 2. P. 378–379.
- ¹² *Ibid.* P. 379.
- ¹³ *Chan J.* Democracy and Meritocracy: Toward a Confucian Perspective // Journal of Chinese Philosophy. 2007. Vol. 34, № 2. P. 179.
- ¹⁴ 黄硕风 综合国力新论. 北京: 中国社会科学出版社, 1992. 389 页.
- ¹⁵ *Callahan W., Barabantseva E.* China Orders the World: Normative Soft Power and Foreign Policy. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2011. P. 231.
- ¹⁶ *Cho Young Nam, Jong Ho Jeong.* China's Soft Power: Discussions, Resources, and Prospects // Asian Survey 2008. Vol. 15, № 3. P. 458.
- ¹⁷ *Men J., Barton B.* China's Soft Power: A Blessing or Challenge to World Governance? // Zhenglai D., Sujian G. In China's Search for Good Governance. L.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 179.
- ¹⁸ Мягкая посадка китайской экономики [Электронный ресурс] // Версия. URL: <https://versia.ru/kitajskoe-pravitelstvo-stimuliruet-zamedlenie-tempov-rosta-yeconomiki> (дата обращения: 23.11.2016).
- ¹⁹ Xi Jinping and the Chinese dream [Электронный ресурс] // The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/leaders/21577070-vision-chinas-new-president-should-serve-his-people-not-nationalist-state-xi-jinping> (дата обращения: 23.11.2016).

- ²⁰ Стратегема 17. Приманить кого-либо, заставив думать, что он что-либо приобретет, или просто заставить отреагировать на поступок («бросок кирпича») для того, чтобы получить от него нечто ценное взамен («получить нефрит»). *Verstappen S.H.* Op. cit. P. 65.
- ²¹ *Ramo J.* The Beijing Consensus [Электронный ресурс] // The Beijing Consensus. URL: <http://www.xuanju.org/uploadfile/200909/20090918021638239.pdf> (дата обращения: 23.11.2016).

День прав человека и толерантности: проектирование социальных практик

Материалы научного экспертного круглого стола

А.П. Логунов

День прав человека и толерантности: проектирование социальных практик

12 декабря 2016 г. в РГГУ состоялся 2-й научный экспертный круглый стол «День прав человека и толерантности: проектирование социальных практик», проведенный при поддержке благотворительного фонда Центрального федерального округа «Поддержка детей и семей в трудной жизненной ситуации».

Мероприятие было организовано кафедрой культуры мира и демократии (ЮНЕСКО) и кафедрой теоретической и прикладной политологии ФИПП в тесном сотрудничестве с Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека и Аппаратом Уполномоченного по правам человека в РФ. В дискуссии приняли участие эксперты из НИУ ВШЭ, а также из ведущих общественных организаций, таких как «Гражданская инициатива» и Московская Хельсинкская группа.

Данный круглый стол был посвящен вопросам развития новых социальных практик, необходимых для решения проблем адаптации перед вызовами современности. В частности, была обсуждена проблема адаптации существующих европейских и российских ценностей в условиях миграционного кризиса.

В ходе дискуссии были также обсуждены лучшие европейские практики в области социального сотрудничества и способы решения проблем семей мигрантов. Проблемы российских семей и стратегии социальной адаптации детей и молодежи стали центральной темой научной дискуссии.

Необходимо отметить, что в рамках данной проблемы можно выделить две основные составляющие. Во-первых, содержательно ценности имеют свои базовые основания и в то же время отличаются значительным адаптивным потенциалом по отношению к внешним вызовам.

В контексте выстраивания новых социальных практик необходимо не только понять механизм формирования, но и содержательное наполнение этих базовых ценностей. В связи с новыми вызовами европейское сообщество оказалось в ситуации выбора: сохранять ли такие базовые ценности, как уважение к правам личности, уважение к существующим законам и принцип равенства, или адаптировать их с учетом того, что за последние годы в Европу прибыло значительное количество людей совершенно иной культуры и языка. Что в данной ситуации больше отвечает принципам европейской цивилизации – устойчивость существующих базовых ценностей или их адаптивный потенциал?

Анализ спектра современных вызовов приводит нас к необходимости лучше понимать природу современного миграционного кризиса, которая имеет несколько измерений.

Во-первых, количественное, связанное с количеством и качеством мигрантов, приехавших в европейские государства за последние годы, с поиском типа адаптации государств и обществ к новым условиям. Возможно ли применение американской модели и адаптации мигрантов через компактное поселение в своего рода резервациях или Европа и Россия качественно отличаются от американских условий?

Во-вторых, качественное измерение кризиса. В центре внимания данного подхода к анализу проблемы – социальные отношения различных поколений и групп населения. Важным вопросом является понимание того, каковы пределы возможной социальной адаптации у различных групп населения и глубока ли межгрупповая дифференциация.

В-третьих, ценностная составляющая кризиса. Предполагает ли европейская модель политических ценностей адаптацию мигрантов исходя из характеристик этих ценностей или же существует потенциал для адаптации самих ценностей? Насколько возможен социальный компромисс?

Пожалуй, наиболее характерными признаками данного миграционного кризиса являются случаи агрессивного поведения мигрантов по отношению к европейским женщинам, проблемы веротерпимости и языковые барьеры. Все эти значимые вопросы придется решать уже в ближайшем будущем и в ситуации, когда традиционные социальные и образовательные практики практически исчерпали себя.

Ниже мы размещаем ряд выступлений, посвященных наиболее значимым вопросам современного поиска лучших социальных практик.

Миграция в XXI веке: социокультурные вызовы и социальное сотрудничество

В настоящий момент Европа переживает столкновение различных матриц восприятия социальной реальности, представленных резко возросшим числом мигрантов, с одной стороны, и местными жителями – с другой. Преодоление этого коммуникативного конфликта путем социального сотрудничества возможно лишь при условии социокультурной специфики трех доминирующих вызовов: территориального, ценностного и цивилизационного.

Ключевые слова: миграция, беженцы, современная Европа, Евросоюз, социальное сотрудничество, социокультурные архетипы.

В XXI в. Европа столкнулась с ситуацией, когда миграция становится мощным коммуникативным вызовом самой системе европейских ценностей. По сути дела, в настоящий момент происходит столкновение различных матриц восприятия социальной реальности. Одна матрица принадлежит европейцам и опирается на европейские ценности, построенные на идеях соблюдения прав человека и толерантности, а вторая матрица доминирует в сознании беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, которые никогда не были включены в социокультурное пространство Европейского союза.

Суть этого конфликта заключается в том, что одна сторона (местное население) осознает ограничение своих прав по отношению к другой стороне (беженцам), в то время как последние чувствуют себя в более защищенном положении. При этом следует отметить, что наплыв беженцев в Евросоюз с трудом поддается юридическому регулированию. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев различает беженцев и мигрантов.

Мигранты – это те, кто «переезжает в другую страну в поисках работы, образования, лучшей жизни»¹. В свою очередь, само понятие «беженец» имеет юридические нюансы. Те, кого пресса называет «нелегальными мигрантами» или «беженцами», юридически относятся к категории «лиц, ищущих убежище». Если же они докажут «обоснованность опасений стать жертвой преследования», то им присваивается статус беженца².

Однако, по свидетельству полицейских, участники нападений на женщин в Кёльне в ночь с 31 декабря на 1 января 2016 г. демонстративно уничтожали свои документы, утверждая, что завтра получают новые³.

В этом и многих других инцидентах с участием беженцев в Европе фиксируется рост ксенофобских настроений и увеличение популярности ультраправых партий, таких как «Альтернатива для Германии», Национальный фронт (Франция), Партия свободы (Австрия), Лига Севера (Италия), «Право и справедливость» (Польша), Венгерский гражданский союз и др. Смысловой доминантой их риторики являются эксплуатирование образа врага в лице переселенцев, мусульман и – достаточно неожиданно – «Брюсселя» как воплощения единой Европы. Немецкий эксперт Х.-Ю. Шламмп подчеркивает: «В действительности же у правых гражданских фронтов везде абсолютно идентичные образы врага. И в этом они также ограничиваются простыми посланиями, концентрируясь на меньшинствах, вселяя иррациональный страх и ища козлов отпущения»⁴. За этим скрывается именно ощущение опасности и нестабильности, с которыми столкнулась современная Европа.

Можно ли их преодолеть в рамках социального сотрудничества? Ответ на этот вопрос тесно связан с рядом фундаментальных вызовов, стоящих перед европейской цивилизацией.

Рассмотрим их подробнее.

1. *Пространственный (территориальный) вызов.*

Социальное сотрудничество невозможно без создания сообщества. А понятие сообщества, в свою очередь, имеет несколько вариантов трактовки. В настоящий момент выделяются три значения слова «сообщество»: как топографическая единица (поселение, основанное на географической близости), как местная социальная система, основанная на «ограниченной совокупности взаимосвязей между социальными группами и местными институтами»⁵, и, наконец, как община.

Дж. Урри отмечает, что в настоящее время все три подхода переживают своего рода смысловой кризис, поскольку эти кон-

цепции сообщества «излишне сосредоточены на людях и их взаимодействиях и упускают из вида роль объектов», обладающих для членов сообщества принципиальной значимостью – «дерево и церковь могут конституировать деревню в качестве особого места проживания»⁶. Именно этот аспект не принимается во внимание при попытке провести анализ тех или иных протестов местных жителей против организации лагеря для беженцев на территории их населенного пункта. Контраст между «своим» пространством и вновь прибывшими «чужими» воспринимается как угроза десакрализации места. Более того, невежественное поведение «чужих» с высокой степенью вероятности будет трактовано как агрессия против «своих». Именно поэтому «во многих местах, где культивируется представление о сообществе, часто наблюдается крайнее непостоянство внутренних социальных связей и исключительная враждебность к чужакам»⁷.

Однако даже в свободных от ксенофобии сообществах сохраняется вероятность роста антимигрантских настроений, поскольку именно это слабое место – ощущение угрозы, наступающей в «своем» мире, – используют различные террористические организации.

Ситуацию усугубляют реальные террористические атаки (такие, как 19 декабря 2016 г. в Берлине и 14 июля 2016 г. в Ницце). В обоих случаях происходит буквальное вторжение «чужих» в беззащитное по случаю праздника пространство «своих».

За всем этим стоит глубоко укорененный в сознании социокультурный архетип «иного мира», который противопоставлен миру «своему». «Иной мир» в макрокосме, как правило, населен хтоническими существами, привносящими в «свой», человеческий, мир хаос и разрушение⁸.

2. Ценностный вызов.

В настоящее время Евросоюз переживает серьезный кризис этических моделей. С. Жижек со свойственной ему склонностью к провокациям выводит причины этого кризиса из «счастливых девяностых», закончившихся 11 сентября 2001 г. в момент атаки террористов на башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. До этого, по мнению Жижека, существовала вера в то, что «либеральная демократия в принципе одержала победу, что поиски окончились, что вот-вот возникнет глобальное либеральное мировое сообщество, что препятствия, стоящие на пути к этой сверхголливудской счастливой концовке, являются эмпирически и случайными»⁹.

Вместо этого наступила эпоха «строительства новых стен – между Израилем и Западным берегом, вокруг Европейского союза,

на границе США и Мексики». Де-факто именно это и происходит – 20 марта 2016 г. ЕС и Турция заключили соглашение, которое предусматривает принудительное возвращение в Турцию тех, кто незаконно через ее территорию прибыл в Европу и не имеет основания для получения убежища¹⁰. Внутри самого Евросоюза планируется сохранение паспортного контроля. Однако все эти меры, невзирая на их вынужденный характер, выглядят как отказ от европейских ценностей. С. Жижек называет подобное явление «диалектикой глобализации», поскольку, в отличие от «свободного обращения вещей (товаров)», «обращение “людей” контролируется все сильнее»¹¹.

В результате в социуме возникает своего рода коммуникативный сбой, обозначенный Н. Луманом еще в 1997 г. как «взаимная ирритация функциональных систем», которая при отсутствии координации может перейти в «самоирритацию общества»¹². Это проявляется, по мнению Лумана, в «возвращении этнических различий в мнимо умиротворяемых государствами регионах, а также в оживлении религиозного фундаментализма в мировом сообществе, которое, как правило, описывается как “секуляризованное”»¹³.

Все упомянутые риски обладают одной общей чертой – потенциальным откатом к наиболее архаическим сторонам коллективного сознания социума, когда люди иного племени (народа, расы) осознаются как «чужие», практически «не-люди», на которых не распространяется действие и защита законов общества.

В современном сознании «чужой» под влиянием европейской парадигмы ценностей трансформировался в «другого». У. Эко подчеркивает: «Этический подход начинается, когда на сцену приходит Другой»¹⁴. Основная коммуникативная функция «другого» в этом случае заключается в том, чтобы быть для общества своего рода инструментом для осознания себя: «взгляд Другого определяет и формирует нас».

Воспринимать мигранта или беженца как «чужого» или «другого» – вот главная этическая дилемма современной Европы.

3. *Исторический* (а по сути – цивилизационный) вызов, стоящий перед Европой, был опять-таки обозначен У. Эко практически двадцать лет назад, в 1997 г., в том же самом, когда Луман задумывался о взаимном раздражении систем. В своем эссе «Миграция третьего тысячелетия» ученый уподобляет современную миграцию явлению природы¹⁵. Невзирая на глобализацию, когда «вся планета стала пространством сплошных перемещений», миграция носит стихийный характер, не поддающийся управлению привычными политическими инструментами¹⁶. В этом случае волна беженцев 2014–2016 гг. должна восприниматься нами как следствие текто-

нического сдвига в истории: «Третий мир стучится в двери Европы и входит в них, даже когда Европа не согласна впускать»¹⁷.

Грядущие перемены настолько огромны по своим масштабам, что Эко в XX в. предвидит: «В следующем тысячелетии (я не пророк и точную дату назвать не обязываюсь) Европа превратится в многорасовый, или, если предпочитаете, в многонациональный континент. Нравится вам это или нет, но так будет. И если не нравится, все равно будет так»¹⁸.

Для нас крайне важен тот факт, что речь идет не о конце цивилизации, но о новом качестве диалога культур. Европа перед лицом колоссального числа людей, не являющихся европейцами, переживает момент истины: будет ли она и дальше придерживаться своей ценностной системы – или же она откажется от нее. Парадокс заключается в том, что сохранить свою идентичность для Европы возможно только в ситуации сотрудничества, организованного по двум разнонаправленным векторам – сотрудничества с сообществами внутри (местными жителями) и извне (мигрантами, беженцами). Соответственно у Евросоюза только в этом случае сохраняются шансы противостоять центробежным тенденциям.

Примечания

- ¹ См.: В ООН объяснили разницу между мигрантами и беженцами [Электронный ресурс] // Multimedia. URL: http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/199515/#.WFvM7_mLTRY. (дата обращения: 14.09.2016).
- ² См.: Беженцы и лица, ищущие убежища [Электронный ресурс] // UNHCR. URL: <http://unhcr.ru/index.php?id=42> (дата обращения: 12.10.2016).
- ³ См.: Преступление нового масштаба [Электронный ресурс] // Lenta. URL: https://lenta.ru/articles/2016/01/08/germany_crisis/ (дата обращения: 24.10.2016).
- ⁴ См.: *Шлам Х.-Ю.* Правые националисты в Европе: внушающие страх [Электронный ресурс] // Inosmi. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160603/236749782.html> (дата обращения: 14.09.2016).
- ⁵ См.: *Урри Дж.* Социология за пределами сообществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 193.
- ⁶ Указ. соч. С. 193.
- ⁷ Указ. соч. С. 194.
- ⁸ Подробнее см.: *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 202–212.
- ⁹ См.: *Жижек С.* О насилии. М.: Европа, 2010. С. 81.

- ¹⁰ См.: Договор между ЕС и Турцией по миграции вступил в силу [Электронный ресурс] // BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/03/160319_eu_turkey_migrants_implementation (дата обращения: 24.10.2016).
- ¹¹ См.: *Жижек С.* Указ. соч. С. 81.
- ¹² См.: *Луман Н.* Общество общества. Кн. 4: Дифференциация. Кн. 5: Самоописание. М.: Логос, 2011. С. 214.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: *Эко У.* Когда на сцену приходит Другой // Пять эссе на тему этики. СПб.: Симпозиум, 2002. С. 14.
- ¹⁵ См.: *Эко У.* Миграции, терпимость и нестерпимое // Пять эссе на тему этики. СПб.: Симпозиум, 2002. С. 134.
- ¹⁶ Там же. С. 136.
- ¹⁷ Там же. С. 137.
- ¹⁸ Там же.

Миграционная политика в Европейском союзе

Миграционная политика в Европейском союзе – одна из самых острых политических тем. Сегодняшняя волна беженцев – далеко не первая в истории Европы. Но только в Европейском союзе сознательно разрабатываются политики регуляции миграции и интеграции беженцев и мигрантов разного типа: приезжающих к семьям, трудовых, беженцев из стран, где идут военные действия.

Ключевые слова: Европейский союз, миграция, интеграция, беженцы, миграционные волны, социальные конфликты.

Миграционные потоки последних десятилетий в Европе вызвали интенсивные споры о том, как нужно относиться к миграции¹. Общественные и политические дискуссии обострились с началом военных действий и увеличением потоков жертв военных действий в Сирии. Волны беженцев были сопоставимы только с периодом Второй мировой войны².

Эти споры стали и линией раскола в политическом поле. С одной стороны, стала расти популярность популистских и националистических партий. Великобритания пережила никем не ожидаемый *brexit*. С другой стороны, в странах Европейского союза (далее ЕС) возникло множество гражданских инициатив по поддержке беженцев из регионов, где ведутся военные действия.

Миграция и интеграция мигрантов поставили европейское общество перед новыми вызовами. Общества оказались не готовы принять такое количество мигрантов.

Попыткам разработать общую европейскую миграционную и интеграционную политику противостоят не только суверенитеты

стран – участниц ЕС, но и внутренние общественно-политические конфликты. В этой связи возникают следующие вопросы:

- какие шаги предпринимает ЕС в области миграционной политики;
- существует ли общая европейская политика интеграции;
- на какую модель интеграции ориентируется ЕС: интеграции как ассимиляции, концепцию мультикультурализма или другие?

Исследования миграции рассматривают причины и формы регулирования миграции, исследования интеграции сфокусированы на включение мигрантов в общества принявшей их страны.

Волны миграций в Европе в XX и XXI вв.

До середины XX столетия для Европы из-за войн, бедности, выселений и беженцев была характерна эмиграция из нее, а не притоки мигрантов. Между 1815 и 1939 гг. 50 миллионов европейцев эмигрировали за океан. После 1945 г. развивались разнонаправленные процессы. Континентальная Европа из-за экономического подъема и заключенных соглашений о трудовой миграции переживала рост миграции. В то же время страны южной и восточной периферии – Италия, Испания, Греция и Португалия, а также Ирландия оставались странами выезда. Бывшие метрополии стали после Второй мировой войны в ходе деколонизации площадками этнической миграции военных и работников колониальных органов управления, возвращавшихся в свои страны. Но и мигранты из бывших колоний получили облегченный въезд в бывшие метрополии. В 1970-е гг., из-за экономического кризиса, въезд был снова ограничен. Вследствие экономического подъема южных стран ЕС они впоследствии сами стали целью мигрантов. Постсоциалистическая трансформация и разрушение железного занавеса привели к увеличению потока эмигрантов из бывших социалистических стран. Более 4 млн. жителей Восточной Европы покинули между 1989 и 1992 гг. свои страны, к этому добавились до 1995 г. почти пять миллионов беженцев вследствие войн на Балканах.

К началу XXI в. у более чем 5% населения ЕС были мигрантские корни, при этом число мигрантов сильно различалось по странам. Повышению давления потоков мигрантов способствовали румыны, болгары, афганцы, потом – иракцы и сирийцы. Необходимо было регулировать как национальные, так и наднациональные миграционные потоки в Европу.

Наибольшее число мигрантов живет в Люксембурге (более трети), Швейцарии (20%), Словении (15%), Норвегии (12%), меньше всего (менее 5%) – в странах Балтии, Португалии, Германии.

Общественные конфликты, связанные с миграцией и интеграцией

Во многих европейских государствах для общественных дискуссий о миграции характерны не только недоверие к мигрантам из исламских стран; помимо исламофобии, существуют еще и антицыганские настроения и антисемитизм. Распространено насилие в отношении мигрантов, популистские и националистические партии набирают голоса, эксплуатируя темы борьбы с миграцией и ее запрета (в Голландии, Франции, Швеции, Финляндии).

Потоки беженцев из Северной Африки и с Ближнего Востока после Арабской весны вызвали конфликты, связанные со свободой передвижения в шенгенской зоне, усилившиеся после начала военных действий в Сирии. Ряд стран – участниц ЕС закрыли для беженцев свои границы или заявили о таких намерениях. Жесткая политика в отношении мигрантов и беженцев, а также укрепление внешних границ становятся предметом внутривнутриполитической критики. Выражение «Крепость Европа» стало объектом критики евроскептиками неолиберальной политики ЕС. Новые вызовы принес и финансовый кризис, обостряющий конфликт в европейских обществах, связанный с сохранением и развитием их открытости, солидарности и готовности принять приезжих.

Европейская миграционная политика

Не существует единой формы миграции, поэтому невозможно и ее единое регулирование. На национальном уровне страны реагируют на волны миграции по-разному³. Существуют следующие формы миграции.

Воссоединение семей. Основа международных передвижений мигрантов. В большинстве стран он ограничен супругами и детьми.

Трудовая миграция. Предполагает въезд для ограниченной по времени или длительной работы. Трудовые мигранты получают обычно ограниченное по времени разрешение на пребывание и работу.

Циркулярная миграция. Описывает повторные или регулярные возвращения мигрантов, которые после истечения разрешения на работу уезжают в родную страну, а потом снова возвращаются в эту или другую страну.

Беженцы. Миграция претендующих на получение убежища составляет по данным ООН, 10% от всей миграции. Ее правовой основой является Женевская конвенция «О статусе беженцев» (1951)⁴, которая предусматривает процедуру признания статуса беженца и разрешения на пребывание.

Нерегулярная миграция. Число нерегулярных мигрантов в мире составляет 10–15%. Формы нерегулярности различаются, в зависимости от того, являются ли нерегулярными въезд, пребывание или работа. От восьмой до четвертой части всех беженцев в мире относятся к этой категории.

Отсутствие границ внутри ЕС вызывает потребность в единой миграционной политике контроля на внешних границах. ЕС последовательно, начиная с Маастрихтского договора 1993 г.⁵ до Лиссабонского договора 2009 г.⁶, вводил нормы миграционной политики и политики в отношении беженцев ЕС.

Политика интеграции

ЕС последовательно проводила политику интеграции мигрантов, правовые основы которой были зафиксированы в нормативно-правовых актах⁷.

Распространенные теории ассимиляции исходят из того, что со временем неизбежно происходит адаптация приезжих к принимающему их обществу, что является предпосылкой интеграции⁸.

Другой подход исходит из того, что из-за глубоких культурных различий между мигрантами и принимающим обществом интеграция невозможна. Большие культурные различия усложняют процессы интеграции, так как требуют от общества большей способности к приспособлению и изменению взглядов. Этот феномен наблюдается только в небольшом числе стран, принимающих мигрантов. Как правило, общества большинства требуют приспособления меньшинств. С точки зрения мультикультурализма, европейские общества при встрече с мигрантами должны переосмыслить свои принципы. Это касается, например, малообразованных мусульман, к которым не должны так строго применяться принципы секулярности, наоборот,

им должна быть обеспечена возможность для их религиозной жизни.

Невозможность реализации этих принципов на практике порождает конфликты в обществе и рост популярности националистов и популистов.

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см.: Müller H. Migration und Integration in der EU – Theorien, Konzepte, Politiken // Interdisziplinäre Europastudien / U. Liebert, J. Wolff (Hrsg.) Springer, 2015. S. 323–346.
- ² Вальтер Н. Эра величайшего переселения народов // Internationale Politik (Миграция и безопасность). 2006. №2. С. 11–13.
- ³ Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. М.: Владос, 1999. С. 48–69.
- ⁴ Женевская конвенция «О статусе беженцев» (1951). Справка [Электронный ресурс] // РИА Новости. Дата публикации. 28.07.2011. URL: <https://ria.ru/spravka/20110728/407430930.html> (дата обращения: 15.12.2016).
- ⁵ Договор о Европейском союзе. Подписан в Маастрихте 7.02.1992. Текст на русском языке: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=25293>.
- ⁶ Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (Лиссабон, 13 декабря 2007 г.). Текст на русском языке см.: Портал «Право Европейского союза»: <http://eulaw.ru/treaties/lisbon>.
- ⁷ Labor, Employment, and Social Policies in the EU Enlargement Process / V. Funk, L. Pizzati (eds.) Washington: The World Bank, 2002. P. 221–227.
- ⁸ См.: Кузнецова Е. Европейский союз: экспорт норм, ценностей, стандартов // Европейский союз в XXI в.: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потемкиной и др. М.: Весь мир, 2012. С. 619–642.

Социальное сотрудничество в области адаптации мигрантов: анализ немецкого и российского опыта

Статья посвящена анализу различных национальных подходов к решению вопросов миграции в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии. Проблема поиска инновационных стратегий решения проблем интеграции мигрантов связана с активацией потенциала социального сотрудничества как на уровне государственных институтов, так и на уровне гражданского общества.

Ключевые слова: права человека, социальное сотрудничество, миграция, социальная адаптация.

Новое столетие сформировало комплекс качественно новых вызовов и актуализировало необходимость решения достаточно традиционных для государств национального типа задач, одной из которых является проблема адаптации мигрантов, прибывающих как в европейские страны, так и в Россию во все больших количествах. События последних лет, в результате которых как европейские государства, так и РФ принимают большое количество беженцев из зон вооруженных конфликтов, стали определенным рода проверкой существующих политических моделей и своего рода апробацией и поиском ответов на ряд значимых для принимающих сторон вопросов.

Необходимо отметить, что Западная Европа на протяжении всей своей новейшей истории в значительной мере создала и апробировала несколько национальных моделей адаптации вновь прибывающих жителей. Пожалуй, одной из самых успешных стала немецкая модель, позволяющая в значительной степени сохранять баланс и позитивное отношение граждан титульной нации к большому количеству людей, приезжающих в эту страну на заработки

и постепенно оседающих в ней. Однако отношение к мигрантам в Германии не было ровным на протяжении всех десятилетий, начиная с окончания Второй мировой войны. В 50-е годы рабочие-мигранты воспринимались скорее как временное явление, позволяющее решить ряд социальных проблем, остро стоявших на тот период времени. Осознания долгосрочности данного феномена не было ни у немецких властей, ни у граждан, как не было и единой позиции по отношению к мигрантам. Однако данный вопрос уже на тот момент стал значимой картой, разыгрываемой политическими партиями и рядом журналистов.

Описывая проблемный план реакции немецкого государства на ситуацию значимого увеличения количества новых жителей, необходимо отметить, что начиная с 70-х гг. в отношении мигрантов обсуждались три ключевых вопроса. Первый – является ли Германия страной, принимающей мигрантов? Данный вопрос был окончательно положительно решен к моменту ухода Гельмута Коля в 1998 г., и далее это было признано всеми лидирующими политическими партиями. Начиная с 2005 г. была сформулирована новая политика относительно интеграции мигрантов, в результате которой правительство оказалось в центре усилий по интеграции, что позволило сохранить доверие в отношениях власти и общества.

Второй значимый вопрос для понимания проблемы миграции – вопрос, связанный с принципами предоставления мигрантам гражданства, что в случае с Германией является само по себе непростым вопросом. Однако по мере развития системы адаптации мигрантов шел процесс изменения понимания критериев гражданства со сменой акцентов с национальности на факт территориального рождения и постоянного места жительства. Данный процесс в Германии имел несколько стадий и завершился принятием поправки к закону о гражданстве, по которой детям мигрантов, рожденным и выросшим на территории Германии, разрешено сохранять второе гражданство.

Третий значимый вопрос для решения проблем адаптации мигрантов – это вопрос построения новой идентичности, как мигрантов, так и принимающей стороны, а также разработка стратегии и принципов интеграции и мультикультурализма. В данном случае эти сюжеты необходимо рассматривать как систему двусторонней коммуникации. В случае с Германией это постоянный поиск культурной рамки, которая бы позволила обеспечить сосуществование принимающей и приехавшей сторон. После разочарования в идеях мультикультурализма в 2010 г. Германия стала одной из немногих стран, которые сразу же сместили акцент с мультикуль-

турности на принцип «принимающей культуры», признающей ценность сохранения культурного многообразия.

На данный момент Германия является наиболее лояльной к мигрантам страной по сравнению с США, Францией, Италией, Испанией и Великобританией¹.

Национальные опросы общественного мнения в 2014 г. показывали позитивное отношение немцев к мигрантам как важной части рынка труда, что до недавнего времени выражалось в традиционно достаточно низкой популярности праворадикальных партий.

В 2015 г. население с энтузиазмом принимало беженцев из Сирии. В 2014–2015 гг. поддержка беженцев в среднем доходила до 70%.

Позитивное отношение во многом сложилось из социального контекста: экономика, демография и поддержка со стороны власти.

Германия также отличается последовательной политикой допуска новых работников к рынку труда в стране, что обеспечивает не только их успешную интеграцию, но и защиту коренному населению страны.

Политические факторы, обеспечивающие успех миграционной политики на государственном уровне – поддержка государства и политика интеграции – дали возможность сохранения доверия политической элите и системе государственного управления. В законе 2005 г. был также впервые заложен механизм натурализации мигрантов, а в 2012 г. внесены дополнительные принципы привлечения в Германию высококвалифицированного труда.

Основа немецкой политики в данной сфере – глубокое убеждение политической элиты и государственных чиновников в том, что отношение к мигрантам определяется тем, насколько хорошо приехавшие оказались интегрированы в немецкое общество.

Необходимо также отметить, что проблемы миграции в целом характерны для практически всех государств, обладающих минимальной экономической стабильностью и приемлемыми условиями для проживания новых граждан. И за последние годы по замерам известного американского агентства Gallup происходит значительное изменение отношения населения принимающих стран к мигрантам в большинстве из изученных ими 120 государств и 183 000 респондентов². По результатам исследования была также выявлена тенденция, отражающая прямую корреляцию между позитивным отношением к мигрантам и стабильным экономическим положением. В этом контексте становится понятным и определенное изменение восприятия ситуации с мигрантами в контексте кризиса 2015 г., когда именно в районах бывшей ГДР стало популярно и распространило свое влияние движение ПЕГИДА.

Пытаясь понять российские подходы к мигрантам, представляется необходимым ответить на те же три вопроса, которые сформировали немецкую стратегию работы с мигрантами. На первый вопрос относительно того, является ли Россия страной, принимающей мигрантов, можно смело дать утвердительный ответ. Согласно данным ООН, Россия вышла на вторую позицию в мире по числу принимаемых страной мигрантов, доля которых лишь незначительно снизилась после финансового кризиса и украинских событий 2014 г.³

На данный момент эта ситуация качественно изменилась, давая возможность значительному количеству граждан из этих государств переехать в Россию. В значительной степени этот процесс нашел понимание у простых россиян с точки зрения экономической необходимости.

Второй вопрос касается условий предоставления мигрантам вида на жительство и впоследствии – гражданства. Российская политика в сфере миграции началась во многом с проблемы репатриации достаточно большого количества своих граждан. После распада СССР и особенно начиная с XXI в. подход РФ к миграции во многом определялся желанием дать возможность благоприятного возвращения россиянам, оставшимся волею судьбы в бывших республиках Советского Союза. На данный момент ситуация качественно видоизменилась, и РФ приходится находить собственные решения проблем миграции.

Третий вопрос, составляющий основу немецкой модели – проблема встраивания большого и разнородного потока мигрантов в существующую культурную идентичность и социальные практики принимающей стороны и адаптация существующих. Отвечая на этот вопрос, необходимо отметить, что российская культура отличается высоким потенциалом адаптивности к внешним влияниям и способностью воспринимать и перерабатывать иные культурные смыслы и традиции, в значительной степени инкорпорируя их. Однако на данный момент Россия идет по пути чисто экономических принципов регулирования миграции. Это проявляется в ряде принимаемых законодательных инициатив, и начиная с 2015 г. в стране введены патенты для мигрантов, которые являются ярким индикатором того, что принята политика квотирования и чисто экономическое регулирование жизни приезжающих на работу в РФ. Таким образом, процесс интеграции едва ли осуществляется вообще и взаимодействие с мигрантами на государственном уровне остается в рамках только экономического регулирования.

Перспективы гармонизации социальных отношений и защиты прав как мигрантов, так и россиян лежат в активации потенциала межкультурного взаимодействия и развития практик социального сотрудничества, необходимого для решения вопросов не только на законодательном уровне, но, что еще важнее, на уровне граждан.

Едва ли представляется возможным однозначно ответить на вопрос о том, какой подход необходим для решения проблем миграции в РФ в будущем. Немецкое решение проблемы отличается основательностью, институтированностью проблемы в политических практиках и законодательстве, а также особым местом, которое миграция занимает в политическом дискурсе, в то время как для России эта тема, в ее европейском варианте, еще относительно новая, что требует сначала осмысления на социальном уровне, построения определенной осведомленности как граждан, так и элиты, включения данного вопроса в политическую повестку дня и разработки системных решений.

Примечания

- ¹ Transatlantic trends 2011. Официальный сайт Фонда Маршалла (Marshall Fund of the United States (GMFUS)) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gmfus.org/node/7195> (дата обращения: 15.12.2016).
- ² Исследование проводилось в 2012–2014 гг., методом интервьюирования 183 тысяч респондентов по заказу Международной организации по миграции. См.: How the World Views Migration. ИОМ-Gallup (2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iom.int/news/how-world-views-migration-iom-gallup-world-poll> (дата обращения: 15.12.2016).
- ³ Global Trends, Forced Displacement in 2015 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR). URL: <http://www.unhcr.org/statistics/unhcrstats/576408cd7/unhcr-global-trends-2015.html> (дата обращения: 15.12.2016).

Права человека в социальных практиках Православной церкви: социальное и политическое измерение

Статья посвящена анализу концепции прав человека в социальных практиках Русской православной церкви (РПЦ). Показаны основные направления развития этой концепции в контексте государственно-конфессиональных отношений, ее влияние на общественно-политические процессы в современной России. Проведен анализ дискурсов, формируемых на ее основе. Сделан вывод о влиянии концепции прав человека в интерпретации РПЦ на формирование российской модели светскости.

Ключевые слова: права человека, светскость, государственно-конфессиональные отношения в России, Русская православная церковь, правозащитная деятельность.

Прошло уже почти десять лет с момента появления в 2008 году «Основ учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека», благодаря которым Церкви (далее РПЦ) удалось сформировать ценностную основу ряда социальных практик в России. Однако смогли ли они приобрести какое-либо реальное социальное и политическое содержание? Ответ на этот вопрос позволит уточнить специфику эволюции российской модели светскости и поэтому представляется необходимым рассмотреть его более подробно.

Кратко рассмотрим предысторию и контекст появления современной системы интерпретаций прав человека в РПЦ. На протяжении всей истории существования Церкви в Советском государстве она избегала в лице своих официальных структур поднимать проблему прав человека и их защиты. Складывалась парадоксальная ситуация: РПЦ, находясь в условиях беспрецедентного давления

со стороны государства, сталкиваясь постоянно с вопиющими случаями нарушения прав на свободу совести и вероисповедания по отношению к своим прихожанам, тем не менее была вынуждена публично отрицать факты преследования за религиозные убеждения в СССР. Более того, когда среди священнослужителей появлялись диссиденты, выступавшие за свободу вероисповедания и прекращение дискриминации по религиозным мотивам (например, Глеб Якунин, Николай Эшлиман и др.), они подвергались церковному осуждению.

С распадом Советского Союза ситуация стала меняться. Возрождение религиозной жизни в России и поиск оптимальной схемы государственно-конфессиональных отношений в новых условиях требовали ответа на вопрос, как Церковь будет относиться к религиозному плюрализму: будет ли она выступать за формирование модели «ограниченной конкуренции» и наделения отдельных религиозных организаций особым статусом, предполагающим их более широкую правосубъектность при взаимодействии с государственными институтами, или нет. Ответ на этот вопрос напрямую зависел от того, как будет интерпретироваться право на свободу совести и вероисповедания – широко, с минимальным вмешательством государства в регулирование религиозной сферы (и в этом случае поддержка Церкви должна была бы оказываться тем инициативам государства, которые формировали преимущественно конкурентную модель светскости), или узко, когда сужение конкуренции в религиозной сфере обосновывается соображениями национальной безопасности, необходимостью сохранить религиозную идентичность населения, культурной традицией и т. п. У РПЦ, которая не имела ни материальных, ни человеческих ресурсов для успешной конкуренции с зарубежными религиозными организациями, начавшими активную миссионерскую деятельность на постсоветском пространстве в начале 1990-х годов, выбор решения о поддержке модели ограниченной конкуренции был предопределен. Для ценностного обоснования этой модели было необходимо интерпретировать права на свободу совести и вероисповедания в охранительном ключе, делая акцент не на гарантии их соблюдения, а на защите их от посягательств со стороны деструктивных сект, иностранных миссионеров, разрушающих традиционную религиозную идентичность и т. п. В середине 1990-х гг. в Церкви стали все чаще говорить о необходимости перехватить повестку правозащитной деятельности, придать ей новое смысловое и мировоззренческое содержание (или, с точки зрения Церкви, наоборот, вернуть первоначальный, утраченный смысл). Эта необходимость дикто-

валась появлением все больших ценностных противоречий, на которых основывалось восприятие правозащитной деятельности со стороны церковных и светских институтов, и новых социальных практик, противоречащих традиционным моральным ценностям, защитником которых выступает РПЦ. Борьбе с новыми социальными явлениями (которые рассматривались как разрушительные для института семьи и воспроизводства населения), недопущению их легитимации в социальном пространстве, исключением их из контекста правозащитной деятельности и была во многом посвящена задача формирования собственной церковной концепции прав человека. Трансформации гендерных ролей, *правовой статус однополых союзов*, право на эвтаназию и включение ее в корпус прав человека, право женщины на аборт, расширенные интерпретации свободы творчества и самовыражения – эти *проблемы и сюжеты, которые рассматриваются европейскими правозащитными организациями как ключевые, но при этом расходятся с традиционными моральными нормами, должны быть (с точки зрения Церкви) переосмыслены с учетом мнения верующих людей*, интерпретированы с использованием собственного понятийно-объяснительного аппарата и, как результат, должны приобрести новые содержательные смыслы. И уже в этом качестве они могут и будут транслироваться Церковью и выступать, пользуясь терминологией Д. Истона, в качестве тех «требований», которые воздействуют на политическую систему и заставляют ее реагировать в виде ответных «решений» и «действий», направленных на регулирование социальных практик.

В 2000 г. были приняты Основы социальной концепции РПЦ, в которых появился раздел «Христианская этика и светское право». Затем в 2006 г. на X Всемирном русском народном соборе, действующем под эгидой РПЦ, была принята «Декларация о правах и достоинстве человека». Окончательное же завершение формирования православной концепции прав человека ознаменовалось принятием Архиерейским собором РПЦ в 2008 г. уже упоминавшихся «Основ учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека». В последующий период можно выделить 4 направления практической деятельности, направленной на реализацию основных положений этого документа.

Первое направление, о котором мы уже говорили, проявляется в формировании публичного дискурса, направленного на защиту религиозной интерпретации концепции прав человека. Его можно рассматривать шире, как попытку определять векторы развития политической культуры страны. Одновременно именно это на-

правление проявляется в международной деятельности Церкви. В структурных подразделениях ООН, ЮНЕСКО, ПАСЕ и других международных организациях представители Церкви и в первую очередь патриарх Кирилл регулярно поднимают вопросы, связанные с необходимостью учитывать мнение верующих людей при определении границ самовыражения, защите традиционных ценностей и т. п., о том, что представления о человеческой природе, которые лежат в основе европейской концепции прав человека, не разделяются большинством жителей Земли и что понятие «достоинство человека» необходимо определять с учетом религиозно-духовного и нравственного измерения. Права человека при всей своей универсальности воплощаются в различных странах с учетом культурных особенностей того или иного народа. И при формировании национальной правозащитной системы Церковь настаивает на необходимости учитывать исторический опыт и культурные традиции.

Второе направление непосредственно связано и порой может быть полностью отождествлено с социальной работой. Особенно это заметно при формировании Церковью собственной системы правозащитных организаций (например, в деятельности Правозащитного центра Всемирного русского народного собора, действующего под эгидой РПЦ). Среди направлений, по которым предполагается сотрудничество с государственными, общественными и иными организациями в области охраны прав, свобод и достоинства человека, значительную часть занимают те, которые традиционно относятся к области «сотрудничества» Церкви и государства в социальной сфере: попечение о правах военнослужащих, охрана прав ребенка, забота о лицах, находящихся в местах заключения и социальных учреждениях, защита жертв деструктивных сект. Этими направлениями работы РПЦ более или менее успешно занималась с начала 1990-х, однако только к середине «нулевых» они стали позиционироваться и в контексте правозащитной проблематики (ранее акцент делался исключительно на их социальную составляющую). Государство также демонстрирует, что именно эти направления правозащитной деятельности оно считает приоритетными, что открывает новые возможности для сотрудничества государственных и религиозных институтов в социальной сфере.

Третье направление связано исключительно с правозащитной деятельностью на международной арене. И именно здесь центральной темой становится реализация права на свободу совести и вероисповедания. В российском же дискурсе этот сюжет после

принятия в 1997 г. Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», ограничивающего деятельность иностранных миссионеров, отошел на периферию. В международном же контексте основными объектами защиты со стороны РПЦ становятся христианские общины на Ближнем Востоке, находящиеся на пороге физического истребления боевиками Исламского государства (Церковь регулярно с высоких трибун призывает международное сообщество обратить внимание на катастрофическое положение этих общин), и общины Украинской православной церкви Московского патриархата, которые с началом обострения конфликта на Украине в 2014 г. столкнулись с захватами храмов, происходящими при попустительстве властей, и иными фактами дискриминации.

Четвертое направление связано с такой особенностью современной церковной интерпретации прав человека, как возможность с ее помощью обосновывать необходимость ограничения этих прав. По сути, это продолжение вектора, заданного в середине 1990-х годов, когда, апеллируя к защите прав человека, выдвигались требования по ограничению деятельности иностранных миссионеров.

«Права человека защищают только свободу выбора, но ничего не говорят об ответственности человека. В результате без защиты остается свобода человека от зла», заявлял митрополит Кирилл (будущий патриарх)¹. Соответственно, чтобы защитить эту свободу, необходимо, в свою очередь, ограничить свободу самовыражения тех, кто является адептом этого «зла». И здесь уже появляется политическая составляющая, так как подобное обоснование ограничения прав перерастает в требования к государственным институтам законодательно отрегулировать подобную ситуацию.

Ярким проявлением этой тенденции стала позиция РПЦ по вопросу введения уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих. 4 февраля 2011 г. Архиерейским собором РПЦ был принят документ «Отношение Русской православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви». В нем, среди способов противодействия богохульству, отмечается обращение к органам государственной власти «для пресечения и наказания действий, направленных на осквернение религиозных символов и на оскорбление чувств верующих»². Эта позиция, озвученная также на заседании Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, нашла понимание и у главы государства³. В итоге были внесены изменения в статью 148 Уголовного кодекса РФ: ее содержание расширялось введением нового состава преступления (публичные действия, совершенные

с целью «оскорбления религиозных чувств верующих»). Потенциальная опасность применения новых норм в целях ограничения свободы самовыражения компенсируется с точки зрения Церкви и государства защитой традиционных ценностей и моральных императивов.

Справедливости ради необходимо заметить, что в юридической практике ряда европейских государств до сих пор сохраняются нормы, карающие за кощунство, богохульство, публичное оскорбление богослужения или объекта почитания. Однако там наличие подобных норм является исторической традицией, они зачастую носят «дремлющий характер» и фактически не применяются, идет последовательный процесс их отмены или перевода из уголовной в административную плоскость, намечены тенденции к утрате ими сугубо религиозной специфики, превращению их в инструмент защиты любых дискриминируемых общностей⁴. Другими словами, на Западе наличие норм, защищающих чувства верующих, является результатом либерализации исторически существовавших законов, карающих за богохульство, что укладывается в парадигму модернизации и секуляризации. В России же их появление по инициативе религиозных организаций (и, в первую очередь РПЦ) связано с противоположным трендом десекуляризации и усиления религиозного фактора в общественно-политических процессах.

Таким образом, процесс формирования православной концепции прав человека, начавшийся в конце 1990-х гг., к 2008 г. в целом завершился. Эта концепция, получив юридическое закрепление в программных документах РПЦ, стала ценностной основой для обоснования и/или ограничения широкого спектра социальных практик, связанных со сферой общественной обеспокоенности Церкви как в России, так и за рубежом. Политическое измерение этого процесса проявлялось в формировании Церковью специфических «требований», обращенных к политической системе России, которые в ряде случаев стали предпосылкой для изменения законодательства, что является характерной чертой российской модели светскости на современном этапе ее развития.

Примечания

¹ Выступление председателя ОВЦС Московского патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на панельной дискуссии «Права человека и межкультурный диалог» VII сессии Совета по правам человека ООН (Женева, 18 марта 2008 г.) / Правозащитный центр «Всемирного русского на-

родного собора» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravovrns.ru/?p=442> (дата обращения: 01.12.2016).

- ² Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви. 4 февр. 2011 г. // Официальный сайт Московского патриархата. [Электронный ресурс]. URL: www.patriarchia.ru/db/text/1401898.html (дата обращения: 01.12.2016).
- ³ Владимир Путин встретился с участниками Архиерейского собора Русской православной церкви. 1 февр. 2013 г. // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17409> (дата обращения: 01.12.2016).
- ⁴ *Мартышкин О.В.* Закон о защите чувств верующих в историко-правовом контексте (статья вторая) // Государство и право. 2016. № 2. С. 22–31.

Права человека и туризм: сотрудничество в эпоху глокализма

В данной статье представлена уникальная для российской науки попытка интегрировать концепцию прав человека в исследования о развитии туризма. Во имя прогресса и в целях быстрого обогащения правами человека часто пренебрегают, однако сотрудничество с этой сферой способно привести к определенной долгосрочной выгоде, особенно в секторе туризма. Настоящая работа ставит своей целью объяснить, почему права человека – это вопрос, требующий особого внимания в контексте туризма.

Ключевые слова: права человека, туризм, Всеобщая декларация прав человека, глобализм, национальность, глокализм, цивилизация.

Права человека являются неотъемлемой частью базовых норм достойного существования человеческой личности. После того как в 1948 г. была разработана концепция прав человека в контексте Всеобщей декларации прав человека, в современном мире такое «понятие, как “цивилизованное государство”, стало неразрывно связано с гуманистическим отношением к правам человека»¹. Согласно Всеобщей декларации прав человека, права человека нарушаются, когда определенной группе по признаку расы или вероисповедания отказано в признании в качестве правового субъекта; мужчины и женщины не равны; различные расовые или религиозные группы не рассматриваются в качестве равноправных; жизнь, свобода или безопасность находятся под угрозой; человек продается или используется в качестве раба; жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство наказание применяется в отношении человека; жертве жестокого обращения отказывают в эффективной судебной защите; наказания раздаются произвольно или в одностороннем порядке, без надлежащего и справедливого

судебного разбирательства; произвольное вмешательство в личную или частную жизнь со стороны государственных служащих; гражданам запрещено покидать или возвращаться в свою страну; запрет права на свободу слова или совести; отказ в праве на вступление в профсоюз; запрет права на образование и др.

Активисты, выступающие за соблюдение прав человека, требуют уважения к человеческому достоинству каждого человека во всем мире. Такие неправительственные организации, как организация «Международная амнистия»², «Хьюман Райтс Уотч»³, «Всемирная организация против пыток»⁴, «Фридом Хаус»⁵, «Международная организация против рабства»⁶ и т. д., являются лидерами по защите прав и свобод человека во всем мире. В конкретном случае туризма следует отметить работу таких неправительственных организаций, как «Запрет детской проституции в Азиатском туризме»⁷, «Экуменическая коалиция церквей ради туризма»⁸, «Забота о туризме»⁹, «Справедливый туризм»¹⁰ и др.

В настоящей статье делается попытка интегрировать концепции прав человека в русло дискурса туризма. Зачастую во имя финансового успеха правами человека часто пренебрегают, хотя появляются определенные долгосрочные выгоды, если вместо их игнорирования заняться активной поддержкой основных принципов. По мнению автора, изучение применения основных концептов прав человека к области туризма является перспективной областью как политологии, так и академического дискурса о туризме. Комплексное изучение реализации прав человека в современном туризме позволит индустрии туризма в будущем делать больший акцент на уважении базовых человеческих ценностей.

В начале XXI в., в условиях синтеза господствующего глобализма с нарастающими процессами локализации – т. е. *глокализации*, все более актуальным становится вопрос о согласии между нациями, народами, регионами, корпорациями о том, что же такое новые стандарты прав человека в современном мире.

Развитие туризма всегда несет за собою нарушение прав человека. В традиционной туристской практике «Клиент всегда прав» или в современной трактовке «Клиент – это король»¹¹. Такое отношение приводит к намеренно подчеркнутым правам туристов и к практически полному пренебрежению к правам местных общин, жителей и других заинтересованных сторон. В перспективе это приводит к совершенно асимметричному распределению выгод от туризма и является основой сопротивления развитию туризма во многих точках земного шара.

Туризм часто становится удовлетворением собственного «я» за счет «других»: в этом процессе туристы считают, что другие заинтересованные стороны, такие как сообщества и отрасли, нарушают их права человека; локальные общины считают, что их права человека нарушаются посетителями и растущей промышленностью; а «работники туристической сферы считают, что и работодатели, и туристы игнорируют их человеческое достоинство»¹². Таким образом, с одной стороны, туризм способствует развитию экономики государства, а с другой – нарушает основные права людей, особенно местных жителей.

Похожий процесс наблюдается и с распределением экономических выгод от развития туристической отрасли: большая часть прибыли от туризма возвращается обратно в промышленно развитые страны, а люди, занятые обеспечением этой сферы, т. е. те, кто предлагает свои природные, социальные и культурные ресурсы, чтобы сделать туристский продукт конкурентоспособным, либо те, кто имеет несопоставимо низкий доход либо страдает от ухудшения уровня жизни в результате отрицательных экологических, социальных и культурных эффектов от туристической деятельности.

Концепция туризма в формате отношений «господин – слуга» является главным социокультурным основанием нарушения прав местных жителей. Однако если они начинают противиться принятому порядку вещей, то жители нарушают права туристов. В туристской индустрии принято считать, что невозможно предложить качественный сервис для посетителей и в то же время защитить права своих сотрудников. В то время как основные потребности сотрудников не удовлетворяются, туристы чувствуют себя «королями». Для бизнес-сообщества поддержание долгосрочных отношений путем развития устойчивых партнерских отношений – это нереализуемая идея, и единственный способ удержаться на рынке услуг заключается в политике использования заинтересованных сторон. Для правительств туристическая отрасль является быстрым решением проблем, связанных с налоговыми поступлениями и валютным резервом, и власти стараются извлечь максимум из туристических компаний, которые, в свою очередь, стараются добиться максимальной прибыли от своих клиентов.

В сфере туризма важными заинтересованными сторонами, как правило, являются местные общины, работники сферы туризма, предприниматели, правительственные и неправительственные организации и – самое главное – сами туристы. Это те самые акторы процесса, которых волнует соблюдение прав человека, и, следова-

тельно, они могут управлять направлением реализации прав человека и осуществлять мониторинг в сфере туризма.

В исследованиях¹³ последних лет часто показывается, что туризм может привести к изменению или потере национальной идентичности и ценностей, вызванной глобализмом и различными формами адаптации к туристическому спросу.

Социально-экономические выгоды от развитой туристской сферы все чаще оказываются под сомнением в связи с негативным эффектом, который оказывает глобализм, выстроенный под копирование западного образа жизни и, следовательно, общества глобального потребления.

Для принимающих стран международного туризма индустрия туризма создает зависимость от непостоянности и колебаний мировой экономики за пределами их местного управления. Местная экономика и ресурсы используются не на благо и развитие своей страны, но на экспорт и на развлечение туристов. «Местные общины во многих местах туристской дестинации чувствуют, что их основные и производные права человека были забраны во имя развития туристской отрасли»¹⁴.

В 2007 г. организация «Забота о туризме» обратила внимание общественности на право местных общин на землю, воду, электричество, жилье, образование, здравоохранение и природные ресурсы. Часто местные жители не имеют право голоса, их выгоняют из собственных домов, их плодородные сельскохозяйственные земли используются для строительства гостиниц и полей для гольфа, пляжи, которые они привыкли посещать бесплатно, отдаются под строительство дорогих курортов, доступ в которые в дальнейшем будет ограничен, – все это является нарушением прав человека принимающей стороной.

Традиционно туризм не воспринимается как область научно-практического знания, где теория прав человека могла бы найти свое применение, однако социально-культурные, экономические и даже политические последствия применения конкретных статей Всеобщей декларации прав человека могут не только изменить индустрию туризма и развлечений, но и повлиять на развитие гуманизма в современном мире.

Более того, если внимательно отнестись к тексту Декларации, то можно обнаружить, что принципы, записанные в ней, имеют больше отношения к туризму, чем к любой другой отрасли. Например, статья 13 гласит, что каждый имеет право на свободу передвижения¹⁵, а статья 24 – что каждый имеет право на отдых, досуг и оплачиваемый отпуск¹⁶. Кроме того, некоторые из целей Всеобщей

декларации прав человека, преподносимые в ее преамбуле, представляют собой социальные цели туризма: например, Всеобщая декларация прав человека говорит о роли защиты прав человека в укреплении и развитии дружественных отношений между народами; точно так же одной из негласных, но вечно повторяемых целей туризма является достижение межнационального согласия и мира.

Несмотря на то что в зарубежной литературе туризм давно перестал восприниматься как отрасль применения исключительно практических умений и навыков и стал частью академических исследований, концепция прав человека все еще мало вовлечена в данный дискурс. Подобное явление кажется странным, поскольку исследования туристского сообщества, несмотря на свою специфику, обильно обогащают сети номологической теории туризма, но при этом работ, посвященных взаимодействию туристской отрасли с правами человека, крайне мало. «Одним из наиболее актуальных для современной науки о правах человека является вопрос о праве и правах человека в условиях мультикультурализма. Мультикультурализм и мультикультурные практики привели к признанию наряду с универсальными правами человека национально-культурной специфики в различных политических и правовых системах. При этом на первый план выходят проблемы обеспечения индивидуальных прав, личной безопасности и защиты индивидуального самоопределения»¹⁷.

Популярность туризма (мода на туризм) составляет одну из характерных особенностей глобализованного мира в XXI в., одновременно такую же популярность набирает тематика борьбы и соблюдения прав человека. На этом фоне одним из наиболее значимых для практического применения принципов прав человека становится туризм, который может действовать как инструмент для глобальных позитивных действий.

Примечания

- ¹ *Шатина Н.В.* Институты обеспечения прав в России. М.: РУДН, 2012. С. 3.
- ² Amnesty International [Электронный ресурс]. URL: <https://amnesty.org.ru> (дата обращения: 15.12.2016).
- ³ Human Rights Watch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hrw.org/ru> (дата обращения: 15.12.2016).
- ⁴ Всемирная организация против пыток (ВОПП) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.refworld.org.ru/publisher/ОМСТ.html> (дата обращения: 15.12.2016).

- ⁵ Freedom House [Электронный ресурс]. URL: <https://freedomhouse.org> (дата обращения: 15.12.2016).
- ⁶ Anti-Slavery International [Электронный ресурс]. URL: <http://www.antislavery.org/english/> (дата обращения: 15.12.2016).
- ⁷ ECPAT International [Электронный ресурс]. URL: <http://resources.ecpat.net/EI/index.asp> (дата обращения: 15.12.2016).
- ⁸ The United Church of Christ (UCC) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ucc.org/> (дата обращения: 15.12.2016).
- ⁹ Tourism Concern [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tourismconcern.org.uk> (дата обращения: 15.12.2016).
- ¹⁰ EQUATIONS [Электронный ресурс]. URL: <http://www.equitabletourism.org> (дата обращения: 15.12.2016).
- ¹¹ *Branson R., Craven R.* Customer is King: How to Exceed their Expectations. L.: Virgin Books Ltd, 2008. P. 121.
- ¹² Slavery, contested heritage, and thanatourism / G.M.S. Dann, A.V. Seaton (Eds). // International Journal of Hospitality and Tourism Administration. 2001. Vol. 2, No. 3/4. P. 1–29. P. 5.
- ¹³ См.: *Babu P.G., Varghese V.* Human rights in tourism: Conceptualization and stakeholder perspectives // Electronic journal of Business ethics and organization studies. 2007. Vol. 12, No. 2. P. 40–48; *Holden A.* In need of a new environmental ethic for tourism // Annals of Tourism Research. 2003. Vol. 30, No. 1. P. 94–108; *Saarinen J.* Traditions of sustainability in tourism studies // Annals of Tourism Research. 2006. Vol. 33, No. 4. P. 1121–1140; *Pizam A.* Tourism's impacts: The social costs to the destination community as perceived by its residents // Journal of Travel Research. 1976. Vol. 16, No. 4. P. 8–12; *Tharoor S.* Are human rights universal? // World Policy Journal. 2000. Vol. 16, No. 4. P. 1–7.
- ¹⁴ *Khan M.M.* Tourism development and dependency theory // Annals of Tourism Research. 1997. Vol. 24, No. 4. P. 988–991.
- ¹⁵ Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций (ООН). URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> (дата обращения: 15.12.2016).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Барышева Е.В., Гордеева М.А.* Теории прав человека. М.: РУДН, 2012. С. 24.

Abstracts

P. Alipov

A. Mau, N.P. Kondakov and M.I. Rostovtseff. To the issue of the historians' scholarly cooperation

The article considers the scholarly cooperation of A. Mau, N.P. Kondakov and M.I. Rostovtzeff, the three outstanding historians of the turn of 19–21 centuries. An impressive upshot of this partnership has become Rostovtsev's two earliest published works, dedicated to the analysis of results of archaeological excavations in Pompeii in 1880–1890-ies. The author underlines the creative character of M.I. Rostovtzeff's understanding of A. Mau's and N.P. Kondakov's methodological principles. This helped Rostovtzeff to skillfully combine in his own investigations the scrupulous accuracy when dealing with historical sources and essentially new methods of their interpretation.

Key words: M.I. Rostovtzeff, N.P. Kondakov, A. Mau, Pompeii, iconographical method, the Pompeian styles.

B. Antonov

Correlating *evil* and *enemy* moral-religious concepts in Ronald Reagan's speeches

The inevitable historical prerequisite (and the consequence as well) giving rise to any war conflict is the *enemy* concept with its deep interpretative and contextual meaning. Within the political and legal system of the USA the *enemy* concept has been traditionally correlated with the moral and religious concept of *evil* as in the war time the religious rhetoric of the USA plays the role of a moral criterion in defining the legitimacy of warring sides' actions.

The usage of the religious context with *evil* and *enemy* concepts creates the illusionary portrait of the USA as an objective judge estimating other nations' political actions without giving any evidence to the objectivity of these estimations.

Pretending to be the God-chosen nation with missionary obligations, the USA is unable to initiate and develop relations of equality and partnership with any subjects of international law.

Key words: the empire of evil, enemy, friend – foe, good – evil, believer – atheist, missionary state, messianic language.

R. Barakhoev

Strategies of partnership of the society with the power under conditions of deliberative cyberdemocracy. The concept and prospects of its realization

The article is devoted to the analysis of main issues of organizing the civil online deliberation that arise while studying the attempts of putting into practice the deliberative cyberdemocracy model. The model is based on a synthesis of M. Poster's cyberdemocracy ideas and J. Bessette's concept of the consultative or deliberative democracy. The author analyzes the way certain cyberdemocracy elements are being employed in South Korea paying special attention to the experiments in the field of online deliberation which reveals the potential of the network of the Internet dialogue and Internet-discussions as a new tool employed by citizens to participate in modern politics.

Key words: cyberdemocracy, electronic democracy, deliberative democracy, Internet, online-deliberation.

S. Boyko, J. Poleschuk

Partnership strategies formation in the experts' communicative style in the sphere of state administration

The article considers the need of both: professional orientation and competence formation, on the one hand, and the acquisition in the learning process of moral psychological qualities by future state administrators. The sphere of interaction between state institutions and civil society in the transparent information space might give birth to conflict in social cooperation. The authors demonstrate the results of diagnosing students' reaction to social conflict situations. Proceeding from the survey's results the authors offer certain methods of forming modern and appropriate styles of public officials' reactions to the issues of social cooperation.

Key words: state administration, styles of reaction to social conflicts, professionally important qualities.

E. Dolgova

Conflict *vs* cooperation
in Soviet science in the 1930s.
Status, privileges and party membership

The article is aimed at identifying the relationship between scientists' party affiliation and their position in the status nomenclature of the scientific community in the 1930s. While analyzing statistics over 1937, the author comes to the conclusion that there was hardly any interdependence between scholars' party membership, their career and professional promotion and granting social and economic privileges by them. There was no tough state request for scientists party members either. Thus, the author offers to consider the interaction of state authorities and scientific community not from the point of view of conflict but as a kind of cooperation.

Key words: Soviet science, scientists, party membership, status nomenclature, privileges.

N. Filin

Electoral fraud in the 2009 presidential
elections in Iran

The 2009 mass protests in Iran demonstrated a social partnership crisis inside the Iranian social and political system. As a result of this, the country was divided into two camps: supporters and opponents of the Mahmoud Ahmadinejad, who won the presidential election. On the day following the announcement of the voting results the protests, staged by supporters of the defeated candidate Mir-Hossein Mousavi, began in many cities around the country, resulting in numerous arrests and victims among the protesters. They believed that the election results were falsified in favor of Mahmoud Ahmadinejad. To what extent the protesters were right is an issue of a profound scientific interest.

Key words: Iran, power, demonstrations, presidential elections, falsifications, opposition.

N. Illeritskaya

Social partnership in Russian history. Versions of Russian historiography

The article analyses the presence of an issue of social partnership in Russian historiography of 19th – 21st centuries. The author concentrates her attention at the intellectual construction of “social partnership” proposed by the young generation of the historical juridical school. The model was generally accepted in the Russian classical historiography and rejected by Soviet historiography. Modern social history nevertheless resuscitates the intellectual construction and incorporated it into the history writing practices.

Key words: social partnership, intellectual construction, historical juridical school, social history.

A. Kharitonov

Chinese peculiarities of “soft power”

“Soft power” concept has been gradually entering the foreign policy discourse of the world leading countries since the beginning of the 1990s. China’s leadership decided to employ the potential of “soft” influence in order to improve the country’s image abroad, especially after the rise of anti-Chinese sentiments. It also took into account the proximity of “soft power” concept to the ideas of ancient Chinese philosophical schools which in its turn influenced the process of implementing the concept within the framework of the country’s foreign policy doctrine, having transformed a foreign conception into “soft power” but with Chinese peculiarities.

Key words: “soft power”, confucianism, PRC, “Chinese dream”, “Chinese threat”, CPC.

I. Korneev

1980 Summer Olympics in Soviet propaganda. Cooperation and confrontation in international sports politics 1975–1989

The organization of major sports events has become an important part of international cooperation in the second half of the 20th century. At that time, the Olympic movement was often used for political purposes because of its growing popularity. The XXII summer Olympic

Games in Moscow showed high dependence of professional sports on politics, and its significance under the conditions of confrontation between two socio-political systems: socialism and capitalism. The author traces back the transformation of Soviet propaganda settings while highlighting the Moscow Olympics from 1975 to 1989.

Key words: Moscow Olympic Games in 1980, Soviet propaganda, Cold War, sport in the USSR, the Olympic Movement.

N. Morozova

Chinese language spread as a source for Chinese “soft power”

The article considers language exchange of PRC with foreign countries, along with the educational linguistic strategies, as the key measures to increase the “soft power” capacity of the state. Since the end of the 90’s the use of “soft power” concept is becoming one of the leading components of the PRC policy. The spread of the Chinese language, that reflects culture heritage and specific perception of the reality, correlates proportionally with the dynamic growth of “soft power”. Expanding the use of language outside the country increases the possibilities of cooperation in the fields of culture and education, and not only. It also leads to multidimensional strategic cooperation with partner countries. The paper provides examples of Chinese cooperation with other regions in the field of language exchange and describes educational platforms that implement the political course of the country. Such employment of language resources reinforces the status of the Chinese language, moulds the image of the state in the international arena, and lays foundation for the sustainable development of political course. In accordance with the concept of “soft power” it strengthens the state’s influence in the era of globalization and information society.

Key words: Chinese language, language exchange, language planning, soft power, cultural diplomacy.

A. Panov

Images of Russian America in captain John d’Wolf’ memories

The article considers the images of Russians and Indians in American merchant ship captain John d’Wolf’s representation. He visited Russian possessions in America and crossed Siberia in the beginning of the

19th century. Since the end of 18th century Alaska was being integrated into the Russian Empire simultaneously it gradually entered the area of economic and political interests of the USA. American merchants, visiting Russian settlements and encountering their inhabitants in the north-west of the continent, created images of both Indians and Russians.

Key words: Russian-American relations, imagology, mental geography, Russian America, orientalism.

Yu. Perfiliev

Cooperation and consolidation of regional political elites in modern Russia by example of Irkutsk region

The article considers the factors of consolidation of regional political elites taking as an example the Irkutsk region. The author uses four factors of consolidation of elites in an analysis of the favorability of economic, political, demographical and cultural conditions of Irkutsk region for building the vertical of power. The presence in the region of several powerful corporations with opposing interests leads to a deficiency of cooperation between intraregional elites. The study concludes that the factors highlighted by the author in compound with a deficit of cooperation make the political elite of Irkutsk region unconsolidated.

Key words: regional elites, regional political regime, cooperation of elites, consolidation of elites, Irkutsk region.

A. Logunov

Day of human rights and tolerance.
Designing social practices

The round table was devoted to the development of new social practices needed to address the challenges of adapting to the present challenges. The problem of adapting to the existing European and Russian values in the migration crisis was the main topic of the scientific debate. The participants discussed the most valuable European practices in the field of social cooperation along with the problems of migrant and Russian families, highlighting some social strategies of young migrants' adaptation. There exist two main components in the framework of this problem. First, obtaining their own basic foundations meaningful values

differ greatly by their considerable adaptive capacity in relation to the external challenges. Second, while interpreting new social practices one should comprehend both – the mechanism of forming as well as the sense of the basic values.

M. Shteynman

Migration in the 21st century.
Socio-cultural challenges and social cooperation

At present Europe goes through the clash of different matrixes of social reality perceptions represented by migrants, sharply increasing in numbers, – one the one side and local residents – on the other. Overcoming that communication conflict lies only on the way of social cooperation with due regard for specifics of three dominant challenges, those of the territory, values and civilization.

Key words: migration, refugees, modern Europe, the European Union, social cooperation, social and cultural archetypes.

G. Mikhaleva

Migration policy in the European Union

Migration policy in the European Union is one of the most sensitive political topics. The current wave of refugees is not the first in the history of Europe. But only the European Union has consciously developed policies regulating migration and integration of refugees and migrants of various types: refugees who visit their families, labor refugees, and those from the warring countries.

Key words: European Union, migration, integration, refugees, migration waves, social conflicts.

M. Gordeyeva

Social cooperation in the adaptation of migrants.
An analysis of German and Russian approaches

This article is devoted to the analysis of different national approaches to migration issues by the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. The case of searching for innovative strategies to address

the issues of integration of migrants is related to the activation of social cooperation potential, both at the level of state institutions and civil society.

Key words: human rights, social cooperation, migration, social adaptation.

S. Dontsev

Human rights in social practices of the Orthodox church. Social and political dimension

The article analyzes the concept of human rights in social practices of the Russian Orthodox Church considering the basic directions of this concept development in the context of the state-religious relations and its impact on socio-political processes in modern Russia. The author also analyzes Orthodox Church human rights discourses and concludes that human rights conception (as it is interpreted by the Church) effects the formation of the Russian model of secularism.

Key words: human rights, secularism, the state-religious relations in Russia, Russian Orthodox Church, human rights activities.

I. Azernikova

Human rights and tourism. A cooperation in the era of glocalization

The article presents a unique (for Russian science) attempt to integrate the human rights conception into a kind of research aimed at developing tourism. In the name of development and prompts enrichment human rights are often neglected while there are definite long-term advantages particularly in tourist sector to be gained by actively promoting them. The present work serves the purpose of explanation why the concept of human rights requires particulare attention in the context of tourism.

Key words: human rights, tourism, the universal Declaration of human rights, glocalism, ethnicity, civilization.

Сведения об авторах

Азерникова Ирина Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры современного туризма и гостеприимства факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, irina.azernikova@icloud.com

Алипов Павел Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, palipov@mail.ru

Антонов Борис Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, heidel@rambler.ru

Барахоев Руслан Измаилович – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, mozartiney@yahoo.com

Бойко Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, bsi1952@yandex.ru

Гордеева Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, gordeevamaria@inbox.ru

Долгова Евгения Андреевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова факультета истории, политологии и права Историко-архивного института, заместитель руководителя НОЦ, Центр междисциплинарных гуманитарных исследований РГГУ, dolgova-evg@rambler.ru

Донцев Сергей Павлович – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, dontsev@gmail.com

Иллерицкая Наталия Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Корнеев Иван Евгеньевич – студент факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, vaniakorneev@mail.ru

Логунов Александр Петрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культуры мира и демократии, декан факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, al.logunov@yandex.ru

Михалева Галина Михайловна – доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, G_Mihaleva@mail.ru

Морозова Наталья Владиславовна – аспирант, преподаватель кафедры современного Востока факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ, morozova_natalie@yahoo.com

Панов Антон Сергеевич – аспирант, ассистент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, pushpanrocks@gmail.com

Перфильев Юрий Сергеевич – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, perforator.2007@mail.ru

Полещук Юлия Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического обеспечения профессиональной деятельности Института психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, polishuk@tut.by

Филин Никита Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, FilinNikita@yahoo.com

Харитонов Антон Игоревич – аспирант кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, antonkharitonov1991@gmail.com

Штейнман Мария Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, philology@mail.ru

General data about the authors

Azernikova Irina P. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Modern Tourism and Hospitality, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, irina.azernikova@icloud.com

Alipov Pavel A. – Ph.D. in History, associate professor, Department of History and Theory of History, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, palipov@mail.ru

Antonov Boris A. – Ph.D. in Law, associate professor, Department of International Security, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, heidel@rambler.ru

Barakhoev Ruslan I. – postgraduate student, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, mozartiney@yahoo.com.

Boyko Sergey I. – Ph.D. in Political Science, associate professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, bsi1952@yandex.ru

Dolgova Evgeniya A. – Ph.D. in History, senior lecturer, Knorozov Center of Mesoamerican Studies, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Deputy Director of the Center of Inter Humanities, Russian State University for the Humanities, dolgova-evg@rambler.ru

Dontsev Sergey P. – Ph.D. in Political Science, associate professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, dontsev@gmail.com

- Filin Nikita A.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, FilinNikita@yahoo.com
- Gordeyeva Mariya A.* – Ph.D in History, associate professor, Department of Culture of Peace and Democracy, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, gordeevamaria@inbox.ru
- Illeritskaya Natalia V.* – Dr. in History, professor, Department of History and Theory of History, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, natalia.v.illeritskaya@gmail.com
- Kharitonov Anton I.* – postgraduate student, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, antonkharitonov1991@gmail.com
- Korneev Ivan E.* – student, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, vaniakorneev@mail.ru
- Logunov Alexander P.* – Dr. in History, professor, Head of the Department of Culture of Peace and Democracy, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, al.logunov@yandex.ru
- Mikhaleva Galina M.* – Dr. in Political Science, professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, G_Mihaleva@mail.ru
- Morozova Natalia V.* – postgraduate student, lecturer, Department of Modern East Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, morozova_natalie@yahoo.com
- Panov Anton S.* – postgraduate student, assistant lecturer, Department of Area Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, pushpanrocks@gmail.com
- Perfiliev Yury S.* – postgraduate student, Department of Culture of Peace and Democracy, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University of Humanities, perforator.2007@mail.ru

Poleschuk Julia A. – Ph.D. in Psychology, associate professor, Department of Psychological Support of Professional Activities, Institute for Psychology, M. Tank Belarussian State Pedagogical University, polishuk@tut.by

Schteynman Maria A. – Ph.D. in Philology, associate professor, Department of Theory and Practice of Public Relations, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, philology@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 21.03.2017.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 25

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи
без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71127.
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!
